

Соломон Корвейн

Души человеческие
«чёрный меч»

2023

"Чёрные мечи" — небольшая наёмная кампания из Таранто, чей хлеб — это небольшие конфликты и защита деревень от нападений технокриков. Руины бывшей Италии полны ужасов и возможностей, которыми и пользуются наёмники, чтобы выжить и преуспеть. Но на этот раз им выпал шанс проявить себя перед Ковенантом — на юге страны вспыхнул мятеж, который нужно подавить. Зажиточный сеньор сбросил с себя иго Неаполя и "Чёрные мечи" вошли в карающее воинство. Теперь их дальнейшая судьба зависит от мастерства и умений.

Йозеф Ди'Андорр — рекрут, недавно ставший наёмником. Он стремится к повышению, желает устроить получше жизнь и работа солдатом сулит немало денег. На осколках родного города, песках Ливии и цитадели "сынов Мальты" ему предстоит стать настоящим "чёрным мечом". Но, помимо богатства и славы, путешествие принесёт ему нечто большее...

Предисловие и Пролог

Посвящается Шани Николь Лук.

Предисловие

Дорогие друзья и читатели, хотелось бы сказать пару мыслей по поводу этой книги. Изначально я думал, что это будет обычный экшен, невзрачный боевик, который написан ради развлечения, чтобы дать начало ещё одной серии о постапокалиптическом мире и выживании в нём. Это была бы история об опасных приключениях, о хороших друзьях и любви в условиях, когда всё вокруг катится в преисподнюю.

Но события, заставшие меня в начале октября совершенно выбили из колеи, настигли итак в прескверном состоянии. У каждого своя правда и у меня нет желания сейчас говорить, кто виноват, а кто нет... пусть каждый из Вас решит это самостоятельно. В тоже время всё это безумие заставило меня задуматься — насколько мы далеки от идеала, который сами и провозгласили. Ибо многое говорит о том, что мы недалеко ушли от наших предков, ведь со времён медного и бронзового века человек всё так же пристрастен к делу гибели, делу разрушения, нежели делу созидания и милосердия. Сладостный миг покоя и тишины, надежды, на стыке веков оказался под угрозой. Как оказалось, высокое звание единственного разумного вида не по силам многочисленным «племенам земным». Жажда войны, алчность, безумные идеи и пред всем этим жизнь человеческая оказывается всего лишь жалкой помехой, которая станет пищей для адской мельницы «холодной» необходимости, которую перетрут жернова амбиций сильных мира сего.

Неужто и правда, что «всё — прах»? Зачем мы живём? К чему мы призваны? Что значит быть человеком в самом высоком смысле этого слова?

Итак, в цикле произведений я постараюсь ответить на эти вопросы, посмотреть на них через призму мира, пребывающего в состоянии полураспада.

Так же, хотелось бы сказать, что не только эта книга, но и весь цикл будет посвящён памяти Шани Лук. Не во имя пиара, а просто потому, что эта история имеет привкус пепла на языке, травит едкой горечью. В её лице, как и во многих других, которые нашли вечный покой в те дни, можно увидеть, как находит отражение всё вышеописанное, воплощается с исключительным бездушием и ужасом. Да, она оказалась песчинкой в круговороте событий, но и в тоже время идеальным олицетворением несправедливости этого мира, его извращённого и падшего состояния. К великому сожалению, те, кто не заслуживают смерти, те, кто, больше всего выступают за жизнь и мир, гибнут из-за диких и жестоких амбиций. Мы можем из всего этого извлечь важный урок.

Ладно, с лирическим началом закончили, теперь касательно мира.

Южные окраины солнечных Апеннин. До того, как этот край постигнет ужасная и печальная судьба ещё довольно долго и народ процветает, насколько это можно в мире разрушительной катастрофы. На полуострове безраздельно правят четыре могущественных державы — Лига Севера, Венецианская Аристократия, Итальянская Республика и Южно-Апеннинский Ковенант. Они неустанно и с остервенением делят скудные ресурсы, богатые торговые пути и пытаются существовать посреди всеобщего хаоса. Посреди них нет согласия — все стороны погрязли в конфликтах и неустойчивых перемириях, пытаясь выжить и урвать своё, преумножить то немногое, что есть. При этом каждый осколок былой цивилизации страдает от рук тех, кто её свет отринул окончательно — технократы и

жестокие культы терроризируют обычное население, утаскивают полуостров во мрак варварства. И дабы преуспеть в деле выживания, каждый, кто ещё дружит с умом, пользуется услугами наёмников — тех, кто посвятил делу войны всю жизнь, ну или хотя бы знаком с тем, что значит сражаться, кому ведома наука сражаться. Они — столп военной мощи богатых держав, опора сеньоров и лордов, а также решающая сила в споре с мятежниками или ордами дикарей.

В этом жестоком мире выделяется одна из компаний. Молодые «Чёрные мечи» пытаются заработать и рвутся доказать, что они заслуживают стать первыми среди наёмников. Однако их численность и более сильные, деловитые коллеги не дадут им это сделать. Для них отведена «почётная» ниша вспомогательного формирования, но порой упорство и стойкость творят чудеса, да и непрестанное противостояние правителей даёт дюжину возможностей, которыми грех не воспользоваться. На растерзанной и выжженной земле бывшей Италии они начнут свой путь, сражаясь во имя славы и денег.

Однако на руинах бывшего мира будет сыграна судьба, ставшая уроком и назиданием для многих, история маленького человека, оказавшегося всего лишь в нужное время и в нужном месте. Наёмник, которому уготовано великое будущее... горькое будущее. Его путь пройдёт красной нитью сквозь эпохальные события — от споров местных лордов и господ до апокалиптических столкновений исполинских империй. Братья древнего ордена, старинные культы, техноязычество, свет вечной веры, империя двуглавого орла, улицы вековых городов, возрождение мира — всё это и многое другое станет вихрем, который закалит, обратит во прах и возродит душу человека в круговерти тяжёлых испытаний... всё это заметут пески истории, оставив лишь пару сухих строк в исторических электронных манускриптах.

Ему предстоит понять, что значит быть живым, потерять все смыслы бытия и отправиться на их поиски, когда в железном сердце всё ещё теплится огонёк утраченной человечности. Кто знает, куда они приведут?

«И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему (и) по подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, (и над зверями,) и над скотом, и над всею землёю, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле».

— Книга Бытия глава 1 стих 26.

«Быть человеком значит буквально то же самое, что и нести ответственность. Это значит — испытывать стыд при виде того, что кажется незаслуженным счастьем. Чувствовать стыд перед нищетой, которая, казалось бы, и не зависит от тебя. Гордиться каждой победой, одержанной товарищами. Сознать, что, кладя свой кирпич, и ты помогаешь строить мир».

— Антуан де Сент-Экзюпери. Писатель докризисной эпохи.

«Человек — интересное существо. Во имя великих целей он готов на многое, а во имя ближнего — на всё. Но и ради пакости, ради вреда ближнему он готов на большие «деяния». Что же нас делает людьми? Разум и рассудок? Стремление к великому? Особая душа? Да будет вам известно, точно не делает нас людьми: жестокость, бессердечие, алчность, жадность, фанатизм и прочие страсти. Они нас явно делают хуже животных».

— Сарагон Мальтийский. «Чёрный оракул».

Пролог

В холодном сумраке ночи практически ничего нельзя было рассмотреть, только разве что золото куполов старого храма прорезалось сквозь плотную темень. Они смахивали на свет маяка, на искру света с густой тьме, горящие для заблудших душ и взывающие их ко спасению. У белых стен старинного собора разбит прекрасный сад, подобающий виду изумительного ковра из разных цветков, прорезанный гранитными дорожками. Совсем рядом, за чёрным металлическим забором, за асфальтовой дорогой громыхала железная дорога, окаймлённая буйством зелени.

Небольшой город на границе колоссальной державы крепко спал, и никто не смел нарушить покоя. Лишь чёрно-жёлто-белые стяги с грозным двуглавым орлом шелестели на ветру вкупе с громыханием составов. Комендантский час охранялся патрулями полиции и слугами Службы соблюдения временных ограничений Министерства порядка Российской Империи. Они рыскали всюду — особыми тройками исследовали тихие улочки Биробиджана в поисках нарушителей — от старого краснокаменного Арбата до древодомовых окраин городка. Никто и не думал выйти на затуманенные улицы кроме тех, кто имеет на это особе право.

Всё это создаёт сдавленную обстановку, отдающую свинцом. Люди жили словно под прессом, абсолютный надзор создавал атмосферу паранойи, а всеильный аппарат насаждал страх. Церкви же отдавалась благая роль создателя смысла жизни, как определяет император, но мало кто помнил об истинном смысле её.

Сквозь тьму полночи брёл только один человек, если его можно так назвать. Клацанье стальных подошв и гул механизмов перебивали слабосильную тишину и мистику сумрака. Это сгорбленная от усталости и старости фигура, облачённая в чёрную рясу с капюшоном, овеянная зловещим и мистическим ореолом. Он медленно шёл возле металлического забора церкви, внимательно осматривая его. Два ярко-синих насыщенных диодных уголька вместо глаз блистали во тьме, внимательно высматривая любые проблемы с конструкцией.

— Всё в порядке, — тихо проскрипел мужчина, когда убедился, что целостность не нарушена.

Он побрёл дальше, казалось, что сам мрак к нему липнет, и свет архаичных фонарей не может его разогнать. Существо змеёй вильнуло за ворота и остановилось, как вкопанное. В специальном стекле, которое защищало электронные зрительные нервы, отразился тусклый отблеск роз, линия за линией складывающихся в изображение белоснежного ангела. Минуты две взирала фигура на красоту, устроенную людьми, но от того на холодной лучше легче не становится.

— Всё это печально, — минорно он отметил. — Скоро осень, и они умрут.

Существо прошло дальше, подошло практически к розоватым гранитным ступеням церкви, где пред очами предстала неприятная картина. На табуретке сидел светловолосый юноша, практически заснувший. В пальцах ютилась весьма толстая книжка с голубоватой обложкой.

— Привратник, — холодно обратился мужчина и от брелчания техники паренёк аж продрог, подпрыгнул и чуть не грохнулся с табуретки. — Ты поставлен настоятелем для наблюдения за сим местом, так не спи же.

— Ах, это вы, — парень зевнул и поднялся, отдал поклон, и повинно опустив голову, заговорил, — простите за сон, я зачитался.

— Всё хорошо, — холодно-отстранённо произнёс мужчина, — просто будь собранней, как сегодня говорил архиепископ.

— Я ещё после послушания, — пожаловался юнец. — Я весь день с отцом Даниилом освещал кресты, иконы и энергокарабины для наших воинов-защитников из Казачьей гвардии и ракетчиков. Поговаривают, что на западе опять неспокойно, еретики их Либерального Капиталистического Союза вновь содомию насаждают. А вы не боитесь Имперской полиции?

— У меня есть особое разрешение, — он потёр пояс, где в под сумке таилась волшебная бумага, взглянув на юнца, тот покачнулся при свете безжизненных очей.

«Я ведь тоже был когда-то таким... я ведь тоже был когда-то из... плоти», — всколыхнулась отравляющая мысль в глубине рассудка, в искусственных нервах пробежала настоящая тоска, массивная как свинцовая плита.

— О чём ты читаешь? — пытаюсь сделать более-менее человеческий голос, спросила фигура. — Привратник Сергей.

— «О деяниях времён далёких» за авторством Иоанна Дециля. Из Рейха.

— Это сложная книга, — тихо произнесла фигура, словно бы чувствовала всю тяжесть, горечь, долготу и ужас событий, описанных тут... будто бы он сам испытал это всё на своей шкуре... или металлическом корпусе.

— Я знаю. Пока что я на самом начале. Интересная эта книга из Рима и описываемый герой... весьма занимательная фигура.

— А кто там главный герой?

— Йозеф Ди'Андорр, — произнёс малец и протянул книгу, — я читал о том, как он бился за сокровища бывшей Испании, о том, как сражался за целостность своей родины. Он был участником древнего ордена, который стремился сохранить осколки порядка в былом мире.

— Йозеф, — проскрежетал мужчина, отшагнув в сторону и подняв голову, лицевая маска чуть-чуть спала, и лунный свет холодным сиянием занял серебристое лицо. — Йозеф... Я очень давно не слышал этого имени.

— Вы были с ним знакомы?

— Йозеф, — повторило существо, точно бы смакуя это имя в ротовых механизмах, — я слышал это имя ещё до того, как ты родился и до того, как родились твои родители. Это... мне напомнило об очень старых временах.

— О каких? — с приоткрытым ртом юноша слушал слова старого монаха.

— Оно из тех времён, когда в мире торжествовала тьма, — казалось, что в безжизненном взгляде диодов пробежала тень ужаса, — когда мир пребывал в хаосе и бесконечных войнах. Не было тогда ни империй, ни сильных правителей, ни могущественных республик. Эпоха огня и железа, эпоха горя и торжества хаоса, эпоха ночи человечества, новые тёмные века.

— Видимо, этот человек был вашим знакомым? Из тех самых времён?

— Да, это имя мне очень знакомо, — стальные костеподобные пальцы легли на плечо, только перчатка не дала испугаться пареньку, — к великому сожалению я застал те времена. И я до сих пор несу их отпечаток на себе, — он провёл по груди, осторожно коснувшись места, там должно было быть сердца, но его давным-давно заменил мотор, — они сделали меня таким, какой я есть.

— Что ж, во всяком случае, этот человек мёртв, и мы можем только литию отслужить

по нему, если он был крещён в святом православии.

— Он не мог умереть, — в стальном голосе промелькнуло что-то призрака надежды, — пока он на страницах этой книги, в сердцах многих, он не может умереть.

— Поэтично сказано. Не для нас монахов, отче.

— Что же повествует Иоанн Дециль? — с жаждой, которую он слишком давно не чувствовал, спросил киборг.

— Тут много чего написано, — служитель культа поднял книгу, — но я только начал её читать.

— Что ж, — в механическом голосе все услышали жизнеутверждающие нотки, рясоносец поднялся в полный рост и расправил широкие плечи, казалось, что всё его тело, невероятно устаревшее, наполнилось новой жизнью, — расскажи нам, о чём ты прочёл?

Глава 1. Будни наёмника

Мелито-ди-Порто-Салво.

«Рекрут 4-0-0-1-7-9, войсковая часть fi-1-22», «Рекрут 4-0-0-1-7-9, войсковая часть fi-1-22», — повторял и повторял как мантру в уме паренёк, ступая между развалинами, осторожно всматриваясь в чёрные голодные окна невысоких городских зданий.

Ведь именно эту информацию он мог сообщить, если его возьмут в плен, это то, единственное, что могут проронить его уста. Ни словом больше, ни словом меньше.

Отряд идёт медленно, осторожно, поглядывая по сторонам, рекрут всё сильнее сжимает небольшой автомат, перемотанный бинтами и изолентой, местами ржавый и расхлябанный. Холодный металл сковывает пальцы, холод усиливает напряжённость и дрожь. Из рта рвутся клубы пара, грудь и бока сжимаются от прохлады, и от далёкого заокраинного гроыхания артиллерии. Мальчишки вцепились в дряхлые пистолеты-пулемёты, в раздолбанные пороховые винтовки, как в талисманы. У одного даже есть пулемёт — массивная «дубина», которой можно срезать пару десятков врагов. Но даже он не лишён недостатков. Впрочем, таким оружием вооружено большинство роты, ибо какая эпоха, такая и экипировка.

Перед ними раскинулась широченная большая улица, где из любого угла могли вывалиться засадные отряды и их порешить. Но по сообщениям разведки в этой части городка не должно быть никого, артиллерия согнала всех к югу. Часами ранее она и здесь хорошо поработала — под ногами всё усеяно воронками, бесчисленным количеством кратеров. То и дело попадаются несколько раз четвертованные тела в гудах строительного мусора и распоротых мешках с песком, раньше бывшими укреплёнными точками. Здания, и без того потрёпанные тяжёлыми временами, зияли дырами в крышах, вырванными кусками из стен, а так же телами мирных горожан, которые свешивались с окон, или валялись вперемешку с рассеянными кучами камня, дерева, кирпича и фанеры.

«Бедолаги», — подумал рекрут, смотря на убитых людей... ледяной ужас охватывал душу при одном взгляде в остекленевшие глаза женщин и детей, чьи жизни похитил сумасшедший огонь.

— Йозеф, — пихнул рекрута в плечо большой парень, вооружённый пулемётом, обвешанный латунными лентами, — страшно быть наёмником? А как ты петушился в том кабаке — «да я», «да я». А сейчас смотрю зассал?

— Всё нормально Румо, — покачал головой паренёк, поправляя неудобно нависшую каску. — Я просто в первый раз. И нет со мной сейчас того пива.

Всё неудобно. И пиксельная серо-чёрная форма, и короткие берцы, и бронежилет, затянутый до такой степени, что дышать трудно. Он ёрзает в них, вечно поправляет одежду.

— Понимаю, — усмехнулся пулемётчик, сорвав флягу и отпив, чутким носом рекрут ощутил жёсткий аромат спирта; из-за того, что он забил на китель, все видели бронзовый окрас кожи мускулистых рук воина, его броня ложилась прям на майку.

— Ты помнишь, как это было? Как ты подмахнул ту бумажонку?

Ум наполнился воспоминаниями, на секунду даровавшими миг приятного тепла. В небольшой ветшалай комнатке сохранялось довольно приятная обстановка — гроыхали несколько раз собранные и разобранные компы, за ними работали мужчины и женщины в видевшей виды одежде. Штопаные фраки походили на подражание моды эпохи культуры и

цивилизации. Йозеф сидел за небольшим столом и пил кафире, местный синтез кофе. Противная горечь, желчь и скрип песка на зубах были платой за право ощутить чудеснейший аромат былых эпох и что-то отдалённое напоминающее о вкусе кофе. Юнец только вчера пил с новыми «друзьями» в местном трактире, которые его так и звали на службу в Компанию. Он и согласился, ведь ему обещали постоянное хорошее жалование, статус, пищу и одежду. Это намного лучше, нежели за гроши работать на рынке или в порту, голодать и страдать от всемогущества банд и самодурства местных правителей. Он нехотя, сомневаясь, но всё же подмахнул подпись в контракте и тут же был зачислен в первый батальон со званием рекрута. Его приняли с радостью, наёмникам всегда нужны люди. Что ж, теперь он здесь.

— Ну что тут сачковать. Добро пожаловать в нашу доблестную Компанию, — пулемётчик ударил кулаком в плечо парнишку.

— Тихо! — гаркнул сержант, чей статус отмечен шевроном с бронзовым квадратом на правом плече.

Они прошли ещё пару метров, как появились силуэты далеко впереди. За мешками с песком, за колючей проволокой и насыпями, быстро сформированными инженерными взводами, виднелись фигуры. Отряд мгновенно залёг, всматриваясь вперёд.

— Что ещё за б...? — какой-то выругался солдат, но его ругань заглушил отзвук выстрелов вдалеке. — Артиллерия же говорила, что всех покрошила. Как они могли выжить?

Командующий группой приложил щеку к оружию, зрачок едва ли не уткнулся в оптику. Секунда, две... напряжение стало гнетущим.

— Противник! — скомандовал сержант, сигналом битвы стал яркий трещащий жёлто-красный луч.

Энерговинтовка командира отделения озарила серые пейзажи светом. К ней присоединилось стрекотание автоматов — рой, целый рой пуль ударил в баррикады. Пулемёт просто взревел, выслав рвущие очереди, сотрясающие воздух.

Йозеф тоже стал стрелять. Он прижал стальной язычок, и «уродец» в его ладонях стал ритмично дёргаться. Металл закричал, было чувство что он вот-вот и развалиться. Но юнец крепко сжал его, продолжить безудержно палить. Всего пара секунд и раздался предательский звон — магазин пуст, прямая металлическая коробочка пуста.

— Эй, — пихнул его солдат, — ты не дуркуй, стреляй очередями!

Из подсумка он вынул новый магазин и подсоединил, щёлкнув по кнопке и переведя оружие в режим стрельбы по три пули. Осталось ещё четыре обоймы. Йозеф не волновался насчёт защищённости — он спрятался за баррикадой из битых и обгоревших машин, его достанут разве что из миномётов. Возле него валяются торс врага, ноги где-то потерялись в разбросанных кусках асфальта, оторванных огнём арты.

Враги не остались в долгу. Они принялись отстреливаться — автоматы и винтовки затарабанили, нос стал щекотать неприятный запах пороха, в ушах всё звенело, медленно подбиралась глухота.

— Командир, какого чёрта! — орал в рацию сержант. — Арта не всё отработала! Тут ушлёпки Гереро!

— Снарядов не хватило, засранец! — крикнул в ответ лейтенант. — Не ссыкуй, прорывайся!

Мужик убрал станцию, снова прижавшись к энерговинтовке и пару раз выстрелив в врага. Прямой луч сверкнул как свет фонарика, даже обласкав кому-то грудь.

— Чёртов придурок ты, а не лейтенант! — фыркнул сержант, махнув солдатам. —

Держитесь ослы, сколько там уродов?!

— Не менее пятнадцати! — крикнул какой-то воин. — У них пулемёт есть!

— Пока держим позиции!

Отделение в двенадцать бойцов рассредоточилось по укреплениям, за баррикадами и в укрытиях, продолжая стрелять. Огонь ни на секунду не останавливался, превратившись в плотную стену. Но долго статичная перестрелка не продлилась долго.

Позади послышался гул. Йозеф обернулся, увидел, как по дороге ехали большие коробчатые махины. Листы стали выкрашены в тёмно-зелёный цвет, наверху крутятся четыре ствола автоматического зенитного орудия. Гусеничный скрип перекликался с тракторным тархтением мощных двигателей.

— Кавалерия здесь! — обрадовались солдаты.

БТРы направили башни и четыре ствола выдали сумасшедший шквал огня, оглушив всё живое неистовым рёвом. Приваренные зенитки направили целые огненно-яркие ленты, которые взрывали землю, вспаривали мешки и рвали плоть. За укреплениями раздались вспышки багровых облачков, к небу устремились вопли агонии и боли.

Перестрелка на этом участке фронта завершилась, стрелять больше не в кого. Люк отворился, и оттуда высунулась сначала голова, а потом и весь торс. Худощавый мужик в берете улыбнулся, показав ряд жёлтых зубов. А затем и все услышали его звонкую речь:

— Лейтенант нас кинул вам. Говорит, чтобы ты не говношил.

— Ах, позаботился всё же о нас чёрт старый, — перекинул за спину оружие сержант. — Спасибо вам. Что с артой?

— Да эти суки из армейского снабжения не подогнали снарядов вовремя, не хватило, чтобы всё тут вспахать. Теперь наши месят юг, перемальвая там всё. На эту часть города нет ничего.

— Бля, ублюдки из армии Ковенанта нас в могилу сведут. Если уж наняли, то выполняете договор.

— Ты знаешь, штаб экономит на всём. Что наша жизнь наёмника? Для армейского НШа[1] лучше пусть десяток наших сдохнет, нежели он грузовик со снарядами притаранит.

— Автомат ему в жопу! — командир поднял руку. — Ладно, давай. Нам дальше нужно двигаться. Если опоздаем, капитан неделю будет..., - мат скрыт за громов обстрелов.

На этот раз северные предместья города пощекотал «бог» войны. Штабные позиции и командные пункты наёмников и государственных войск поняли, что они нифига не в безопасности.

— Вот сука, ответили чем-то, — мужик стал нырять обратно в БТР. — Бывай. Ты ток не сдохни, как псина.

Йозеф помотал головой. Эти разговорчики, солдатская обстановка и кровь с порохом. Всё это было в новинку. Да, он хоть и работал в муниципальной полиции до этого, видел убийства, треш маньяков, жестокие разборки и ругань, но не в таком количестве. Это смущало, но нужно собрать всю волю в кулак и идти дальше.

Рекрут поплёлся за отрядом, целясь через скошенный прицел и вспоминая детали операции. Их Компанию наняли власти Южно-Апеннинского Ковенанта для подавления остатков мятежа, отчаянного выступления сеньора Гереро. Государство не могло в одиночку справиться с широким восстанием, охватившим весь юг бывшей Италии, призывная армия, полуразворованные склады и колоссальная некомпетентность не позволяли провести успешную операцию. Но на помощь пришли наёмники, которые и стали молотом,

прорвавшим передовые позиции. По крайней мере это была официальная информация, которую транслировали в медиаполе страны.

Они подошли к месту, где размещались враги. Йозеф еле как удержался, чтобы не стошнило. Под ногами серый асфальт выкрашен в гадкий багрянец, разорванные тела валяются кусками уродливой плоти, перемешанной с песком и камнями. Рекрут поднял взгляд к небу, чтобы не видеть органов и торчащих костей. Зенитки превратили зону обороны в подобие кошмара.

— Господин, — крикнул пулемётчик, подняв руку трупа за рукав, показывая шеврон с красным клинком на жёлтом фоне, — это засранцы из секты Братство ножа. Кажись, Гереро совсем поехал, если нанял этих садистов.

— Румо, я готов поставить на то, что петуха уже нет в городе, — плюнул под ноги сержант, поправил серо-зелёный шлем. — Клянусь печенью, он сложил золото, деньги, взял девок и свалил в Сицилию.

— Это ставка, господин? — лукаво улыбнулся пулемётчик.

— Может быть.

— Если он ещё в городе, сержант, то ты мне оплатишь двух шлюх.

— Хорошо.

Рация на груди командира зашипела, оттуда сквозь статику и помехи полился крик:

— Тринадцатые, тринадцатые! Да вашу мать!

— Тринадцатое отделение четвёртого взвода второй роты первого батальона на связи! — ответил командир. — Сержант Дьяко.

— Командир роты, капитан Кемирр.

— Да, господин капитан!?

— Командир батальона требует, чтобы хоть кто-то пробился к улице Виа Марина. Оттуда должны рвануть к какому-то полю на востоке города.

— А там, что за херь?

— Расположено полевое управление ударной группой беспилотников. Скорее, это механическое комарье уже задолбало! Конец связи.

Пока сержант готовился связаться с остальными отделениями, как впереди посыпались новые враги, обозначив своё явление беспорядочной стрельбой. Йозеф спрятался за мешком с песком, прижал к себе автомат.

— Отстреливайтесь, бля!

Пулемётчик закрепился за разбитой машиной и разорвал воздух штурмом пуль. Учитывая, что улица представляет коридор между стеной домов, огонь был более чем концентрированный. Бежевые кителя «братьев ножа» окрасились в алый, люди стали падать один за другим. К нему присоединились автоматы, остановив неожиданную контратаку.

Йозеф направил оружие к небу, когда услышал истошный вой. Пара беспилотников зависли над отделением карающей дланью мятежников. Один из них вильнул к земле и сбросил снаряд. Бомба взорвалась под ногами солдата, вспахав асфальт и скрыв его за фонтаном грязи. Спустя миг все увидели, что обе ноги валяются оторванными кусками мяса, а вся грудь вместе с бронежилетом перепахана, представляет смесь испорченного мяса и металла.

— Суки! — прокричал рекрут и прижал стальной язычок.

Очередь прорезала воздух и угодила в лопасти дрона. Тот покачнулся, свершил кульбит и грохнулся в домах. Второй попытался улететь, но Йозеф выпустил весь магазин, чтобы его

настигнуть. Пули разбили корпус, перебили плату и опрокинули аппарат, тот взвился волчком и юлой упал среди домов.

Сержант присоединился к бою. Энерговинтовка оставляла аккуратные опалённые дыры, смертельные и прожигающие по полтела. Вскоре отделение врагов насчитывало пять человек, и не могло больше продолжать бой.

— Куда побежали, уроды! — разорвался пулемётчик, не унимая стрельбы, его интенсивный огонь прошёлся кровавыми линиями по спинам удирающих, оставив в живых всего двух человек.

Йозеф смотрел на убитого, для которого воронка стала могилой. Он не знал этого парня, даже имени. Но всё равно грусть касается сердца... война — слишком тяжёлое занятие, несмотря ни на какие громкие слова Верховного совета Ковенанта о восстановлении родины и славы государства.

Сержант тряхнул парнишку за плечо.

— Оставь его, малец. Мёртвых не вернёшь, денег на отряд зато будет больше.

— Я понимаю, — Йозеф мотнул головой, подстегнув новый магазин.

Отряд медленно продолжил движение, переступая через разбитые уродованные трупы. Рядом с ними всё чаще стала попадаться тихо потрескивающая техника — огонь слабо вырывался из щелей и дыр. По коробчатым корпусам и башенкам Йозеф понял, что это БТРы и танки, которые накрыл гаубичный огонь и реактивщики.

— Через сто метров будет улица Виа дель Фортино, — стал говорить сержант. — В домах со стороны «Марины» могут быть сильные укрепления!

Солдаты его послушались, принявшись идти за своим командиром. На этот раз они вслушивались в «воздух», несмотря на постоянный гром арты и звуки пальбы. Йозеф вспомнил, что только сейчас они стали нарываться на сопротивление, в этой части всё же хорошо поработали пушки. Основной бой идёт к западу отсюда, где сосредоточилось не менее двух полнокровных полков. Против них три Компании наёмников и бригада армии. И всё же противник имел превосходство во флоте, чьи пушки отсекают бронетехнику танкового полка Ковенанта. На востоке города практически не было ворога, и рота Компании выполняла роль поддержки флангов, она без труда вклинилась между основным городом и выступающим столбом на север кварталом трущоб.

Они ушли с улицы Виа Антонио Орландо, протиснувшись в узком переходе. Когда-то тут был хороший укреплённый пункт, но военная необходимость и сумасшедший огонь артиллерии сделали из него кучу обломков. Станковая турель и несколько разломанных почерневших стволов энергопушек дополняли жестокую картину, «разукрашенную» разорванными трупами. Точное попадание разбросало укрытия, разнесло «поросль» колючей проволоки.

В этот миг флотская артиллерия снова дала о себе знать. Трёхсотмиллиметровые стволы взревели в один хор вместе с реактивными палубными установками. Над головами небо расчертили шлейфы дыма, по ушам бил свист летящих снарядов. А потом за спинами земля кусками взмыла, гаубицы и РСЗО дождём металлолома разлетались по округе.

— Ушлёпки, — сплюнул пулемётчик.

— Тихо, — скомандовал сержант. — Рассеяться и спрятаться.

Йозеф забрался под выжженную машину, съёжившись как загнанный кот. Его торс упирался в плоть, кровь с грязью попали на форму, «ласкали» гадкой массой кожу. В нос забивались запахи внутренностей, сырое мясо сводило желудок с ума.

Писк и шум стали сильнее, через сущие секунды полтора десятка больших аппаратов с двумя моторами медленно исследовали улицу. Беспилотники не спеша летели вперёд, будто бы высматривая каждый уголок, каждый сантиметр. Операторы знали, что тут группа пехоты, знали, что здесь опасный прорыв. Йозеф чувствовал, что штаб ударной группы должен быть неподолёку.

Рекрут ещё сильнее вжался, когда дрон оказался прямо на нем. Казалось, что этот липкий вонючий грязный китель вражеского солдата на его торсе, сам кусок тела, это стена за которой его не увидят. Дыхание практически остановилось, слух ловил каждый шорох.

Сводящая с ума тишина была буквально разорвана оглушительным огнём. Йозеф от неожиданности и страха ещё сильнее вжался в землю, не желая смотреть, что там. Но вот остальные парни из отделения высунулись, чтобы увидеть спасителей.

С севера по улице двигались высокие латники. Из тела закрывали листы металла, выкрашенные в цвета свинцового неба. На наплечниках шевронов красовался белоголовый орлан на фоне геральдического солнца. Сквозь зазоры на закрытых шлемах раздавалось гулкое тяжёлое дыхание. На спинах выросли небольшие горбы — реакторы, питающие костюмы.

— Бронепехота! — крикнул пулемётчик, смотря на воинов, закованных в прекрасные технодоспехи.

Штурмовые пушки, турели, плазмомёты и огнемёты стеной разрушения окатили дроны, выжигая корпуса до состояния чёрного угля, разнося их в клочья мусора. Лётное звено не успело даже отреагировать — они как мухи падали один за другим, усеивая улочку металлоломом.

Сержант, осмотревшись и убедившись, что больше нет опасности, спокойно подошёл к воинам. Он встал прямо, вытянулся и приложив кулак к груди чётко доложил:

— Командир тринадцатого отделения четвёртого взвода второй роты, первого батальона, сержант Дьяко.

— Командир первой боевой группы Первого братства капитан Франческо.

— Спасибо, господин. Нас тут чуть на ноль не помножили. Вы спасли наши задницы, и мы у вас в долгу.

«Рыцарь» склонил голову, и пневмомеханизмы застонали, вся техника на теле гремела, издавала гул.

— Нас послал к вам в помощь полковник Неро. Он ждёт скорейшего уничтожения командования ударной группы дронов, — голос воина — это тяжёлый бас, искажённый решёткой передачи, встроенной в область «рта» на шлеме. — Из-за них стопориться наступление по основной линии.

— Хорошо, — сержант поклонился. — Мы в вашем распоряжении.

Йозеф выбрался из укрытия, уткнувшись в одну из машин. Латник выше, сильнее, быстрее. Он могущественнее, его автопушка порвёт в клочья рекрута. Одно присутствие этого полубога войны бросало в дрожь.

— Жалкое зрелище, — с презрением «прожестел» воин, начав движение. Это нашло ответ в груди рекрута обидой, стыдом.

— Не очкуй, — потрянул парнишку Румо, — я тоже, когда их в первый раз увидел, чуть не обосрался.

Отряд быстро миновал улицу, и вскоре наткнулся на действительно мощную оборону. Их встретил укреплённый район на месте бывшей парковки, где до битвы устроились

трущобы. Теперь же это место защищено мешками с песком, опутано лесами колючей проволоки. Из башенок и гнёзд торчат стволы пулемётов и лазерных турелей, на улицы «смотрят» ПТУРЫ, в глубине порядков расположились миномёты, а на высоте закрепились снайперы. Укрепрайон настолько разросся, сто занял и дорогу, перетекая дальше, пока не утыкался в огромную помойку. Здесь закреплена огневая мощь, достаточная, чтобы остановить продвижение целого батальона.

— Вот это дерьмо, — стал ругаться сержант, посматривая из-за угла на укреп, — и как же мы будем наступать. Нас покروشат в мясо. Почему место управления всей лётной группировкой не разнесли из арты?

— У артиллерии возникли проблемы с силовым полем, — басовито ответил латник. — Мы должны перегрузить его и открыть для артиллеристов цели с помощью генератора помех. Сводный артполк полк ждёт.

У шеи капитана зашипело устройство, он активировал его, дав зазвучать словам:

— Говорит командир четвёртого дивизиона ракетной бригады подполковник Вериго. Начальник штаба объединённого командования направил нас на помощь вам. Отметьте цель маячком, чтобы мы могли смастерить по нему полётку и шарахнуть. У нас только три ракеты!

— Хорошо.

Сержант и капитан тут же разработали план. Йозеф посматривал на городские пейзажи, позволив себе на минутку погрузиться в собственные мысли. Этот городок не блеснул роскошью — трущобы и помойки для окраин, изысканная и вычурная неоновая технороскошь для центра, отделённая высокой стеной, разделившая население на господ и трудяг. Первые владели заводами, магазинами и рынками, портами, рыболовными узлами, полями и мастерскими, а вторые должны были горбатиться на них с утра до ночи, получая крохи от своей работы.

«Несправедливость, тирания господ», — разозлился паренёк, но тут же злоба была выветрена гнетущей мыслью, полной безнадёги. — «Но таков наш мир, не нам его менять».

Под властью сеньора Гереро, держащего окрестные земли, город стал сосредоточением богатства и могущества его банд и отрядов. Под железной рукой Гереро массы бедняков вкалывали на плантациях, собирая недюжинные урожаи. Еда была тем ресурсом, за которые техноязычники севера поставляли дорогие цацки, вроде энергооружия, экзоскелетов и техники. И всё бы нечего, всё бы славно — живи себе в рыхлой стране, правь своим уделом, но Гереро решил восстать. Какой-то бес его дёрнул объявить о создании герцогства, где он главный правитель, законодатель и судья. Наёмники и дружины были быстро сколочены в армии и направлены на новые границы, и чтобы выдавить армию Ковенанта. Что ж, Верховный совет и его владык не радовала перспектива потерять богатые поля и процент с них. В итоге было решение направить три наёмных Компании, общевойсковую бригаду, бронетанковый полк и сборную солянку из ополчений, группировок и банд для подавления восстания. Йозеф, подписавший накануне операции контракт, попал в Компанию «Чёрные мечи», состоящую из трёх батальонов и особого боевого братства. По крайней мере, так видел картину юнец.

— Отделение, — стал командовать сержант. — Всем приготовиться.

Отряд Йозефа получил задачу — максимально приблизиться к позициям врага и закинуть маячок, чтобы ракетчики смогли превратить укрепрайон в кучу мусора.

Рекрут встал возле Румо, как возле старшего брата. Скрючившись, они подобно теням

ши возле домов. Боевой отряд латников прокрался через размолотые трущобы впереди и окатил огнём передовые укрепления. Враг нашёл, чем ответить. Тысячи пуль, десятки лучей чистой раскалённой энергии «обдули» жестяные листы, куски фанеры и дерева, снося их, словно волна песчаные стены.

Юноша смотрел только вперёд, внутри черепа нарастал звон, глухота. Враг заметил их — звук хлыста возвестил об огне из снайперской винтовки. Первый выстрел пролетел мимо ушей, едва не оцарапав каску.

— Су-у-у-ка! — завопил солдат, когда пуля пробила ногу.

Паренёк грохнулся, крича и держась за рану. Под ним быстро образовалась лужица липкой крови.

— Бери! — крикнул Румо, закрепившись за машиной и начав стрелять по сколоченным башням, заставив снайперов прижаться.

Цепкие пальцы Йозефа схватились за металлическое устройство, похожее на гранату. Он рванул, что было силы, перекинув автомат. Вперёд него полетели дымовые гранаты, упав впереди и выпустив целое облако густого смога. Юноша вильнул в него, выстраивая по памяти куда нестись. Он быстро сориентировался, прыгнул в воронку и подождал пока шторм огня над головой не спадёт. Пара секунд и цепляясь за землю и асфальт, он снова дёрнул вперёд.

Снова пули зазвенели над головой, лазерные лучи кромсали дым. Мятежники понимали, что там есть смертельный противник, чувствовали опасность. Рекрут прижался к земле, полз на животе, но не давал себя поразить.

«Нужно было остаться в полиции», — подумал Йозеф, когда лучи трещали над головой.

Он подкрался прямо до самого передовых «кустов» колючей проволоки. Чтобы швырнуть маяк, парень должен встать, выпрямиться во весь рост. Но как только эта мысль явилась в уме, всё тело мгновенно запротестовало, ноги стали каменными, торс налился свинцом.

«Давай!» — кричал рассудок, но все попытки встать топились в стягивающем плоть страхе. — «Если ты не встанешь, весь отряд поляжет!».

Сила воли, максимальное приложение к плоти заставили колено подогнуться. Дрожащая рука активировала маяк, а торс, прикладывая все силы, смог подняться. Как раз огонь стих и паренёк решил воспользоваться моментом пока молочная завеса не развеялась.

Йозеф более-мене поднялся и что было швырнул устройство. Маячок полетел вперёд, а паренёк рванул, что было мочи. Рекрут не слышал, как оно грохнулось среди укреплений и порядков. Десять секунд работы хватило, чтобы передать координаты и дать комплексу информацию для удара.

— Молодец, засранец! — потрянул Румо паренька, радуясь исходу и спрятавшись за кирпичную кучу.

Раненный солдат перемотал себе ногу и так же присоединился к битве, лежа на земле и постреливая в сторону противника.

Прошло около десяти минут, прежде чем удар был нанесён. Ракетный комплекс довольно быстро построил полётку и запустил концентрат смерти. Над горизонтом засияла новая звезда, но её видами нельзя насладиться. Она со скоростью кометы расчертила небо, словно разделив его белой чертой. За ней появились ещё две. Хищными птицами они обрушились на укреплённый район.

Руки зажали уши паренька в миг прилёта. Йозеф не видел того, как три

последовательных взрыва превратили гряду строений в обитель ада. В голове воцарился звон, на пару секунд юноша потерял равновесие и чуть не грохнулся.

— Вот это...! — мат Румо был заглушён взрывом боекомплекта в стане противника.

Рекрут поднялся, проверил оружие и поплёлся за пулемётчиком. За ними ковылял раненный боец, вколов обезболивающее. Деньги сами себя не заработают.

— Продолжаем! — приказал сержант, и наёмники бросились сквозь то, что осталось от оборонительных порядков.

Первыми в бой ворвались войны в экзоскелетах. Латники явили своё присутствие, обволакиваясь в дым и пламя, но вот противостоять им уже практически некому. В местах попаданий зияли огромные воронки, раскидавшие вокруг себя обломки зданий, мешки с песком и вспоротый асфальт. Вышек не стало, их банально смёл взрыв. Всё вокруг горит, трещит огонь, лаская невысокими язычками до чего могут дотянуться, ландшафт на маленьком участке земли напоминал лунный, только заваленный кучами мусора.

Кто-то попытался атаковать из руин, но крупнокалиберные пулемёты порвали тела в клочья. Солдаты противника, раненные и оглушённые, выходили из не до конца разрушенных строений, не заваленных блиндажей. Кого-то тут же клали мордой в землю, но иные ещё пытались атаковать. Однако каждая попытка заканчивалась тем, что кучным огнём их вмарывали в землю.

Йозеф тоже принял участие в наступлении. Он спрятался за спиной Румо, как за стеной. Мускулистые жилистые руки держали разваливающееся оружие, когда оно плевалось дождём пуль. Оно неистово ревело и рычало, отправляя шторм свинца в тех, кто посмел показаться. Оно походило на древнего и страшного зверя, который всё ещё помнил в чём его суть и хорошо знал дело. Лабиринты стихийных тропинок, кратеры и кучи мусора не спасали от лавины огня «рыцарей», точных залпов сержанта и плотной работы Румо, который её выполнял отменно. Сам парнишка сделал только пару выстрелов, даже попав кому-то в бронезилет. Но что он сейчас может сделать?

— Вот блядь! — наклонился пулемётчик, когда недалеко рванул снаряд миномёта. — Отстреливаются, суки.

Сгорбленный и пригнувшийся Ди'Андорр старался чтобы в него не попали. Он — зелёный рекрут, который впервые участвует в штурме города. Бесконечные уличные перестрелки и извечные разборки банд рядом не стояли с общевойсковой операцией. Мальчик ощущал себя бесконечно мелким, убогим и ничтожным в этой мясорубке.

«Они прям полубоги!» — подумал Йозеф, взирая на то, как латники прорезают себе путь, ботинками и кулаками разнося кучи земли, асфальта и дерева. Бронированными перчатками они рвут колючую проволоку, попутно отстреливаясь.

Отряд прорвался сквозь разбитый укреп. Те, кто лишён изысков былого времени вроде отменной брони, закрепились на позициях. Йозеф прижался к куску стены, чуть высунулся и сжал язычок стали. Пульки просвистели над головами окопавшихся мятежников и разлетелись салютом искр, столкнувшись о силовой барьер.

— Вот холера! — крикнул Румо.

Латников это не остановило. Они стояли под пулями и лучами, обдуваемые ветром сокрушительного обстрела. Тонкое силовое поле и толстые пласты брони с лёгкостью сдерживали натиск. Воины встали полукругом, растянув между собой какие-то провода. Спустя миг в сторону силового поля полетело квадратное устройство, смахивающее на аккумулятор. Светло-голубоватый вал замерцал, секунды хватило, прежде он был бы

рассеян.

— Господин полковник, говорит командир первой боевой группы Первого братства капитан Франческо. Силовой барьер сокрушён! — отрапортовал воин в технолатах, став отходить в дымящийся укреп.

Реакцией командира полка на рапорт стал град, дождь ослепительно-сияющих снарядов, накрывший местность. Расчищенная большая земляная площадка, окружённая окопами и энерго-пулемётными гнёздами, скрылась за морем бушующего огня. Несколько дивизионов РСЗО месили штаб ударной группы беспилотников, усеивая всё воронками, поднимая дождь грязи, обожжённых кусков тел и обломков. Удар был настолько плотный и жестокий, что в глазах Йозефа всё впереди предстало одним большим пламенным пятном, земля под ногами тряслась, уши закладывало от сумасшедшего обстрела.

Вскоре всё закончилось, грохот стих. Рекрут положил пальцы на бетонное перекрытие и попытался поднять тело. Но чья-то рука схватил его за бронижелет, и потянула к земле.

— Не суйся, дурень! — крикнул Румо. — Если какая-нибудь тварина выжила, то шлёпнут тебя, как миленького.

Наступила напряжённая тишина. Удивительно, но выстрелы стихли, практически на всей линии фронта смолкли выстрелы, артиллерия перестала вести огонь, и даже корабли стояли и не отстреливались. Это было странным, Йозеф весь сжался в ожидании жестокой развязки. Шипение и статика заставили его вздрогнуть.

— Сержант! Сержант, сука! — раздалось из рации.

— Говорит, — взялся за устройство мужик.

— Да я понял. Это командир взвода лейтенант Лиро. Можете сворачиваться и выходить. Гереро свалил, прихватив всё золото, а его наместник так обосрался, что сразу запросил мир. В общем, нехер нам тут делать больше.

Дьяко ухмыльнувшись, убрал рацию. Сержант подошёл к Румо и похлопывая по плечу, самодовольно сказал:

— Ты мне должен.

— Да без б, начальник.

Наёмники поднялись. По всей линии соприкосновения прекратился обстрел, скоро позиции займут государственные войска. Но Йозефу нет до этого дела. Он перекинул оружие за спину и побрёл за своим отрядом. Для него этот день запомнится надолго, и не только битвой.

[1] НШ — сокр. «Начальник штаба».

Глава 2. Миг отдыха

Спустя три дня. Таранто.

Этот солнечный и ясный город на этот раз решил накрыться одеялом облаков, скрывшим лик небесного светила, забравшим его чудесное тепло. Больше серых туч над головами создают массивные трубы колоссальных заводов, которые пыхтят во всю, разменивая сырьё, здоровье работников на деньги для владельцев.

В руках разносился прекрасный шелест, пальцы сжимали полученные деньги, а в карманах простого серого офисного кителя, смахивающего на пиджак, лежали чеки и карты. На них отчасти выдали положенное жалование, на карточку перевели целую половину. Штаб Компании рассчитался сполна по всем пунктам контракта.

Йозеф чувствовал радость, грудь изнутри щекотало что-то приятное и бодрящее. Он быстро шёл из расположения военной бюрократии, пытаясь как можно быстрее добраться до казармы. Место собрания всех подразделений представляло укатанное асфальтом, засыпанное камнями и землёй пространство, полностью окружённое трёхэтажными зданиями, стихийным самостроем и надстройками. Над головами ретиво визжала пара дронов, закрыв небо от всякой опасности. В воздухе разносились тошнотворные запахи рыбы, гнили и помойной вони, которые присущи для большинства городов бывшей Италии.

«Наёмники — псы войны», — подумал Йозеф, смотря на хохочущих во весь голос мужиков, тащащих деталь от какой-то техники.

Парень потрогал новую нашивку на правом плече, где красовался шеврон Компании. Теперь там небольшая серая полоска, ставшая символикой звания «старшего рекрута». На груди сиял алый кружок с белой цифрой «2», означавший, что он повысил разряд в мастерстве овладения должностью стрелка.

Италиец вспомнил, как они ехали сюда. Глазам открывались бескрайние поля, на которых работали тысячи людей. Выращивалось всё, что можно вырастить и продать. Что бы работники ни отлынивали, феодалы и сеньоры наняли операторов БПЛА, которые надзирали с небес, а когда нужно было и карали электрическим зарядом. Видел он и бескрайние трущобы, обросшие высокие крепостные стены и укрепления, за которыми высились монументальные особняки. Автотурели, караулы и патрули вместе с дронами отгоняли всех тех, кто попытается ступить на землю господина.

«Это до чего мы дошли за столетия?» — спрашивал себя Йозеф, вспоминая, что долгие годы стали для цивилизации губительными. Каскад древних кризисов привёл к тому, что весь знакомый мир пал, старые государства превратились в пыль на могиле истории. Битвы, голод, драка за выживание, всеобщая деградация и бесконечный хаос привели к тому, что мир встал на грань абсолютной стагнации, вечной агонии и энтропии. Кажется, что до самого Страшного суда люди будут жить под тиранией сеньоров, диктатур, бездушных техноязычников и жестоких культов. Другие будут до смерти утопать в сладострастии гедонистических коммун и общин всех возможных удовольствий. На самом отшибе остатков цивилизованного мира обитают племена технодикарей, живущие в лесах древних заброшенных мегаполисов или в старых городах, совершающие набеги на тех, кто ещё сохранил осколки былой роскоши. Для этого мира привычна картина нищеты, смерти, нестабильных союзов и вечных стычек.

— Это же не может продолжаться вечно, — подумал Йозеф, — когда-то мир

объединиться, когда-то он должен будет отбросить всю жестокость, весь этот бред и встать на путь прогресса и света.

Но в тоже время юноша ощутил слабый укол в области сердца. Он явственно понимал, что ничего не изменится ещё долгие эпохи. Любая попытка построить империю просвещения натыкалась на жестокое противодействие господ и деспотов, а новые веяния разбивались о дремучие устои народов, ставшие едва ли не вторыми законами. Печальный исход для столь прекрасного мира.

Все мысли молодого воина пропали, когда откуда-то позади раздался громогласный крик:

— Ну шо, когда бухаем за повышение?!

Йозеф развернулся и увидел, как к нему спешит плотно сложенный мужик в офисном кителе. Без пулемёта и в нормальной одежде его можно узнать только по широкому лицу и копне чёрных сухих волос.

— Румо!

— Да это я, — мужчина протянул ладонь, которая была заключена в крепком рукопожатии. — Ну что, когда бухать нас позовёшь? Ты и жалование получил, как долбаный старший рекрут.

— Не много то и больше, — улыбнулся юноша, шагнув в сторону. — Я всю жду, пока мне дадут солдата!

— С фига ли бы! — усмехнулся Румо, пойдя за парнем. — Тебе ещё нужно недельку послужить, да в паре боёв поучаствовать, чтобы получить солдатские погоны и нашивки.

— Посмотрим. И тебе ещё нужно выплатить долг сержанту, — вспомнил Йозеф. — Ты как будешь отдавать? Деньгами или сразу приведёшь?

— Да не сношай мозг с этим. Сегодня он я просрал в споре, завтра он мне что-нить проиграет. Знаешь, у нас с ним эти тёрки уже три года. Он тогда капралом ходил, а я только солдатом стал, — Румо перепрыгнул через небольшую траншею, незнамо зачем вырытую, — как мы в первый поспорили.

— И на что вы в первый раз поставили?

— Да на то, что АКашник старый разлетится. А он отработал хорошо, не полетел. Ты знаешь что он мне просрал?

— Тоже... женщин?

— Да что ты на язык такой чистоплюй? — поморщился мужик. — Шлюх он мне просрал, шлюх. Но Дьяко потом быстро отыгрался. Я ошибся, не просчитал, как сильно жажнет арта. А она как херанула, что склад то накрыли.

— Мда, — Йозеф подумал, сколько споров могло между ними быть, видимо они спорили по всем поводам, которым только можно, а ставка всегда оставалась неизменной. В этом безумном сумасшедшем и жестоком мире такие маленькие личные явления помогают выжить, не сойти с ума.

— Знаешь, когда я стал капралом, то мы бухали два дня подряд и пили всё, что может гореть, — напомнил Румо о возможности выпить за чужой счёт.

— Ну ладно, собери наших вечером в баре. Посидим. Пиво за мой счёт.

— Вот молодец, — ударил в плечо паренька Румо. — Да хрен его знает, — махнул наёмник. — Наши патроны приняли новый контракт. Был в штабе, поговаривают, что будем выбивать засранцев на юге.

— Ну, хорошо, — кивнул Йозеф. — До вечера.

— Бывай, хилак.

Италиец продолжил идти. Ему нужно вернуться в казарму, чтобы отдать документы командиру роты о назначении. Штаб подразделения внесёт все изменения во внутренние бумаги. Обычная бюрократия, которую нужно соблюсти.

Парень вильнул с плаца на небольшую дорожку. Вода и время размывли асфальт и теперь она больше походит на тропинку, где ещё виднеются серые остатки полотна. Юноша быстро свернул и оказался на широкой дороге, ведущей к чреде покошенных четырёхэтажных зданий. Казармы подразделений располагались в ряд, окружённые хлипким деревянным ограждением, а также низкой порослью кустов. Окна представляли собой сочетание пластика и стекла — где как, небольшие дыры и пробоины латались досками и фанерой, а иногда даже и кирпичами, производство и закупку которых удалось наладить кое-как.

Рекрут вошёл на лестницу, как до ушей долетел звук молитвы. Повернувшись, он увидел, как в углу, положив два старых сенсорных телефона на бак с водой, что-то читал техноязычник из соседней роты:

— Да святится экран твой, да придёт неоновая благодать со мной. Твои механизмы и твои импульсы да направят меня в час нужды, — его губы страстно припали к устройствам.

Паренёк в звании солдата нацепил их на грудь, приколов к серо-чёрному камуфляжному кителю на манер святынь... для него они и были самыми настоящими иконами, олицетворением духов механизмов.

«Как люди могут поклоняться этому?» — спросил Йозеф, не находя ответа. В мире павшей цивилизации количество религий, культов и верований не поддаётся исчислению. Конечно, остаётся множество тех, кто ещё верит в Единого Бога, но этой вере приходится делить место под солнцем с поклонниками старых богов, культистами новых представлений, почитателями философий и идей, которые формировались в условиях самого крупного кризиса в истории человечества.

Кулак постучал в металлическую дверь, звон с гулким эхом разнёсся по всему третьему этажу. На чёрной поверхности проглядывалась выцветшая надпись белой краской — «вторая рота»

— Фамилия, звание! — раздался голос из небольшой звуковой решётки над дверью.

— Йозеф Ди'Андорр, рекрут!

Ритмичные щелчки и звучание ржавых механизмов обозначили открытие замка. Парень ощутил неприятный холод от ручки. Потянув её, он отворил массивную преграду и прыгнул через порог.

Нога ступила на линолеум. Бежевое полотно практически полностью потеряло свет за долгие года использования, на нём блестят стальные скобы, стягивающие порезы и заплатки. Новые куски усеяли множественные участки, покрывая множество дыр. Повернув голову, он увидел, как высокий рослый мужик с тремя серебряными квадратами на плече и неполевой одежде, перед строем парней кричит и матерится:

— Уроды и ублюдки, сколько я вам говорил, чтобы вы не засирали расположение роты, — правая рука, издав механический звук занеслась, чтобы ударить юнца, но стальные спицообразные пальцы, сжатые в кулак, остановились в паре сантиметров от испуганного лица. — Вы — убогая десятка младших рекрутов, которая не может даже с чистотой совладать. И вы ещё суки рвётесь в бой? Пока я не скажу, вы будете до окончания контрактов толчки драить и на подсосе у солдат быть. Я ясно выражаюсь?

— Да, господин майор-маршал, — покорно произнесли юнцы.

— Так, мальчики, сейчас поджимаете свои гузки, берёте инструмент и идёте драить толчки. После чего берёте пушки, ваш комотделения обеспечит вам стрельбы. Если не обосрётесь, то может быть, вас вскоре повысят до рекрутов, и тогда нюхнёте пороху повзрослому.

— Да, господин майор-маршал.

— Вон, — механические пальцы указали на Йозефа, тот вздрогнул, встал по стойке смирно, — ваш собрат уже воюет и, причём успешно. Да, гаврик?

— Так точно, господин майор-маршал, — кивнул старший рекрут, страшась даже шелохнуться; их квартирмейстер — мужик суровый, этакая «большая мамочка», которая следит за всеми рекрутами и солдатами роты, предводитель сержантов. Он определяет внешний вид в небоеое время, следит за чистотой и раздаёт пинки тем, кто плевать хотел на порядок и чистоту. И лучше с ним дружить, ибо он и главный собственник — вся одежда, пайки, некоторая амуниция и многие другие радости службы находятся в его распоряжении. И только попади ему в немилость, быстро лишись всего этого.

— Вот вам нужно на кого ровняться, суслики, — маршал отмахнулся ладонью. — Иди, тебя ждёт Кемирр.

— Есть, — поклонился парень и быстро зашагал дальше.

Пройдя мимо солдата из суточного наряда, чинящего какой-то светильник из старых времён — обычную лампу накаливания с обожуром, Йозеф приостановился, ещё раз взглянув на новобранцев. Наёмники этой Компании хоть и были ребятами отчаянными, они не кидали необстрелянных юнцов в горнило битвы, в мясорубки и бойни, несмотря на желания армейских командиров и генералов. Йозефу дали сразу рекрута только потому, что он служил в местной полиции, знал, как обращаться с оружием и понимал основы военной службы. Остальным парням и девушкам, которые были с улицы, предписывается пройти месячный курс подготовки, прежде чем отправить в бой.

Конечно, есть колоссальные наёмные полки, бригады и целые корпуса наёмников, которые промышляют тем, что готовы отправить целые батальоны новобранцев в расход. Но такие соединения больше состоят из банд и группировок, которые быстро собираются и ещё быстрее распадаются. Страшнее всего, что и армия Ковенанта так же промышляет тем, что молодых солдат-срочников отправляет на бой практически без подготовки и без снаряжения. Ещё вчера паренёк мог мыть полы, призванный как неделю, а завтра уже штурмовал деревню, которую захватили сектанты, технодикари или разбойники. Учитывая, что в условиях вечного кризиса, это норма, срочники быстро становились обстрелянными.

Йозеф отбросил мысли. Он, утерев пот со лба, подошёл к белой покоцанной двери, на которой прибита серая табличка — «командир роты». Он осторожно, стараясь не нарушить покоя офицера и не разбить до конца рыхлую дверь, ударил костяшками по ней.

— Войдите!

Он слегка приоткрыл дверь и тихо просочился, словно тень. Внутри помещение хоть и блестело изыском роскоши из былых времён, но всё так же дышало разрухой. Под ногами хоть и более новый, но множество раз перешитый линолеум. Тут есть и пара шкафов с книгами, но они все ободранные, исцарапанные и проеденные насекомыми, веющие сырости. А книги внутри больше для вида — возьми их в руки, и они рассыплются от старости. Сводный стол капитана представлял несколько составленных старых школьных парт в Т-образной форме.

— Что встал и вылупился, — гаркнул командир. — А?

— Господин капитан, я по вашему приказу явился, — доложил Йозеф, показав полиэтиленовый файл с бумагами.

— Проходи, — махнул офицер, на его правом плече кителя блестело четыре золотистых квадратика, отражавших звание. — Так ты принёс всё?

— Да, господин капитан, — рекрут подошёл и осторожно положил на стол файл; если бы он сделал это без надсмотрщика командира, то бумаги утонули бы в море желтоватых листков, пакетиков с флешками, обрывком, баночек с замазками, ручками, карандашами, гаек и прочей груды мелких вещей непонятного предназначения.

— Хорошо, — офицер взял положенные вещи и положил на бежевую и истемневшую, когда-то бывшую белой, клавиатуру.

Старый компьютер с нагрузкой жужжал, кряхтел и боролся за существование, продолжая работать. Машина, несмотря на возраст, всё ещё продолжала работать, давая командиру возможность не погрязнуть в бумажной волоките, переводя всё в электронный вид. Более-менее хорошие механизмы в штабе Компании, у самого полковника. Из-за того, что технологии стали невероятно дорогими, ими себя обеспечить могут только высшие элиты, вроде сеньоров, предводителей банков, военной аристократии и коррумпированных политиков.

Офицер подтянул стул — его тканевая спинка свисала бы кусками, но её перемотали нити. Сев на него, стальные ножки проскрипели. Он убрал документы, недовольно поморщившись.

— Потом всё сделаю, — капитан посмотрел на плазменный телевизор за своей спиной, покрытый паутиной трещин. — Я только из боя вернулся, ещё эти бумажки складывать. Ну его нафиг.

— Господин капитан, а почему этим занимаетесь вы, а не господин Франческо?

— Первый лейтенант взял отпуск, а подпол его подписал. Штаб роты без него, всё равно, что стройка без прораба. Они все там рукожопы, которые уже куда-то свалили. Если я этим крысам штабным сейчас отдам документы, они их... ты сам понимаешь.

— Да, господин капитан, — сложив руки за спиной, вытянувшись, стоял юноша.

— Я надеюсь, я не пожалею, что ты стал старшим рекрутом, — давяще сказал капитан. — Благодаря тебе мы избавились от укрепления, но в нашей работе это не подвиг. Это просто работа. Вот эти блестяшки, — пальцы провели по медалям, — и всю честь с героизмом, оставь армейцам. Мы — наёмники и для нас важны лишь две вещи — сколько нам заплатят и где ещё искать рекрутов.

— Да, господин капитан.

— Что бы знал, — мужчина поднял один из листов, помотав им перед юнцом. — Тут описываются причины прошедшей войны. И знаешь, что послужило началом? Даже не то, что этот засранец Гереро восстал. Да что уж там, мятежи — это явление часто. Придурку бы просто бабла предложили, и он как паинька согласился, а потом бы грохнули в сортире. Но нет, этот дебил решил поиграть в справедливость.

— То есть, господин?

— Ты в курсе, что в Совете он предлагал освободить многих людей от «повинности жизни»[1]? Но какой сензор откажется от прав на бесплатную рабочую силу? Особенно, если ты за это платишь лишь пищей и немногими благами? И когда его послали нахер, он открыто выступил против сеньоров в Неаполе.

— А как же разделение его города? — смутился юноша. — Мы видели, что его город не

был светочем равенства.

— Он планировал это сделать. В его дворцы мы нашли множество проектов прокламаций и деклараций, новую конституцию. И все они говорили о новом порядке.

— Я понимал это, господин капитан, — холодно говорил Йозеф, вспоминая, что пошёл в Компанию только ради денег. — Хорошо, что Сицилийская автономия отказалась его поддержать.

— А чтобы сделали сицилийцы? Они довольствуются своими вольностями, и им этого хватает, — минорно отметил Йозеф. — Скажи, что ты хочешь от службы? Каковы твои цели?

— Я хочу стать солдатом, господин капитан. Встать в один строй с полноправными братьями Компании.

— И ты получишь этот шанс, воин. Я был сегодня в штабе. И знаешь, там поведали, что наши учредители подписали новый контракт. Мы недельку перекантуемся, а потом снова за дело.

— Господин капитан, позвольте спросить.

— Куда мы отправимся? — предугадал Кемирр. — Говорят, что нашу Компанию хотят кинуть на север Африки. Местный султан захотел вернуть свои владения. Если проявишь себя, — на Йозефа уставился строгий взгляд ледяных глаз, — то я дам тебе солдата.

— Спасибо, господин капитан. Позвольте идти, господин капитан.

— Топай, — махнул он рукой, протянув флэш-карту, — и передай её медикам. Они просили документы.

Без всякого сомнения, он не стал отказывать офицеру. Взяв небольшую серую вещицу, потеряв белый шеврон с двумя мечами цвета угля, он, поклонившись, поспешил прочь.

Парень быстро вышел из казармы. Ухо уловило далёкий вой, рёв и жужжание. Учтывая, что расположение «Чёрных мечей» уютно устроилось в припортовом квартале, Йозеф был уверен, что это гудок одной из торговых флотилий, которые на всех парах стремились в порт. Идя по кривым дорожкам, избегая офицеров, которые могут загрузить ненужной работой, он задумался. Торонто, владение сеньора Бенгазо, один из самых богатых городов, обязан могуществом и блеском торговле и купеческим путям, которые проходят через него. С юга сюда завозят драгоценные камни и металлы, вместе с товарами лёгкой промышленности, а на севере сюда спешат караваны с техническими новшествами. Да, многие технологии оказались забыты, цивилизация отброшена на столетия назад, но человек есть человек — самое главное, что нужно для поддержания жизни. Это вызвало лёгкую усмешку у него:

«Было бы смешно смотреть нашим предкам, как на лайнерах и крейсерах плавают по торговым маршрутам. Как с новыми камнедробильнями из Флорентийской республики рабы в Африке добывают ресурсы. Как плазменное оружие, созданное в искуснейших мастерских, попадает на вооружение исключительно господ, а обычные солдаты бегают с разваливающимися винтовками и автоматами».

Йозеф довольно быстро дошёл до двухэтажного приземистого здания, собранного из серого кирпича. Вокруг небольшие зелёные поросли, оградки, изъеденные ржавчиной и пара разбитых давным-давно машин. Он выдохнул и пошёл вперёд, явно не желая входить в ту обитель, где солдаты по большей части могут рассчитывать на бинты, мази, таблетки и безболезненный уход из жизни, если воин был доставлен после местной стычки и безнадёжен.

Толкнув дверь, на него словно «дыхнул» призрак страданий, потянуло могильным промозглым веянием. В нос забились запахи нафталина, гниения и неразнообразных медикаментов. По холодному полу разнеслось эхо от каблучков сапог. Стены, ставшие со временем бежевыми, облезли. Тут и там проглядываются пятна сырости и плесени, а место для сидения сыплется от старости.

Ему навстречу вышел рослый мужик, отворив скрипящую дверь. На правой руке пришита нашивка с тремя треугольными полосками над бронзовым квадратом. Левый рукав отличается шевроном с розовым крестом.

— Зачем прибыл?

— Господин старший сержант-майор, командир моей роты попросил передать вам флэш-карту.

— Да не рисуйся, — махнул мужик. — Ты не в штабе и тут не незачем строиться. Я хоть и помощник начальника санчасти, но давай по-простому.

— Хорошо, — юноша отдал устройство. — Поговаривают, что у вас заканчиваются даже бинты?

— Кто тебе такое говорит? — развёл руками старший сержант-майор. — У нас этого говна на три полка хватит. А вот жаропонижающего, антисептиков, противовирусных, стимуляторов и антибиотиков дико не хватает. Блядь, да из-за того, что на востоке опять какая-то херь началась.

— А что Лига севера[2]? Они же раньше поставляли нам всё хорошенькое.

— Да там у них у самих какая-то, — матернулся парень, подкинув флэшку, — происходит. Вроде на юге стали бунтовать техно-культы, уничтожая караваны лекарствами.

— Понятно.

— Йозеф! — на все этажи, наверное, пронёсся женский крик, заставивший паренька продрогнуть и резко обернуться.

На пороге стояла среднего роста девушка, на которой были только тёмная обтягивающая майка, подчёркивающая немаленький бюст, военные штаны, так же акцентирующие внимание на идеальной фигуре и берцы. Йозеф не мог оторваться от приятного лица, одновременно и милого и веющего грубостью, от её карих миндалевидных глаз. А вот помощник начальника санчасти полностью был заморожен её поблёскивающей тёмной кожей и выдающимися формами. Правая рука девушки перебинтована в области предплечья.

Старший сержант-майор узнал её, прошептал:

— О, Аэлет, девка из разведроты.

— Йозеф, сволочь, мы так и не встретились в Мелито-ди-Порто-Салво, — она хлопнула паренька по плечу. — Я слышала, что тебе удалось хорошо поработать. Ракетчики прям радовались.

— Аэлет, мы планировали пойти на соединение с вашей ротой. Но капитан нас кинул в другую сторону, где мы и погрязли в штурме.

— Блин, ты такое пропустил. Мы шли впереди всей ватаги и наткнулись прямо на их бронепехоту. Я думала нам конец, но тут подсобили парни из артиллерии.

— Понятно. Я буду рад послушать об этом, если расскажешь.

Аэлет грозно взглянула на мужчину, с недовольством отметив:

— Ты куда смотришь?

— Не могу оторваться от твоих глаз, лейтенант.

— Мои глаза выше.

Помощник начальника покачал головой и шагнул прочь, сказав:

— Так, мне нужно проверить флэшку.

Девушка проводила его взглядов, отёрла полноватые сухие губы и сложила руки на груди. Она осторожно спросила:

— Как твои родители?

— Да всё нормально, деньги им собираюсь перевести. Они радовались, что я выбрался из этой передраги, выжил. И что, — парень слегка улыбнулся, — у меня такой ангел-хранитель.

— Ах, да. Это ведь моё слово в том баре стало последним и самым... ну, которому ты внял. И ведь благодаря моим словам тебя впихнули в первый бат, — помотала пальцем девушка. — Начальник штаба Компании сохнет по мне, несмотря на жену. Хотя я ему не в первый раз даю отворот-поворот, он всё ещё хочет уложить меня в кровать.

— У него явно нет шансов, — ехидно улыбнулся рекрут, — он ведь не знает, что у тебя... довольно специфические вкусы.

— Подскажи, мы, где тебя подобрали?

— В этом же городе.

— А точно же, — она опустила голову, провела ладонью по подбородку. — Слушай, а что ты будешь делать вечером? Ты хочешь прошвырнуться по городу?

— Нет, прости. Я собираюсь вечером собраться с друзьями в местном пабе.

— А для меня там место найдётся? — Аэлет посмотрела прямо в глаза парню, тот даже опустил лицо.

— Конечно, — улыбнулся парень. — Я буду рад тебя видеть.

Девушка в знак прощания ударила его в плечо и поспешила прочь. Ей ещё нужно много дел переделать в родной роте. Йозеф смотрел ей в спину и только в спину, в отличие от помощника начальника санчасти, который вернулся и тарачился в известное место.

— Ты реально хочешь встретиться с ней? — нахмурился старший сержант-майор, потеряв нашивку со званием. — Она же лесбуха. Спит с другой бабой.

— Да мне всё равно, — отмахнулся Йозеф. — Она мне помогла пробиться туда, где платят больше денег.

— Понятно. Слушай, — живо заговорил помощник начальника санчасти, вынув желтоватую бумажку. — Мне нужно, чтобы ты отнёс запрос на лекарства. Только иди не в штаб, а к нашему «святому отцу». Ему и Братству поставили новые медикаменты. Я надеюсь, он не откажет простым воинам, святоша чёртов.

— Хорошо, — взял её юноша, быстрым шагом направившись к выходу.

«За что я с ней сдружился?» — перепрыгивая через яму, из которой торчат трубы. Он вспомнил, что познакомился с Аэлет во время посиделок.

Старый друг пригласил его в городской бар, просто выпить. Там товарищ встретил старых знакомых, которые были как раз из «Чёрных мечей». Аэлет, самая задорная и бойкая из всех, стала его зазывать в их ряды. Уговаривала, брала на слабо, шутила и подкалывала. Она обещала, что пропихнёт его в самое лучшее место, где больше всего платят. А он только лишился работы в полиции и ему нужны были деньги на жизнь.

«А ведь дерётся она хорошо», — Йозеф вспомнил спор, когда он был практически сломлен. Не выстояв перед всеми аргументами — деньги, слава и реальное дело, которые после двух литров пива смотрелись особо привлекательно, он сказал, что станет наёмником,

если она победит его в поединке. И дама охотно согласилась. Смешно, но он не знал, что она — командир взвода, с отличной боевой подготовкой. Аэлет быстро с ним справилась, повалила на лопатки и скрутила. Затем у него не было никаких отговорок, и он поклялся прийти в офис, где устроен пункт приёма в наймиты.

Аэлет после попойки не оставила общения с ним. Девушка реально походатайствовала, чтобы он попал в первый батальон, который всегда идёт на острие атаки, а значит, и платят там больше. После приёма, они пару раз встречались в чипке, один раз в спортзале и штабе, где успели много наговориться, посмеяться и узнать друг друга. При максимум, который позволила рассказать о себе Аэлет, это то, что её предки родом с ближнего востока.

«Хорошая девушка», — завершил размышления о ней рекрут, посмотрев на массивный танк, который был поставлен в здание. Ранее тут была школа, как понял по вывеске Йозеф. Паренёк с жалостью смотрел на бежевый, сыплющийся фасад. На первом этаже устроены помещения, вбитые перегородки, создавшие подобие ангаров для страшной техники. Из-под темени выглядывали длинные спаренные стволы — один стреляет обычными снарядами, а второй прожигает броню вспышками лазера.

Йозеф поспешил, ускорив шаг. Он даже не хотел смотреть в сторону парка техники, где внушительный храм науки превращён в место хранения солярки, ГСМ, деталей и «брони». Это место отдано второму батальону, который снабжён танками, тяжёлой штурмовой техникой, машинами со средствами ПВО, а также сто двадцатью дронами. Это царство ржавого металла, немногочисленного боеприпаса к ним и всего того, что способно пробить оборону врага.

«Родная казарма», — вспомнил Йозеф о месте расположения первого батальона, который состоит из стрелков и бронетранспортёров, вооружённых энергетическими зенитными установками и ПТУРами, укомплектован средствами ПЗРК и лёгкими миномётами.

«А ведь арташникам не повезло!» — посмеялся рекрут над тем, что третий батальон было решено временно разместить в палатках, на месте небольшого стадиона неподалёку, ибо все постройки вокруг были превращены в тёплые и сухие «ангары» для гаубиц, реактивных систем и САУ. Так же они вооружены и орудиями, которые могут обрушить на головы врагов плазменный дождь.

И всё это не считая санроты, разведроты, роты материального обеспечения, батареи управления, инженерной роты и взвода обеспечения штаба, у которых есть свои здания для проживания и хранения оружия.

Вскоре Йозеф оказался там, где сохранился клочок мира, покоя и абсолютного отрешения от мира. За высокими стенами, усиленными рёбрами и лепниной в готическом стиле, высятся длиннющие и монументальные шпили колоссального собора, обитого потемневшей медью, устрашающего скульптурами горгулий. В узкие и витражные окна падает скудный свет. Он высится подобно чёрному надзирателю, судье и инквизитору над слабыми и убогими людьми. Это одновременно прекрасное и грозное здание, которое сильно контрастирует с разрухой вокруг, вошло в состав военного городка, но вот его охраняет не обычный армейский патруль.

— Стой! — остановили Йозефа высокие воины, закованные в полностью закрытые технодоспехи, в грудь юнца уставились массивные ружья, а из решётки «рыцарских» шлемов вырвалась речь. — Что тебя привело в святую обитель Первого братства!?

— Я к капеллану Максимилию. Помощник начальника медсанчасти просил передать

список.

— Проходи, только соблюдай установления в этом храме!

Паренёк с дрожью поклонился и постарался как можно быстрее миновать внушающих ужас воинов. Он прошёл мимо латников, поднялся по мраморным ступеням, в которых можно увидеть собственное отражение и приблизился к воротам. Огромные и массивные, в пять человеческих ростов, они ввергали душу в трепет перед теми, кто их построил, перед обществом воителей, которое обладает таким могуществом. Его рука провела по легкой шершавой поверхности, по пальцам пробежался сковывающий холод. Он остановил движение возле кнопки в предвкушении того, что будет дальше. Преодолев легкий страх, он нажал чёрную таблетку.

Старые механизмы взвыли, ворота подчинились и стали отходить назад в ледяном подобии учтивости, открывая глазу богатство и славу Братства. Его неподготовленный к вопиющей роскоши глаз был ослеплён яркостью, чистотой и изыском. Внутри собор был представлен ансамблем камня, мрамора и гранита, которые перемежались между собой в самых необычных и прекрасных формах. На стенах развешаны суровые железные светильники с лампами, выполненные в стили древности. Всюду пестрили белые стяги с алым геральдическим символом восходящего солнца. Отовсюду доносился слабый молитвенный гул, перетекающий в конкретное прошение, обращённое к небесам:

— Во имя Единого, во имя славы и чести мы служим! — из дальней части Собора прилетели слова, сказанные в коленопреклонении сорока мужчинами в стихарях. — Бог отцов, Отец вечности, Единый в веках, славимый народами, к Тебе мы молимся. Благослови нас на битвы, благослови нас хранить знания, благослови нас спасать обидимых и нести свет во мраке этого мира, — твердили они у треугольного алтаря, обитого серебром, их окаймлял небольшой, умощенный плиткой и наполненный водой, отделявший от остального Храма. В середине алтаря устроена чаша, откуда вырываются языки огня. В месте общения с Богом и яблоку негде упасть из-за молящихся братьев.

Йозеф краем глаза увидел несколько высоченных стеллажей с книгами, дисками, плёнками и флэшками. Огромные лакированные деревянные монолиты теснились к стенами, не загораживая окон. Они стали хранилищами многочисленных знаний, которые только можно собрать за эту эпоху. Первое братство помимо войны взяло цель и оберегать всё то, что осталось от цивилизации. Он заметил, как слуги и неофиты в бежевых балахонах протирают пыль, осторожно проверяют целостность хранимого, поливают горшки с пышными зелёными растениями и цветами, украсившими храм. Они все — служители Культа Единого, который собрал вокруг себя верующих в одного Бога, но исповедание их отлично от веры древности.

Тут царит обстановка сосредоточения, отрешённости от того, что творится за стенами Собора. Полный мир, частичка утраченной цивилизации, тут пребывает. Братья и сестры культа, в молчании и молитве, перебирая чётки, строго и неукоснительно выполняют своё послушание. Воины читают литании, после чего пойдут в подземное крыло, где хранится амуниция, дабы подготовить её к грядущим битвам.

Быстро пробегая по ступеням, паренёк оказался на третьем этаже башни. Перед ним роскошная деревянная дверь, отличающаяся резьбой. Изображения и символы посвящены животным и растениям, а на самом верху виднеется алое солнце. Он осторожно, стараясь не повредить двери, стал аккуратно постукивать.

— Да, кто там? — прозвучал вопрос.

— Рекрут тринадцатого отделения четвёртого взвода второй роты первого батальона Йозеф Ди'Андорр.

— Да, сын мой, проходи.

Йозеф осторожно толкнул дверь, и с трепетом, достойного святого благоговения, прошёл внутрь. Первое, что ощутил юнец, так это стойкий запах благовоний, который синюшными клубами исходит от маленьких чашеобразных медных кадилниц на рабочем месте. Стол его больше напоминал алтарь — крышка накрыта белой материей с символикой солнца, на ней стоят два кубка и свечи. Конечно, он не лишён и бумаг, с раскрытым ноутбуком и кружки с остывшим кофе. Справа и слева пространство комнатки стесняют стеллажи с книгами, свитками и дисками. У столика возвышались две фигуры. Первая — хорошо сложенный крупный мужчина, облачённый в багровый балахон, капюшон опускается практически до носа, а на груди сияет золотое светило. Это выдавало капитана Братства, одного из высокопоставленных офицеров, которых всего двое. Второй — седоволосый старик, с чисто выбритым лицом, облачённый в чёрную дзимарру, утянутую широким насыщенным фиолетовым поясом.

— Господин капеллан, — поклонился Йозеф, — я пришёл по поручению помощника начальника медсанчасти, — парень протянул пожелтевший лист, — он просит вас поделиться с ним этими медикаментами.

— Хм-м-р, — голос капитана был похож на рык, — эти медикаменты полагаются братьям, а не наймитам.

— Господин, — смиренно говорил Йозеф, уставив глаза в пол, устланный алым махровым ковром, — я смею напомнить, что вы часть Компании, и вы тоже получаете деньги за операции. И мы не требуем, а просим.

— Да как ты смеешь, щенок! — вспыхнул мужчина, сложив руки на груди. — Мы делимся с вами самым ценным и сокровенным — знаниями. Без нас Компания не стала бы самой известной в этой части старой Италии.

— Тише, брат Бальтазар, — приподнял руку священник, проведя по лицу и зализанными назад волосами. — Он прибыл с благим прошением. Помощь страждущим, есть дело богоугодное, брат.

— Да в последнее время как-то гнев берёт, — капитан отступил, сев на стул со спинкой... Йозеф смотрел на мебель, обитую зелёной тканью, лакированную и аккуратную, как на тысячелетнего призрака.

— Представь свои помыслы Богу, допусти гневу быть, брат Бальтазар, как это делает брат Франческо. Он с помощью методик умной молитвы и обильных жертв смог побороть злобу.

— Я постараюсь, господин. Слишком много вызовов в последнее время. Вон, нечестивые ублюдки из языческих культов вчера устроили побоище на окраинах города. Столько простых людей погибло.

— Скажи, юноша, ты веришь в Бога? — спросил капеллан. — Я слышал о твоих деяниях. Ты пожертвовал собой ради достижения цели. И, — капеллан прикоснулся к символу солнца на груди, вырезанному из дерева, — ты не был замечен в порочащих связях. Если есть желание, ты мог бы присоединиться к Первому братству. Если я попрошу, то начальник штаба не откажет мне о переводе.

— Нет, спасибо, — покачал головой Йозеф, — но я благодарю вас за такое предложение.

— Подумай, юноша, — продолжал убеждать священник, буравя паренька холодным взглядом широких ледяных глаз, — мы предлагаем не только деньги. В нашем братстве ты сможешь получить не только много благ для упоения тела. В мире техноязычников, жестоких культов, диких верований и откровенного религиозного бреда, мы являемся единственным оплотом святости и веры в Единого Бога на восточном побережье Апеннин.

— А как же христиане? Они тоже славят Единого Бога.

— Где ты в последний раз их видел? Осталось пара общин, самая крупная из которых в Риме с их Папой... но он уже ничего не контролирует. Мальтийцы разве что ещё, но они сидят на своём острове и носа практически не суют. Ну и на севере ещё как-то горит пламя веры, — священник пожал плечами, — да и три образа в одном Боге? Странно, не так ли?

— Не знаю, господин, — шальная мысль тронула разум тарантийца. — «Сколько же форм поклонения мистическому? И что есть истинное поклонение Богу? И есть ли Он вообще?».

— Знаешь, как бы низко не пал этот мир, в какую труху и пыль не превратилась бы цивилизация, всегда найдётся место истине. Чистота всегда найдёт себе место, несмотря на то, сколько тьмы в нашем мире. Нужно хранить её всеми силами от всех мерзостей.

— Я подумаю над этими словами, господин. Что мне сказать помощнику медсанчасти?

— Ступай, — махнул рукой мужчина, — тебе ничего не нужно говорить. Я сам отнесу ему часть медикаментов из своих запасов.

Йозеф поклонился. Он спешно ретировался из кабинета, а потом и из Собора. Рекрут ещё раз бросил взгляд на великолепное здание, ощутив странный подъём настроения. Рука опустилась в карман штанов, нащупала гладкое и холодное. Вытащив телефон, он провёл по экрану и открыл интерфейс. Там он быстро вошёл во вкладку «контакты» и нашёл номер человека, с которым давно хотел поговорить, чьё наименование высветилось как «Папа».

[1] Повинность жизни — обязанность граждан Ковенанта, которые не состоят на государственной или муниципальной службе, или не иным способом не связаны работой на сеньоров, господ или органы власти, два дня в неделю трудится на высшее чиновничество, плантаторов или держателей особо важных производств. Закон «О повинностях и укреплении государства» закреплял всю систему, обуславливая её тем, что если никто не будет работать на плантациях, производствах и важных объектах, то Ковенант мог потерять экономическую привлекательность.

[2] Лига севера — североитальянское республиканское государство, созданное на обломках Италии. Оно занимает огромную территорию и держится на армии и остатках высокотехнологического производства. Но неудачи с сельским хозяйством ставят его в зависимость от южных соседей.

Глава 3. Вечерние откровения

Вечер этого же дня. Таранто.

По глазам било тусклое ламповое освещение, которым могло похвастаться это скромное местечко. Вокруг разносился шум — звон металлических и стеклянных кружек, гогот и крики, а также трещащая задорная песня, чьи звуки порционно вываливаются из старой пукающей колонки, дербаня слух.

Пальцы протянулись за картошкой. Почерневшая и зажаренная до такого состояния, что больше напоминала уголь, она всё же источала приятный запах. Йозеф отломил кусочек и положил в рот. Язык свело от горечи и остроты, слюна хлынула аж через зубы, губы «опалил» огонь.

— Дрянь, да? — пихнул юнца в плечо парень в чёрной кожаной куртке. — Я же говорил, местные деликатесы такая хрень.

— Раньше они делали «чёрные чипсы» лучше, — отодвинул тарелку рекрут, потянувшись за стаканом вина.

Пивнуха гордо расположилась на отшибе города, где даже трущобы и стихийные самостройки попадались одиноким «порослями», походящими на кусты из фанеры, жести и пластика.

«А ведь когда-то тут был автосалон», — Йозеф заметил косо прибитую над входом табличку, ставшую и названием бара — «Loforese».

Если под ногами всё ещё сохраняется гранит, то большая часть покрытия превратилась в поле выбоин, трещин и царапин. Тут и там можно заметить деревянные и фанерные настилы на местах, где вырваны особо огромные куски. Вместо роскошных и приятных ламп с потолков свисают на тонюсеньких проводах грушеподобные «светила», нагоняющие тоску. Всё пространство уставлено столами и стульями разных мастей и видов — круглые, квадратные, прямоугольные, треугольные, из дерева, пластика или ДСП — неважно. За долгие года его существования главным было набить помещение хоть какой-нибудь мебелью.

Некогда он мог гордиться прозрачной передней стенкой, обращённой ко внутреннему двору, символизирующую полную открытость. Но года беспокойного кризиса сделали своё — её нет уже пару столетий, а вместе стекла компиляция кирпичей и жести с прорезями для окон.

— О, как несёт из кухни. Они там решили резину отварить, кашевары грёбаные?

Йозеф повертел носом, чувствуя такие ядрёные запахи, от которых можно протрезветь. Туча специй смешивались с химикатами для дикого усиления вкуса, на кухне варили, жарили и парили всё, что можно приготовить — от насекомых и клейстера до чего-то сносного. Это порождало мощнейший смрад.

— Вот видишь, а ты говорил, что здесь нет северного пива, — отпил из большой пластиковой кружки мужчина с кожей, отдающей бронзой. — А ведь хорошие посиделки тут нам устроил, на свои гроши-то, — широкая улыбка украсила суровое сухое лицо наёмника, который нарядился в кожаный жилет на голый торс, чёрные штаны и ботинки.

— Румо, чёрт несчастный, ведь не нужно было на паренька так давить, — усмехнувшись и потеряв загорелые ладони, говорил хорошо сложенный мужчина в бежевой рубашке поверх светлых джинсов. — Мы бы могли просто в казарме поседеть своими. Комбат же не зверь,

дал бы добро.

— А как же старые армейские традиции, Дьяко? Их нужно соблюдать.

— Так и иди в армию. Сейчас Ковенант ни от кого не отказывается, гребёт всех подряд.

— Там платят плохо. А помирать за сущую пыль я не хочу, да и что там делать наёмнику? В наряды ходить да толчки драить, чтобы потом быть брошенным в долбанную мясорубку ушлёпком-полканом, который решил выслужиться и ради блестяшки на груди? Да нахер оно мне нужно!

— Тогда не гунди.

Паренек, на которого были направлены колкие речи Румо, осмотрелся. Из своего отделения Йозеф тут видел своего командира, который особо пристрастился к вину и сушёной рыбе, приправленной настолько реактивной дрянью, что её вонь перебивает запахи невымытых дел и грязной одежды от посетителей. Сам Румо, едва ли не обнявший кружку с миланским пивом и прикончивший уже две. А так же ещё пара человек, которые смогли прийти, ибо часть подразделения была отправлена как усиление полицейских кордонов на север. Кто-то донёс, что пара банд решила пожить в деревнях, и нужно было предпринимать меры.

— Где же твоя Аэлет? Я надеюсь, она приведёт подружек, — фыркнул Румо.

Словно бы отвечая на претензии и вызов мужика двери распахнулись и в местечко вошли две дамы. Йозеф сразу бросил на них взгляд, находя девушек очень привлекательными.

Аэлет шла вместе со своей подругой, её темные пальцы обхватили светлую ладонь среднего роста белокурой европейки. Обе они одеты весьма практично — свободные светлые штаны чуть накрывали сандалии, на обоих тёмного цвета жакеты. Только тёмные волосы Аэлет распущены и разливаются по спине наподобие водопада, а вот русая копна её знакомой собрана в шишку.

— Я всегда говорил, что она — розовенькая, — Румо покачал головой, впившись глазами в них. — Да вся Компания об этом знает.

— Тише, друг, — чуть улыбнулся рекрут, выпрямив спину, — не напугай девушек.

За ними вошла ещё одна девушка, отстранённо и даже немного смущённо держась за Аэлет и её подругой. Высокая прекрасная дама могла похвастаться прекрасной утончённой фигурой, словно бы её высек сам Небесный Ювелир с непреложным мастерством и совершенством. Осторожно проходя между столиками, являя мягкость походки, она привлекла внимание всей мужской части своим видом. Цвета вороньего крыла волос обрамлял аккуратное и чудесное лицо, опускаясь практически до пояса, отличаясь крупными плетениями и парой светлых прядей. Йозеф посмотрел её в широкие цветошоколадные глаза, но не выдержал глубины и пронзительности взгляда. Даже в приглушённом свете отлично виднеется её загоревшая медноватого оттенка кожа оголённых стройных длинных ног, изысканных рук. Кожаный топик с сумкой через плечо, мини-юбка, обшитая угольным мехом вольфсина[1] и сапоги — вот вся её одежда. Опустив взор, парень на её голених заметил зампысловатые татуировки.

— Ну, здравствуйте! — обрадовался Румо, когда девушки подошли к столику и заняли места. — Как мы рады вас видеть.

— Ох, как ты оживился, — хлопнул в ладоши Дьяко, — прям как таракан на кухне. Только с ума не сходи.

Теперь за столом восемь человек.

— А это кто? — капрал посмотрел на высокую девушку с интересными плетениями в волосах. — Что-то я её раньше не видел в Компании.

— Это Шьяни Лоук'Ц. Недавно сию душу привело к нам. Благодаря её рукам большинство твоих ротных собратьев обзавелось бабочками, сердечками и прочими вещами, которые колете себе вы, настоящие мужики.

— Ах, — Румо снова прилип губами к пиву, допив всю кружку, — а я то думаю, кто сделал татушки этим поехавшим полудуркам из Братства.

— Они хорошо заплатили, — волнистые губы девушки дрогнули, уши обласкал весьма приятный бархатный голос. — Всего пара-тройка дней, а мне удалось познакомиться со многими и замечательными людьми, — дама осторожно и плавно жестикулировала, когда говорила.

— О, а это кто эти «замечательные люди»? — наигранно возмутился Румо, его не интересует еда, все тарелки в распоряжении двух парней из отделения, которые быстро налегли на куски почерневшего вяленого мяса. — Неужто такая краса уже нашла себе воздыхателей?

— Нет... Румо, вас же так зовут, да? — чуть улыбнулась Шьяни, сложив руки на груди.

— Быть может вина или хорошего пива? — предложил Дьяко девушкам, но они отмахнулись. — А то нам за пару часов уже хватит.

— Лена, — приобняла её за талию Аэлет. — Душа моя, может, ты чего-нибудь будешь?

— Нет, милая, мне одной тебя хватит, — ухмыльнулась девушка.

— А ты, — что-то было хотел спросить Йозеф, но его быстро оборвали.

— Обожди, малец, — пихнул Румо рекрута, показав на Аэлет и Елену. — Вот вы понятно, вместе. Конечно, чего только в наши долбаные етить времена не увидишь, и знают вас все давненько. А ты, Шьяни, сколько у нас?

— Я только недавно, — девушка провела длинными пальцами по хрустальному бокалу, наполненному вином цвета насыщенной густой крови, — работала небольшой деревеньке возле Таранто, но там слишком плохая обстановка. Слишком опасно. Тут же... всё более спокойно. Мне предложил ваш полковник делать татуировки для бойцов и выручку делить — тридцать ему, остальное — мне. А так я ещё в паре мест работаю.

— Неро, вот пёс лукавый! И как же так получилось, что такая краса забыла в такой выгребной яме как «Чёрные мечи»? — развёл руками капрал. — И ты не гонишься за деньгами?

— Нет, мне главное найти хорошее общение, Румо и приятных людей. Ну и подальше от мест, где в любое место могут напасть бандиты и дикари.

— Шьяни, а ты, — снова попытался спросить юнец.

— Йозеф, обожди, — перебил его Румо, — Шьяни, а ты чем помимо татуировок занимаешься?

— Румо, как же ты оживился, — ехидно отметила Аэлет, — обычно, когда я вижу тебя в баре твоя единственная любовь — это выпивка. А тут ты прям весь из себя.

— Это я хотел спросить, — пробурчал себе под нос рекрут, обхватив двумя руками бокал с дурманящим спиртом.

— Музыка и путешествия, — сложив ладони у подбородка, сказала девушка, — хорошие компании.

— Оу, поверь мне, милаха, я могу дать компанию, что нужно, — Румо откинулся на спинку стула, пройдя взглядом по всему залу, на этот раз он посмотрел на Елену. — А вот

ты, тебя я не припомню. Твою хорошенькую подружку я знаю давненько.

— Даже не думай, — фыркнула Аэлет, — Елена на веки моя.

— Она, — вспомнил о рассказе подруге о Лене юнец, но вновь был заткнут.

— Йозеф, дорогой мой друг, — на этот раз с оттенком грубоватости и скрытого яда лукавства молвил капрал, — будь хорошим мальчиком, убери язык... ну ты понял куда, пока взрослые говорят о важном и насущном.

— О как мы заговорили, — Аэлет согнулась, чуть подалась вперёд, — ты пришёл сюда по приглашению, пьёшь за чужой счёт и позволяешь себе мести языком, как тряпкой в толчке?

— Он парнишка хороший, — массивной рукой Румо потрепал капну чёрных волос, Йозеф вздрогнул, — но не для него эти разговоры. Вот о чём он может беседовать со столь чудесными девушками, если даже... ну вы понимаете.

Шьяни покачала головой, слушая Румо. Она осторожно убрала прядь волос, оголив утонченную шею, другой рукой всё же взяла бокал с вином аккуратно прикоснувшись к нему губами и немного отпив.

Дьяко внимательно смотрел за ходом диалога. Сержант хоть был выходцем из нищенских кварталов, но прекрасно понимал людскую суть. Да и не нужно обладать мастерством виртуоза чтеца душ, чтобы видеть — Йозеф страстно желает с ними поговорить, но Румо, который явно наметил себе конец дня и в каких позах, и с кем он его проведёт, не даст юноше и слова сделать. С другой стороны, ему завтра капрал нужен более-менее в чувствах и собранный, а не измотанный в хлам.

Сержант запустил руку в карман и достал телефон. Пара нажатий и экран засветился слабым тоном холодного света. Приложив к уху он стали наигранно говорить, а громкий бас привлёк внимание едва ли не половины бара:

— Я, господин капитан. Да, господин капитан. Сейчас будем.

Убрав телефон, Дьяко заметил, как все смотрят на него, капрал слабо мотал головой, уже чувствуя, что скажет командир.

— Так, Румо, — хлопнув по столу, встал сержант. — Давай, поднимайся. Ты помнишь, Кемирр нас звал вечером, чтобы мы насчёт техники поговорили.

— Начальник, обламываешь кайф. Нас же малой пригласил, а я ещё посидел недостаточно. Да и тут такие девочки, как же я их оставлю?

— Поднял сральник и пошагали в казарму. Ты достаточно пива ужрался. Или ты хочешь намотаться на кулак ротного? — Дьяко повернул лицо в сторону девушек. — Простите, милые дамы, за выражения.

— Хорошо, иду-иду, — подчинился мужик, явно не желая иметь дело с капитаном, недовольно зыркнув на Йозефа. — Вот же повезло, малец.

— Нам тоже надобно, — поднялись парни из отделения. — «Большая мамочка» просила забрать мешки и притащить в казарму.

— Аэлет, дорогая, — погладила её по руке подружка, — мне тоже нужно идти. Завтра такая суматоха, я хочу отдохнуть после сегодняшних разборов полётов.

— Конечно, иди дорогая, — девушки перед расставанием прижались друг к другу и наградили поцелуями. — Только давай завтра утром встретимся пораньше?

Пятеро поднялись и направились к выходу сквозь кривые ряды столов, обходя шумных постояльцев, часть из которых уткнулась в локти, кто-то рубился в карты, а третьи продолжали заливать в себя всё больше и больше выпивки. В итоге Йозеф остался с Аэлет и

Шьяни. Между ними повисло недолгое напряжение, италиец то поглядывал на свою подругу, то пересекался взглядом с тёмными глазами Шьяни в которых находил отблеск утраченного света, который не зрел во многих очах людских.

— Как же забавно получилось, — улыбнулась Аэлет, проведя рукой по опустевшей кружке, — и, Йозеф, прости, конечно, что мы задержались. В роте дерьмо приключилось.

— Ничего страшного. С ними я уже насиделся, — усмехнулся парень, поглядывая на то как три охотника ввалились в бар и пьяной походкой уселись за стол, шкуры, обрезы, пара ножей и вонь стали их спутниками. — Я рад, что ты пришла.

— Чем же? — чувство интереса явно чувствовалось в её вопросе. — Ведь это я навязалась к тебе, да ещё и опоздала.

— Аэлет, ведь только с твоей помощью я в «Мечах», — улыбнулся Йозеф, вспомнив об одной детали сегодняшней встрече. — А ты с Еленой? — осмотрительно спросил он.

— Хах-ха! — громко рассмеялась Аэлет, прикрыв ладонями рот. — Конечно же нет!

— А зачем тогда ты её привела?

— Знаешь, когда ты оказываешься в толпе голодных сам знаешь до чего мужиков, нужно как-то... ты всё сам прекрасно осознаёшь. Мальчик уже не маленький и такие вещи тебе рассасывать не нужно.

— Понятно. А что касается отношений?

— Ой, вообще ничего не хочу, — махнула девушка, — Йозеф, я пришла сюда, потому что с тобой хочу посидеть и поболтать. Ну и вспомнить... как тебе чуть глаз не выбила.

— Никогда не думал, что меня отметелит командир взвода разведки, — рука охватила бок, заболевший при воспоминании о том бое. — Но благодаря тебе я оказался в «Мечах»... ты меня «убедила».

Её подруга чуть посмеялась:

— О, Аэлет, ты рассказывала же о том, как чуть не сломала нос весьма приятному юнцу. Так это он. Ты ещё рассказывала, что тебе было его весьма жаль, словно подростка избивала.

— Шьяни, вот кто тебя за язык тянул, — слегка обиделась наёмница.

— Может быть, погуляем? — предложил Йозеф, допив вино. — Тут до новой набережной не совсем далеко, а сесть тут не охота.

Девушки охотно согласились. Собрав вещи, и отдав деньги в механические руки трактирщика, они оказались на улице. На западе небеса выкрасились в огонь и кровь, багровое пламя заката походило на врата в иной мир. Сиреневые, свинцовые грузные тучи резко контрастировали с закраинным полыханием, создавая чудесную картину, словно напоминающую о том, как великий кризис, царство мрака и падения цивилизации, опрокинуло и задавило мир предыдущий.

Парень и девушки пошли по серой асфальтовой дороге в сторону моря, переступая через выбоины, стуча каблуками по настилам и перешагивая через вздыбившиеся «горки».

— Татуировщица, у нас в Компании, — стал думать Йозеф, — никогда бы не подумал, что нас посетит столь чудесное явление, — говорил парень, всматриваясь в вечерний город, находя его похожим на умирающего исполина, который всё ещё цепляется за остатки жизни, используя всё то, что ему оставили предыдущие эпохи.

— Ну, мне нравится это ремесло, а Аэлет пригласила меня поработать с вами... точнее свела с вашим полковником, — потрепав часть прядей, сказала девушка, — в татуировках я нахожу определённый смысл. Это удивительный способ выражения.

— Что выразить?

— Что у тебя лежит на душе, — с оттенком вдохновения произнесла девушка, осторожно отмахнувшись от мошки... Йозефу даже показалось, что она не желает хоть как-то навредить ей. — Они отражают наши желания, идеи, мысли, что мы любим и что пережили. Очень занятно и трепетно колоть те вещи, которые для человека очень важны, которые лежат у его сердца.

— Ого, никогда не думал, что в татуировках может быть столь многое, — парень перепрыгнул небольшой овражек, обернулся к дамам и протянул руку; Аэлет цокая покачала головой, сама её перепрыгнула, а вот Шьяни вложила свою ладонь италийца и найдя в ней точку опоры перемахнула её.

— А ты сам, чем увлекаешься... помимо войны, — фраза овеялась оттенком отторжения, — у тебя есть хобби?

— К сожалению, нет, — тяжело выдохнул рекрут, серые виды города, обрушенные куски зданий, жестяные и фанерные наросты и «поросли» трущоб, облепившие его, удручают, став напоминанием о всей жизни — выживание на улицах, хоть какая-то учёба в местной школе и подобии института, а затем полиция... ничего интересного, чем бы он мог поделиться с девушкой. — Видимо не всем дарованы таланты, способности.

— Чушь, — её голос дрогнул, — каждый человек уникален. В каждом можно найти что-нибудь хорошее и светлое.

Слова натолкнули паренька на удивительные мысли, которые мгновенно наводнили потрёпанный рассудок:

«Это даже удивительно, что в таком мире, где ультранасилие возведено в норму, где по всему миру горят неугасимые конфликты, где сама земля проклята вечной энтропией, а мораль стала игрушкой для мечтателей-философов, смогло уродиться такое чудо, которое всё ещё видит в людях отблески чего-то славного, странный пресветлый образ человечности, который потерян нами столетия назад».

Аэлет украдкой сделала шаг назад, отстранившись от их разговора. Наёмнице не хотелось влезать в их общение или его обрывать, особенно если оно складывалось столь чудесным образом. Вместо этого она достала телефон и залипла в нём, не отрываясь от экрана и посматривая на своих знакомых. Она находила эту картину несколько умильной.

— Это ты делала татуировки Первому братству?

— Да. И они хорошо заплатили, между прочим, — Шьяни провела рукой по щеке, — и рассказали много интересных и хороших историй.

— О чём же были эти истории?

— Не только о подвигах и приключениях, не только о сражениях. Они поведали про наш мир. Какой он был до Великого кризиса, о его достижениях. Рассказали, что когда-то давным-давно всё было иначе. Да, войны были, но они случались нечасто. А эта страна звалась Италией, и жилось здесь намного лучше, чем сейчас. Это было мирное место, где нет ни банд, ни жестоких правителей.

— И как тебе их культ, их вера??

— Они — странные ребята. Хмурые, угрюмые, слишком погруженные во что-то... своё. Верят в добро, во свет, проповедуют его, но их Собор набит оружием, как ваши казармы.

— Но ведь кто-то же должен защищать добро силой оружия, — утвердительно произнёс Йозеф. — Добру необходимо быть с кулаками, иначе его разорвут стервятники. По-другому

никак.

— Круг бесконечной войны, карусель насилия ведёт исключительно к насилию. Это порочный круг, — Лоук'Ц остановилась, посмотрев вверх; темнеющие истомленные небеса рассекла белоснежная линия, шлейф, тянущийся за самолётом. Это вызвало неподдельное восхищение. — Ох, я не думала, что они ещё летают. Это здорово.

— Охрененно редкое явление, — бодро сказала Аэлет, тоже радуясь, что увидела чудо техники древности. — Наверное, откуда-то из востока. Парни брешут, что там ещё могут отправлять летающие банки с болтами.

— Шьяни, а как же война во имя обороны? — продолжил тему Йозеф.

— Это совершенно другое. Когда на село нападают дикари, люди защищаются от тех, кто несёт зло. Но война — это не то... для чего мы здесь.

— А к чему они по твоему призваны?

— Разве мы люди не призваны к добру? Разве люди не призваны к чему-нибудь светлому и прекрасному? Йозеф, ты умный парень, ты понимаешь, что вершина человеческой души — это не война и разрушение, это созидание и хранение этого мира. По крайней мере, мне так кажется.

— Ты не приемлешь никакого насилия, никакой войны?

— Нет, — резко ответив, помотала головой Шьяни, — я не приемлю насилие. Все войны должны рано или поздно кончиться.

— Но мы живём в мире, где, где война стала обыденностью, где оружие — это твой друг и главный инструмент, с помощью него решаются все проблемы.

— И это грустно, — в речи и глазах Йозеф услышал оттенки неподдельной печали, голова слегка опустилась, высматривая что-то в пыли.

Слова Шьяни, её мысли и идеи снова дали молодому парню пищу для размышлений:

«Что нас делает людьми? Каков же этот образ человека? Мы воюем, делим территорию, уничтожаем себе подобных в промышленных масштабах, радуемся обретению земель и печалимся, теряя их. Но чем мы отличаемся от животных, которые дерутся за еду и воды. Да даже от насекомых? Что ж, надеюсь, что когда-нибудь люди поймут, в чём их смысл и что он далеко от того, чтобы убивать себе подобных. Ха, странные мысли для наёмника».

Йозеф, Аэлет и Шьяни дошли до небольшого сетчатого забора, отворили скрипучую дверь. Под их ногами захрустели крошки бетона. Вся поверхность покрыта трещинами и ямами, кое где даже широченные выбоины набиты песком. Вокруг них троих простиралась набережная. Когда-то тут страну защищала военная база, но Италия сгнула, а вместе с ней со временем и многое из атрибутов её могущества.

— Да, тут довольно миленько, — Шьяни осмотрелась по сторонам, — но это лучше, чем то заведение, — нос засипел, в лёгкие хлынул прохладный воздух, не отравленный вонью помоек и химикатов.

— Может, присядем? — предложил Йозеф.

Тут всюду всё уставлено самодельными столиками и стульями, немногочисленные люди сидят и беседуют. Они тоже пришли отдохнуть, хоть немного времени провести в лёгкости, отдалить от себя тяжёлый трудовой день.

— Шьяни, а что тебе нравится больше всего в жизни? — спросил Йозеф, проведя рукой по крышке деревянного стола, ладонь защищало от мелких заноз.

— Музыка и природа, — Лоук'Ц повернула голову, в шоколадных глазах горели огоньки уходящего солнца, весь взор был прикован к закату, парню даже показалась что её душа

готова упорхнуть вдаль, где будто бы раскрыты врата в иной и лучший мир, наполненный добром и светом. — А ещё и путешествия. Да, сейчас трудно куда-нибудь выехать. Но всё же можно.

— И где ты побывала? — Йозеф заметил, как кто-то достал телефон, протянул наушники и погрузился в музыку, рядом с ним мужчина и девушка ворковали, держась за руки, а кто-то привёл с собой ребёнка, дав ему мороженное.

— Рим, Милан, Венеция, Флоренция, Мессина, Стамбул, Афины, Генуя, Салоники. Даже пару раз в Тунисе, — Шьяни оторвалась от полыхающего небосвода, её пальцы повертели золотое кольцо.

— Ого, как много городов, — паренёк заметил, как её взгляд теперь мягко ласкает пару, которая играет со своими детьми. — А ты не бывала на северном берегу Африки? Ливия и прочие? Говорят, что там сейчас очень опасно.

— Нет, — активно помотала головой девушка, — в Тунисе нам рассказали, что там правит жестокий султан и лучше туда не соваться. Могут ограбить или даже чего хуже.

— Это правда, — минорно заметил Йозеф, — эх, как же не хватает бокала вина. Можно было так провести времени до самой ночи.

— Музыки не хватает, — улыбнулась Лоук'Ц, — какой-нибудь яркой и активной. Чтобы можно было бы в ней раствориться.

— Любишь танцевать?

— Неимоверно. Это тоже возможность выразить себя, это прекрасный язык тела. А то, что он может сказать, порой недоступно обычным словам.

— Ого, я даже не думал об этом, — в груди Йозефа что-то шевельнулось, ему показались невозможными эти слова... слова, который не скажет ни один человек в мире, где гремит война. — Шьяни, я не думал, что встречу такого человека. Вы очень сильно отличаетесь от тех, кого я видел раньше. Человек, выступающий за... спокойствие на этой многострадальной земле? Это не укладывается в голове.

— Поверь, такие люди есть. Аэлет рассказывала о тебе. Ты слишком много времени провёл в полиции, на жестоких улицах, а сейчас в Компании. Ты не видел ничего иного, кроме боя. Но есть и другая сторона жизни, которую можно вкусить, как сладкий мёд.

— А ты?

— Йозеф, я тоже выросла в этом городе и видела то, безумие, которое в нём творилось и вижу, что мир горит в огне. Но не пропиталась им. Это инородное для меня, — прекрасное лицо поморщилось. — И как раз те странные ребята из Первого братства рассказывали, что люди однажды в истории достигали мира, осуждали войну. Давным-давно мы стремились к перемириям.

— Может быть, ты и права, — кивнул парень. — Но... я рад встрече с тобой, но не думаю, что мир можно изменить одной лишь силой слова и примирения.

Странно, но этот разговор в него вдохнул надежду на то, что этот мир не до конца прогнил и превратился в арену, что ещё возможны изменения. Да, он продолжит оставаться таким же наёмником, как и сейчас. Для него важно дослужиться до солдата, получать деньги и не сдохнуть под огнём пуль или от какой-нибудь болячки. Он продолжит воевать с шевронами двух мечей, идти в бой. Его цель — деньги. Но Шьяни стала подобием тихого и свежего ветра, развеявшим спёртый воздух в его внутреннем мире.

«Что же нас делает людьми?» — вновь спросил себя Йозеф.

Они продолжали наслаждаться покоем, посматривая на мирных людей, и

довольствовались последними минутами света от уходящего солнца. Аэлет иногда посмеивалась, находя что-нибудь интересное в остатках Интернета. А вот Шьяни, и Йозеф нашли что-то общее, несмотря на столь различное мировоззрение и цели. Она передала ему второе кольцо, отлитое из серебра, несущее странный знак. Это выполненный из меди длинный символ, растроенный к концу, напоминающий или ветку, или лапку.

— Он, как иероглиф моей души, — пояснила Шьяни, — он олицетворяет всё то, во что я верю и люблю.

— Что ты хочешь от жизни? Каков твой смысл?

— Жить, — мило улыбнулась Лоук'Ц, — жить и наслаждаться жизнью, радоваться ей в каждом дыхании и движении. Мне нравится проживать каждый момент, наслаждаться весельем и хорошими людьми. Знаешь, жизнь можно считать удавшейся, когда рядом хорошие друзья, звучит любимая музыка и ты смотришь на зелёный не осквернённый лес и реки.

— Я, как и ты, надеюсь, что в мире наступит мир, — края губ Йозефа слабо дёрнулись, — наши далёкие предки его не смогли удержать.

— Война, насилие, — с придыханием и смотря на то, как пылает запад, начала речь начала Шьяни, — вот до чего мы дошли. Я против этого, Йозеф, против. Я искренне надеюсь, что хоть через пару сотен лет всё изменится. Что мы преодолеем собственную порочность и тягу к войне.

— Знаешь, я готов подписаться почти под каждым твоим словом, которое ты сказала сегодня.

Смотря на Шьяни, находя в широких тёмных глазах остатки живой человечности, давно утраченный свет, Йозеф неожиданно вспомнил слова священника из Кюльта Единого — «Чистота всегда найдёт себе место, несмотря на то, сколько тьмы в нашем мире. Нужно хранить её всеми силами от всех мерзостей».

— Йозеф, — заговорила Аэлет, положив руку на плечо парню. — Мы славны погуляли, — её речь отравил призрак обиды, — хоть с тобой так и не поговорили. Но нам пора разбежаться. Ты не забыл, что нас завтра ждёт?

— Да, давай возвращаться. Наступают трудные дни.

[1] Вульфсин — искусственный мех, смахивающий на волчью шкуру. Учитывая, что большинство синтетических производств находится на более-менее богатом севере, то и сам товар отличается высокой стоимостью. Его покупка может значить или высокий доход владельца, или о его богатых друзьях, которые могут позволить себе такие подарки.

Глава 4. Огненный берег

Спустя три дня. Северная Африка

Оно буквально испепеляло, невозможно было и нормально вздохнуть из-за палящего до боли солнца. Раскалённый воздух обжигал лёгкие при каждом вздохе, всё застилал бело-жёлтый пейзаж, рябивший глаза. Под одеждой сочился пот, несмотря на то, что большинство накинули бежевые, рыжие и охровые футболки под бронежилет без кителей, это не спасет.

Йозеф не мог и представить, что тут будет так жарко. Через море лежали земли, которые он никогда не видел. Вместо грязно-зелёных лугов и деревьев, всё до чего дотягивается око, это светло-песчаные дюны и барханы, а позади сине-бирюзовый ковёр, осквернённый островами плавающего мусора. Его привезли на большой ржавой и вечно скрежещущей барже. Потом выплюнули на берег вместе с сотнями других братьев по оружию. Все они стали частью одной колоссальной операции, которая призвана восстановить власть слабого правителя, который неумолимо терял её. Восстания, интриги, предательства и орды банд с юга ведут неудержимое наступление на берега, дабы и там утвердилась власть грызущихся князьков, мародёров и лордов вар-групп, как поведал сам султан. Для этого они и были призваны — наёмники, псы войны. За внушительные деньги и блага их наняли, чтобы они стали одной из опор, с помощью которых местный правитель восстановит своё правление.

— Фух, вот это и жара, — выдохнул рекрут, поправив трясущийся магазин, — как же тут можно жить?

— Не возмущайся, топай давай, — пихнул паренька Румо, держа на одной руке пулемёт.

От Хумт-Сука до Сирта идёт контрнаступление с целью выбить массы оборванцев, уродов и преступников, которые недавно практически сбросили в море армии Триполитанского султаната. Пока сухопутные войска начинали движение из столицы и округи, морфлот при поддержке наёмников с разных частей мира, и братьев Мальтийского ордена, атаквали на протяжённом побережье.

Короткий берец Йозефа утонул в песке, всюду куда можно забирался песок. Справа от него песчаное море, холмы, ослепляющие от песочного сияния. По левую руку покров воды, волнующихся и волнами хлещущий о берег. А впереди душу разочаровывает вид, черта, ставшая символом этих безумных и страшных времён. Лёгкие труппы, палатки и навесы, облепившие полуразрушенные окраины города — разруха везде и всюду.

«Чёрные мечи» вместе с морскими пехотинцами первого полка Султаната должны захватить Сирт и удержать его, сражаться до тех пор, пока у врага не закончатся люди, силы и желание биться. Такова безжалостна и холодящая душу логика войны.

Воины рассредоточиваются, над головами то и дело что-то просвистит или прошипит, начинают доноситься громopodobные залпы пушек. Они редки, но похожи на дробь начинающегося дождя, предвестие грядущей бури.

Йозеф прижал к себе пистолет-пулемёт, будто бы он талисман. Вокруг него неисчислимое количество человек, целые роты пешком или на бронемашинах рвутся в Сирт. В жёлто-белой пиксельной форме, с редкими бронежилетами, а зачастую с перевязанными пластинами металла и керамики, морпехи рвались в городок. За ними тянутся «стальные колесницы» войны — танки «Чёрных мечей» брнчали, веером двигались к городку, а за ними пехота. Всяду мир сотрясало гроыхание и вой техники, крики приказов на пару с

редкими выстрелами.

В стороне стояли солдаты-наёмники из первого батальона, заняв шоссе на месте тройного пересечения. Они выстроились возле БТРов и джипов, легковых машин и прочей техники, способной доставить их в бой.

— Дьяко! — зашипела рация у сержанта на груди. — Говорит капитан Кемирр!

— Да, господин капитан!

— Поступил приказ. Вы наступаете через пять минут от начала артподготовки. Артиллерия нанесёт непродолжительный удар по позициям южных группировок. Задача нашей роты — взять укреп Абухади и установить контроль на развилке дорог.

— Так это же...

— Да, тринадцать километров веселья!

Командир отделения положил рацию обратно и обернулся к своим людям. В их лицах он видел суровость, готовность отдаться делу и желание отработать деньги. Спину оттягивала верная энерговинтовка, тело защищала отличная броня цвета песка. Он кулаком ударил по шлему, вернув его в удобное положение. В этой битве могут погибнуть многие, кого-то он вечером уже не увидит, а может и сам будет убит. Но такова жизнь наёмника — отрывайся на всю катушку, воюй со всей яростью и умением, да и умри достойно. Он так жил, он к этому готов.

— Так засранцы! — обратился сержант к солдатам, вскоре и остальные командиры отделений закричали. — Сейчас большие пушки начнут огонь. Мы через пять минут запикиваем свои гузки в машины и летим во-о-о-он туда, — командир показал вдаль, задев местечко недалеко от города, — там наша рота окапывается и бьёт засранцев. Это понятно!?

— Да, господин! — ответили хором бойцы.

Румо кивнул. Перекинув пулемёт, он отшагнул. Мощный протектор берец забит песком и камешками, отчего мужик потряс ногой, и пара кусочков вывалилась на серый асфальт шоссе.

— Слушай, как думаешь, где сейчас Аэлет? — потянулся юноша к мужику.

— А тебя девочка чем-то зацепила? — ухмыльнулся пулемётчик. — Она же лесбуха, как она может это сделать?

— Я просто спрашиваю, — поправив шлем, тихо произнёс Йозеф, — вдруг мы встретимся с ними.

— Не ссы, малыш. Эта девка может за себя постоять.

Триполитанский султанат не думал сейчас межеваться или медлить. Алчный двор, месяцы отступавший под приливной волной с юга, жаждал реванша. Теперь же он хочет всё вернуть, убить врагов и получить рабов, с другой стороны именно это государство, подпитываемое северными соседями, держит варваров и дикарей из центра Африки, которые сметут остатки южно-европейской цивилизации, если пересекут море.

Йозеф посмотрел на часы. На них электронными палочками высвечивалась цифра «10:31». Это стало временем начала, минутой и часом, с которой началась операция, возгласив о себе таким сильным грохотом, что рекрут подумал о трубах, возвещающих апокалипсис. Пушки и ракетные шахты с кораблей выпустили тысячи и тысяч снарядов, плазменные установки плюнули особыми бомбами, которые зальют врага раскалённым огнём. С неба на головы обрушился смертоносный, гибельный и суливший тотальное уничтожение дождь. Здания и укрепления превращались в салют из кусков камня и деревянных досок. В поднебесье вздымались гейзеры из песка, мир гремел и сотрясался от страшной

огневой мощи. Всё пространство от Хумт-Сука до Сирта дрожало и сотрясало. Снаряды и ракеты падали в заранее намеченные точки, превращая оборону в пыль, снося баррикады, пулемётные точки, позиции гаубиц и РСЗО, сметая их в лавине пламенной злобы.

Около пяти минут землю, пригороды, укрепленные узлы меса корабельная артиллерия. Орудия были наведены по заранее полученным от разведки координатам, удивительно щадя гражданские объекты, насколько это возможно. Вскоре артобстрел стал спадать, подобно дождю, теряющему силу.

— Вперёд, девочки! — кричал сержант, — по машинам!

Зацепившись за перекладыны и подпрыгнув, Йозеф забрался в «раздетый» джип, отличающийся множеством швов, лат и открытой конструкцией. Машина резко двинулась, рекрута чуть не вбило в кресло. Десятки авто, вместе с БТРами и джипами ринулись на восток, превратившись в поток кряхтящей брони, идущей вместе с облаками песка.

Живот парнишки скрутило. Машину трясло и мотало, по ушам бил вой двигателя, звон рассыпающихся механизмов и шум ветра. Он даже не мог видеть, что впереди, глаза щипал песок, да и в этом нет смысла — нельзя сконцентрироваться ни на чём.

Вражеские орудия не стали молчать. Воздух рассекли пулемётные очереди, трассы и одинокие пули. Прямо подле зелёного островка в центре перемежения дорог, всё усеяно траншеями, башнями, укрепленными районами и баррикадами, вместе с танковыми заграждениями и кустами колючей проволоки. Враг приготовился.

Гранатомётчики и операторы ПТУРов навели стволы на приближающуюся стену стали и железа. Выпустив всполохи огня в сторону «Чёрных мечей» ринулись два десятка шлейфов дыма. Снаряды изначально садились между машинами, Йозеф даже всколыхнулся, когда его осыпал песок после взрыва. Затем он ужаснулся, когда авто рядом остановилось, стинув в огненном коконе, а куски металла с кусками горелой плоти разлетались по округе.

— Жми бляха, жми! — кричал Румо, дёргая водителя за плечи, — не дай сегодня сдохнуть!

Они продолжали ехать, несмотря на что. БТРы и машины вспыхивали аки спички. Одна за другим, авто за авто. Йозеф насчитал не менее десяти попаданий... схватившись за живот, он смотрел в покрытый рыжими пятнами пол и надеялся, что грантомёт или ПТУр промахнётся.

Рано или поздно это должно было произойти. Пролетев почти тринадцать километров, как молнии из металла, механика остановилась. Солдаты высаживались и тут же открывали огонь, пытаясь заткнуть шторм огня, направленный на них.

— Спешиваемся! — приказал сержант, схватившись за винтовку, засияв над полем боя раскалённым лучом.

Они вступили в сражение прямо сходу, как только десантировались в горнило сражения. Йозеф не успел даже оглядеться — он мгновенно рухнул на асфальт, покатился, чтобы очереди его не достали. Над головой воздух стал горячим от количества пуль, в ушах воцарилось оглушение из-за рёва автопушек и тяжёлых пулемётов, которыми БТРы их поддерживали.

Рекрут приподнялся и прыгнул вперёд, оказавшись за старым ржавым гражданским авто. Отлично, он нашёл укрытие. Теперь нужно выжить, принять участие в этом безумии.

— Вперёд, наступаем!

Вся рота собралась здесь... уже не в полном количестве. Восемьдесят человек высыпались у дороги, рассредоточились и стали кулаком из плоти. Разместившись у

разбитых машин, за камнями, полуразрушенными баррикадами, они сформировали формации. А затем начали обстрел. Снайпера выкашивали особо ретивых стрелков, пулемётчики роями пуль заставляли бандитов прятать головы. БТРы продолжали вспарывать оборону, сумасшедшим огнём превращая укрытия в решето, а людей в багряные облака.

Йозеф взглянул в лихорадящий прицел. Его оружие на таком расстоянии банально бесполезно. За насыпями и укреплениями бегали фигурки в жёлтой униформе. И всё же он решился выстрелить. Палец ласково прижал стальной язычок, короткая очередь вырвалась и россыпью пуль вошла в мешки с песком.

— Проклятье, — фыркнул парень.

— Да твоя пукалка на этом расстоянии никакая, — упал рядом Румо; он высунулся по пояс и, выставив пулемёт, открыл пальбу. Его нестерпимый огонь вошёл в унисон с подобными орудиями.

Такой шквал мощь и сила дали эффект, теперь враг прятал головы. Если высунуться, можно лишиться части головы, стать удобрением для песка. Орудийный жар «слипся» с теплом палящего солнца, превратив атмосферу в сующую невыносимость.

— Не сидеть в укрытиях, говнюки, — кричал Дьяко, подняв руку, — в атаку, сучьи дети. Вперёд, на штурм!

Страх и ужас сковывал руки и ноги рекрута. Но всё же Йозеф смог собрать себя, он преодолел внутренний страх, конечности зашевелились, сердце забилося с пущей силой, тело получило всплеск адреналина.

У ушей снова досаждают противный гадкий свист, рядом грохнулся товарищ, крича и вопя, подстреленный в ноги. Полсотни человек бросились в сумасшедшую атаку, в этот же миг артиллерия Компании дала о себе знать. САУ и миномёты, только что выгруженные, отправили в небо целый град снарядов. Парой секунд позже оглушительный свист стал предтечей грома и смерти. Позиции врагов взвились столбами грязи и крови.

Впереди находилась старая АЗС, ставшая отличным рассадником тяжёлых орудий. Как только рота достигла танковых заграждений напротив неё, из полуразрушенных зданий, и руин вырвались трассы. Трое боевых братьев были разорваны в клочья мяса секундной вспышкой минигана.

— В укрытие! — крикнули командиры и солдаты рассеялись между заграждениями, машинами и в ямы.

Йозеф снова упал на землю, чтобы его не скосил пулемёт. Он забился за большой бетонный блок, способный остановить бронетехнику. Тут же самый верх укрытия в противном жужжании и рёве снесён, превращён в пыль.

— Сука, блядь, — сплюнул рекрут, понимая, что они оказались в буре кинжального огня, он был готов вжаться в землю, стать одним

Трое солдат упали безжизненными куклами, когда их прошили точные очереди. Ещё пятеро закричали от боли ранений, схватившись за прошитые плечи и руки. Какой-то воин попытался отстреливаться, но из него сделали багряную дымку скорым огнём минигана, не уловимого для ока из плоти.

Йозеф высунулся из-за блока. Прижав к себе покрепче оружие, он прицелился ещё тщательнее. Корпус затрясся, как больной при лихорадке, но он сжал его со всей силы. Пульки достигли цели — оператор ужасающего орудия схватился за пробитое горло, сполз по корпусу и сжался у минигана.

— Молодец, малой! — Румо добежал до укрытия и приземлился рядом, ствол пулемёта

выставился и дал очередь, но это слабо помогло, ответом стал вал раскалённого свинца.

— Обычные бандиты, да? — поправил шлем рекрут, пристёгивая новый магазин.

Обладатель «сеятеля смерти» нашёл у себя рацию. Пару раз ткнув по ней, он вызвал командира:

— Сержант, где эта блядская арта!?! Нас всех нахер тут положат!

— Не обоссись, крутой парень, — из радиации донёсся женский голос, — или настоящий мужик уже в штаны наложил?

— Аэлет! — узнал её Йозеф, Румо свёл губы и подвёл включённое устройство ко рту парнишки. — Как же я рад тебя слышать!

— Ничего мальчики, поможем вам, чем сможем.

На этот раз в бой вступило одно из подразделений разведки. Миномёты одним синхронным залпом пришибли позиции стрелков, подавив огневые точки. И только затем появились фигуры в форме, которая полностью хамелеонила с окружением. Они ворвались через небольшой проход с севера, тридцать пять человек песчаными призраками хлынули во внутренний двор АЗС. Автоматы без пламени и громкого звука застрекотали, кирпичи и бетон плюнули облачками пыли. Держатели крупнокалиберных пулемётов упали первыми, за ними один за другим были ликвидированы. Гранаты — световые и звукошумовые побренчали по полу, спустя пару мгновений взорвавшись. Противников разносило в разные стороны, ослепляло, оглушало, чтобы потом они попали под свинец.

— С глушаками работают, спецы долбаные, — улыбнулся Румо.

Йозеф наблюдал за тем, как работает разведка. Чётко и профессионально, ни одного боеприпаса просто так. Парень изумился, когда выглянул из укрытия через пять минут. Все огневые точки подавлены, они могут продвигаться дальше.

— Так мальчики, давайте сами, — сообщила Аэлет. — У нас свои задачи.

Отряд смог начать движение. Снайперы заняли удобные позиции, хлыстозвучные выстрелы стали предтечей пулемётного рёва. Йозеф в полусогнутом состоянии бежал, то и дело пытаясь целиться. Он вместе с другими парнями петлял у машин, у бетонных заграждений. Что сзади, что спереди покою не даёт истошный свист, приходится то и дело падать на землю и мараться в оранжевой пыли.

«Вперёд, ещё немного, ещё чуть-чуть», — говорил себе Йозеф, смотря на брешь баррикадную, устроенную совокупным огнём автопушек бронетехники.

Огонь стал плотнее, стена свинца уже дышала жаром, в ушах господствовал звон, конечности начинали стонать. Резкая боль обожгла щеку, но рекрут лишь покачнулся и продолжил бежать.

— Вперёд, сука, вперёд! — сзади его поддерживал Румо.

Пулемётчик выдохнул, ретиво повёл стволом и прицелился, что есть мастерства. Лента вздрогнула и методично стала пропадать в коробке. Какой-то бандит высунулся из траншеи, нацелился на Йозефа. В прикладе винтовки уже мелькала голова юнца.

«Не в этот раз, блядота!» — мысли сопроводили действие и Румо довыдавил остаток первого магазина. Свинец ударил в открытую голову и буквально срезал часть головы противника.

Враги поднялись, чтобы усилить стрельбу, но вновь заградительное пламя их остановило, прижав к земле. С помощью друга рекрут достиг дыры. А дальше что?

В дыму выстрелов он увидел, как к баррикадам и насыпям из мусора и мешков с песком подбирались его братья. Раненные, уставшие, но всё ещё с огнём в глазах и жестоким

задором. Он чуть подался из-за куска фанеры и прежде чем осколок вырвали пули он увидел, что до зелёного покрова осталось около ста метров.

Вражеские солдаты отступили, не в силах остановить наступление. БТРы дальше не ехали, дорога и её окрестности слишком сильно усеяна заграждениями и металлоломом. Вместо этого бронетехника двинулась южнее по дуге, чтобы отрезать врага от возможных подкреплений. Целая колонна металла рванула, окутавшись в саван облаков песка.

— Ну что дальше!?! — спросил Йозеф, когда к нему подбежал товарищ, весь блистающий от пота.

— Не знаю, но чую, мы в жопе! — Румо кинул под ноги пулемёт и стал спешно менять опустевший магазин.

Солдаты стопились у баррикад, закрепились в нескольких траншеях, смогли выбить из огневых укрепов врагов. Йозеф получил свободное время, а оно для обычного солдата опасно. Всякая дурь, неудобные вопросы или здравый смысл начинает лезть в голову. Парнишка согнулся на трупом, смог его разглядеть более-менее внимательно. Схватив за руку, он развернул тело. Чёрная плоть облачена в гражданскую одежду — серую футболку, шорты и ботинки, а на руке повязка алого цвета. Возле него валялся потемневший, местами ржавый карабин.

— Смотри, — указал Йозеф на ещё одно тело, но на этот раз в монохромной мешковатой форме светло-охрового цвета, а на плече камуфляжная нашивка с двумя ятаганами. — Он не похож на обычного бандюгана. Первый ещё ходит на ополченца, но не этот.

— Слушай, сейчас нет времени думать, — гулкий металлический звон обозначил закрытие крышки пулемёта, — нам платят, мы убиваем. Вот и все дела.

Не менее семидесяти воинов сосредоточились у первой линии. Наёмники отлично видели, что на зелёном полотнище, в форме окружности вырисовывается метровые укрепления, собранные из строительного мусора, кусков зданий и жести. На них есть наросты из мешков с песком, за которыми на поле боя смотрят стволы разного калибра. Подле всё овито колючей проволокой, щедро усеяно минами и автотурелями, делающими наступление банально не возможным силами обычной пехоты. А в самом центре высится круглое двухэтажное строение, похожее на ровный круг и сделанное из более-менее прогрессивных стройматериалов, сияет белизной.

«А бандиты ты ли это?» — сомнения закрались в ум Йозефа, но он их отбросил, нужно дальше воевать, но вид солдат с шевронами, молодые лица врагов, навечно застывшие в гримасе ужаса, отравляют рассудок.

Мальчишка увидел, как к ним подобрался командир. Капитан мог похвастаться лёгким экзоскелетом, металлическими шестами, окружившим тело. Наплечники, горжет, наколенники и налокотники с щитками указывали на статус офицера. В его руках тяжелейшая автопушка, отдача которой компенсируется техникой, а на бедре два энергопистолета, навеивающие духом древности калесцового оружия. Подле него шли пятеро лейтенантов, которые лишены изысков техноброни и горжетов, а оружием выступали элегантные штурмовые энерговинтовки, у которых вместо магазинов большие батарейки.

— Господин капитан, — собирался докладывать какой-то сержант.

— Без этого парадного говна, — кивнул офицер, — нам удалось пробиться, но впереди нас всё ещё ждёт ад. Много наших братьев погибло.

— Где остальной батальон? — раздался вопрос из чреды солдат. — Почему мы тут

одни?

— Не ропчи, воин. Они помогают первому полку морской пехоты союзников в штурме Сирта, — капитан переложил оружие в одну руку, второй указал на чреды фортификации, — если мы не захватим эту точку, штурм города может сдуться. Это дорожный узел, а вместе с тем и мощный укреп.

— И как мы его будем брать? Там грёбанные мины, пулемёты и турели. Нас суки превратят в кровавый фарш ещё до подхода.

— Солдат, нас с берега прикроют ангелы-хранители из артбата. Да и под дымовушечки дело проще пойдёт. Четыре взвода зайдут с разных сторон. Один с севера, другой с юга будут отвлекать. Два других спустя пять минут проломаются и ворвутся в укреп, — холодный взгляд Кемирра вкупе с его суровым лицом внушал в солдат уверенность, его голос стал глубже. — Будет трудно, братцы, но вы крепитесь и держитесь. «Чёрные мечи» это не просто название Компании, но знак качества, знак элитарности! — крик капитана заглушился парой далёких взрывов, прежде чем из уст вырвался девиз наёмников. — Оружие в руках, ярость в сердце!

— Так проводим их в ад!

Офицер кивнул начальнику штаба, и тот позвал сержанта связи, несущего радиостанцию. Сняв трубку и «поиграв» с частотами мужчина, поправив автомат, заговорил:

— Артиллерия, артиллерия! Говорит первый лейтенант Франческо, начальник штаба второй роты первого батальона.

— Да не кричи ты так, — прорвалось сквозь статику, — у аппарата командир артиллерийского батальона майор Лайель. Чего тебе нужно?

— Артиллерийский обстрел по установленным координатам. Если есть шанс, пусть отработают все три батареи САУшек.

— Хорошо, только скажи, куда свинца тебе подкинуть.

— Сейчас всё отправят.

Офицер передал трубку солдату, стоявшему рядом и узнавшему нужное от капитана. Вскоре вся местность сотрясётся от грохота разрыва снарядов, нестерпимого дождя огня.

Йозеф как и Румо быстренько нашёл укрытие, спрятавшись в близ лежащей траншеи. Воины рассредоточились по лучшим местам, чтобы их не накрыли ошмётки или мусор. Где-то на берегу двенадцать САУ подняли стволы в уникальной синхронности — двенадцать длинных металлических «труб» уподобились стене копий, уставленными в небо. Секунда и наконечники увенчались бутонами пламени, мир сотрясся от грома и рокота орудий.

— Как пишат, суки, — усмехнулся Румо, услышав, как в небе раздался громкий и устрашающий свист.

Двенадцать снарядов разрушительной волной ударились о землю, об укрепления и технику. Двенадцать «гейзеров», отвратительных салютов взвились кусками асфальта, россыпью дерева или шматами металлолома. Ещё один шквал последовал спустя пару секунд, и вновь вражеские баррикады захлестнуло разрывное пламя, сеявшее тотальное разрушение и смерть. Солдаты пропадали в смертоносных оранжево-жёлтых ослепительных вихрях, их тела кромсало и четвертовало, раскидывая по округам мерзкой россыпью.

Йозеф всем естеством чувствовал, будто вокруг него дрожала сама земля, всё вокруг не знало покоя. Обитые ДСП и кусками пластика стены окопа казались ничтожными и хрупкими, он со страхом ощутил собственную жалкость перед «богами войны». Его сердце сжалось от ужаса при одной только мысли, что происходит в эпицентре урагана. Он пытался ещё сильнее прижаться к земле, стать с ней одним целым, не слыша ничего, кроме писка и

взрывов.

Тем временем артиллерийский дождь продолжал месить укрепления. Вновь и вновь батареи закидывали позиции снарядами, превращая всё в ад. Воинов засыпало прямо в траншеях, которые становились могилами для целых отделений. Мины детонировали, прибавляя звону к «музыке войны». Техника, турели и крупнокалиберные превращались в звенящую над головами рваную мозаику обгоревшей стали и железа. Посланные «богами войны» смерть и разрушение, вечные спутники войны, царствовали безраздельно, собирая страшную жатву.

Вскоре артподготовка окончательно сошла на нет, над полем боя воцарилась страшная тишина, где-то поодаль звучали выстрелы и крики, продолжали рваться снаряды. Это предвещало скорейшую атаку на опорник... на то, что от него осталось.

Йозеф выглянул из траншеи, посмотрел на небо. Над головой проносились клубы едкого прогорклого дыма, отдающего мерзким запахом аммиака. Опустив взгляд, краем глаза он подметил, как из укрытий стали выходить солдаты, собираясь по подразделениям. Зацепившись и подмяв землю, он сам выкарабкался и побежал к своим, туда, где заметил фигуру командира отделения.

— Фух, вот это отработали, — сказал Дьяко, меняя батарейку на лазвинтовке, — но я готов поставить на то, что большинство крыс выжило, — мужчина показал на стрелков, взводящие автоматы с подствольными гранатомётами, а затем хлопнул паренька по плечу, — готовься, наш взвод заходит с севера.

Йозеф кивнул, последовал за своим командиром, следуя сквозь буйную толпу. Перед уставшими глазами только бронированная спина сержанта, по краям взгляда всё превратилось в нечто расплывшее и малозначимое. За время боя он успел подустать, но всё ещё может сражаться, только его продолжает изъедать сомнение касательно врага:

«Они в большей части не похожи на обычных бандитов. У них есть нашивки с геральдикой, да и прижать целую страну к морю явно не в силах обычных полудиких группировок из центральной Африки».

Но задача не ждёт, она не требует моральных изысканий, а взывает к скорейшему исполнению. На израненное, покрытое мириадами ран, поле посыпались дымовые гранаты. Щедро усеяв воронки, ямы и немногие пологие участки металлическими цилиндрами, солдаты отправились готовиться к штурму. Покров белоснежного и густого дыма застлал узел сопротивления, клубящееся одеяло соткано из множества шипящих баллончиков, утопив местность в «воздушном молоке».

Йозеф занял своё место среди собратьев по оружию, проверив ту рухлядь, которая называется пистолетом-пулемётом. Вдохнув и прокашлявшись от першения, утерев пот и поправив соскальзывающую от влаги одежду, он стал морально готовиться. Перед ним место заняли три сержанта, вззирающие на высокую фигуру и смиренно ждущие приказа. Это лейтенант Лиро, командир взвода, вооружённый чёрным автоматом, ставшим грязным после непродолжительного боя. На поясе закреплён пузатый пистолет, с внушительным грибовидным «магазином», видимо наполненным ионизированным газом.

— Солдаты, воины взвода, — обратился лейтенант, подняв руку в перчатке, — вы все не первый раз в бою, вы прекрасно знаете, что нас ждёт полная жопа. Так давайте покажем врагу, что он ошибся в своём желании воевать и не сдаваться, а союзникам, что те правильно сделали, пригласив нас.

Сержанты кивнули и вернулись к отделению, приказав рассредоточиться перед началом

действий. Йозеф только вроде как подавил страх, свыкся с мыслью о наступлении, но как оно началось, и всё бесстрашие рассыпалось подобно разбитому хрусталу.

Пехота двинулась рассыпанным строем, фигурки людей вошли во мглу, двигаясь за Лиро, который нацепил тепловизор, чтобы не налететь случайно в дыму на врага. Они пустились по широкой дуге, чтобы незаметно выйти на рубеж основной атаки до того, как рассеется дым. На лёгком бегу всё же разносился слабый шум экипировки и брэнчание старого оружия. Протоптав песок, они выбежали на разбитый и испещрённый трещинами асфальт старой дороги, где минуя разнесённые укрепления, воронки и ямы, старые машины и куски мусора, быстро сблизилась с мизерной рощицей деревьев. На миг остановившись, Лиро посмотрел вокруг, оценивая обстановку. Йозеф не успел передохнуть, как они вновь сорвались. Минуты хватило, чтобы они заняли атакующие позиции у прямоугольной асфальтовой площадки, ставшей пережением для нескольких дорог, где навечно упокоились чёрно-рыжеватые остовы техники.

Италиец видел, как рассеялся дым, как из белого смога показались образы разрушенных баррикад, с дырами в формациях размеров с танк. Сердце облилось кровью, когда он смог разглядеть, как в каких-то местах земля шевелится, и зарытые солдаты пытаются выбраться, до конца борются за существование.

— В атаку! — приказал Лиро, сорвавшись с места, а за ним и тридцать воинов рассеянными группами ринулись на сближение с фортификациями.

Румо и другие пулемётчики хорошо закрепились в воронках, или за сгоревшими корпусами авто. Они же и начали сумасшедший обстрел, яркие ленты раскалённого свинца ударили по дереву и мешками с песком. Кого-то даже срезало с криком и скинуло с укреплений.

Йозеф прилёг, над головой пронеслись снаряды крупнокалиберного оружия, вспахавшие асфальт. Направив оружие на одну из мельчащих фигур, он выпустил короткую очередь. Три пульки лихо просвистели и ударили в толстый мешок, безнадежно в нём увязнув. Противник может только посмеяться.

Вражеские операторы тяжёлого орудия отстреливались со всей яростью. Немногочисленные тяжёлые пулемёты из окопанных точек и подобия башен, и энерготурели усеяли поле перед собой лучами смерти и убийственным металлом. Пара человек грохнулась разорванные, части тел разлетелись кровавыми кусками. Остальные улеглись, подавленные смертоносным огнём.

— Вперёд, суки! — поднимали в атаку солдат сержанты. — Порвите их нахер!

Снайперы открыли беспорядочный огонь в попытках заткнуть стрелков. Пара человек за массивными стволами резко дёрнули головой, брызги мозга разлетелись из раскрытого затылка.

«Блядь, попал же я», — марая брюхо о песок, думал Йозеф, над ним воздух стал раскалённым, наполненный быстрым и опасным свинцом.

— Султанат аль-Адиль! — донёсся боевой клич со стороны врагов. — Порядок и законность!

«Султана же зовут Джума ибн аль Асаф», — вспомнил рекрут, понимая, что всё больше и больше у этой операции вырисовываются политические мотивы.

Паренёк крутанулся, свалился в воронку и оказался в укрытии. Воин вновь приподнял оружие и, найдя в прицеле вражеского солдата в песчаной форме, затаил дыхание. Секунда и его оружие со стоном и облачком огня выпустило пол магазина, рой пуль влупил по врагу,

часть отскочила от бронезилов, а другая всё же вошла в плоть. Обмякшее тело грохнулось наземь.

Спрятавшись, тарантиец смог наблюдать за движением его собратьев. Воины остановились, залегли по всем возможным укрытиям, кругом царит смерть и гибель. Пара десятков врагов, хорошо закрепившись, держит оборону, отсекая каждую попытку наступления. Пулемётчики и снайперы с обеих сторон сошлись в неукротимом противостоянии, заливая друг друга свинцом.

«Сука, и как же мы будем выбираться из этого дерьма!?» — вопил разум рекрута, который не находил ничего лучше, кроме как отстреливаться.

Лейтенант прекрасно осознавал, что они сделали то, что и обязаны. Раскалывая воздух автоматными очередями, он отлично засел в укрытии. Они должны были оттянуть на себя внимание, чтобы другие два взвода смогли прорваться и выиграть эту битву. Посмотрев сквозь коллиматорный прицел, он увидел, за насыпями осталось не более пятнадцати солдат. Выстрелив, ровной очередью стали, он прошёл ещё одного бойца бандитов. За плечами командира Компании не менее двадцати пяти. Этот факт рождал мысли, приятные картины рисовались перед глазами офицера. Он мог бы прямо сейчас стремительной атакой выбить разбойников с укреплений и стать тем, кто принесёт победу. А это стоит очень многого.

«Успокойся», — подумал Лиро, вспоминая, что он всё же наёмник, и для него главное задача, а не награды за героизм, принесённый на костлявых руках павших солдат.

Пока они вместе с другим взводом оттягивали на себя внимание, началось контрольное наступление. Два взвода, под командованием самого капитана, отметив атаку обстрелом из подствольников засыпав остатки баррикад взрывными «иглами» ручных гранатомётов, пошли в бой. Около пятидесяти воинов разъярённым роем и наступая веером, щедро усыпая бандитов пулями разного калибра, ударили по обескураженному врагу. Всё больше и больше тел падали на землю, живые становились обгащённым или опалённым ковром мертвецов.

В это время лёгкая бронетехника Компании смогла обойти минные поля на юге, прорвалась через поредевшие оборонительные порядки на дороге и всей железной кавалерией зашла в тыл. Сдвоенные автопушки, турели, энергоорудия и зенитки выпустили настоящую бурю огня. Южная часть обороны, где наступал один из взводов, была просто сметена — куски бетона, фанеры и дерева разлетались салютом по всей округе, тела разрывало и обращало в алые брызги, плоть зажаривалась до корочки или становилось прахом. Люди не успевали даже вскрикнуть, прежде чем неумолимо настигала коса смерти.

На севере остались на позициях и в строю семь человек. Пулемёты заглохли, у их остовов валялось по два трупа, оросив сталь багрянцем. Это оказался шанс, за который Лиро решил ухватиться.

— В атаку! — приказал лейтенант, а сержанты передали его слово, подняв воинов.

Рекрут встал вместе с братьями и бросился на штурм. Впереди них полетели гранаты, аккуратно севшие в шрамированную землю. Взрывы накрыли практически мёртвый остаток противников, окончательно сломив боевой дух.

Трое грохнулись с воплями и криками, подкошенные отстреливающимся противником. Йозеф присел на колени, и дождал до конца предпоследний магазин. Двадцать пуль сумбурной россыпью шлёпнули по бандиту в мешковатых лохмотьях, уложив его навсегда. Штормовой огонь подавил оставшихся боевиков, заставив носом рыть землю. Давление со всех сторон оказалось таким сильным, что недруг всё же не выдержал, зацепившись за

последний шанс на жизнь:

— Мы сдаться! — услышал Йозеф, обрадовавшись в душе этому возгласу. — Пощадить нас! Хватить! Хватит!

Это был конец для укрепления. Звучали ещё выстрелы, но вскоре всё стихло. Рекрут лениво шевелил ногами. Он тяжело перепрыгнул через небольшое углубление, зайдя внутрь через «пробоину». Некогда зелёная полянка стала чёрной, изуродованной и превращённой в перепаханное месиво земли. Воронки от снарядов напомнили волдыри на обезображенном лице. До безумного артефакта тут стояли палатки, техника... теперь всё заполнено кусками стройматериала, фрагментов плавленной стали и разорванными трупами. Живот сводило с ума от запаха жаренного мяса. Всё это взбаламутило ум парнишки:

«Неужто мы люди способны только на разрушение?»

Тем временем главный офицер, держа трубку радиостанции, гордо докладывал:

— Господин майор, говорит капитан Кемирр, командир второй роты первого батальона. Опорный район к югу от Сирта занят нами.

— Потери!?

— Десять двухсотых, тринадцать трёхсотых, — холодно доложил капитан.

— Готовьтесь к обороне. Судя по данным разведки, к вам движется колонна боевиков.

Просто так всё не закончится.

«Ещё бы», — родил усталый ум юноши мысль, — «когда всё так просто заканчивалось бы?».

Глава 5. Кризис первого полка

Спустя час. Сирт

— Держись мой дорогой, держись! Ещё немного, и я вытащу твою мужественную задницу! — сквозь глухоту и головокружение приходили слова, отдававшие женственностью и решительностью.

Йозеф чувствовал, как его тащат, в ногах и руках всё отдавало дикой болью, конечностями невозможно и пошевелить от скручивающих плоть чувств. Он не мог поверить, что его за шиворот волокут по земле, как мешок с картошкой. Но всё же это происходило и ему пришлось смириться с этим.

Замедленная и приглушённая картина мира всё же позволяла понять, что идёт жестокий бой, сражение, которого не должно было возгореться. Однако это случилось.

«Как?» — звенел в уме один единственный вопрос с отзвуками стопятидесятимиллиметрового снаряда.

— Вот, — его затащили за укрытие, представленное осколком светлой стены, фигура перед ним закрепились на позиции. Длинный автомат выпустил очередь, затем ещё одну, окутавшись в лёгкую дымку.

— Что с ним!?! — упал рядом крупный бронзовокожий мужчина, неся «дубину» войны.

— Контузия! — крикнула девушка.

— Суки, ползвода положили! — кричал мужик, обмотанный «латунью», он прилёт возле и прилежно посылал очередь за очередью.

— Эх, фух, ох, — стал глубоко дышать парень в изодранной одежде, исцарапанном бронежилете, сдавливающим грудь и мешающим хватать воздух. — Фух, ох, о-о-ох.

— Эй, — тряхнул его пулемётчик, — не покидай нас. Йозеф, сука, держись!

— Ему просто нужно продышаться, — сказала девушка, меняя магазин и вновь целясь через стёкла оптического прицела.

На них волной движется не просто орда боевиков в виде волны плоти, брошенной на убой. Впереди громыхали лёгкие танки и бронетранспортёры, над которыми реяли жёлтые флаги с двумя перекрещёнными ятаганами. Они спокойно едут по широченному полю, направив орудия в сторону города. Их могучие пушки «ахнули», автопушки заревели, послав снаряды разного калибра. Среди домов сию секунду взвились высоченные столбы дыма, бетона и крови. Они методично вспарывали оборону, рвали её ошмётки, показывая, что даже фланговое сражение лёгким не будет, став достойным соперником для наёмников и морпехов под чёрными стягами.

— Бляди, — ругался мужик, когда его накрыло облако песка, — захерачить бы вас ракеткой.

— Что Румо, уже не такой мужественный! — усмехнулась девушка, осторожно выцеливая противников среди стальных колоссов, сметающих всех подряд.

— Союзники — никчёмные твари!

За ударным бронетанковым кулаком мельтешила многочисленная пехота, уверенно наступавшая за спинами металлических «собратьев». Обычные стрелки, пулемётчики, бронебойные команды, снайпера и расчёты тяжёлых орудий, в рваных лохмотьях, мешковатой одежде или форме наступали бурными толпами, уподобившись бушующему приливу.

«Ломовой таран» уверенно шёл вперёд, подминая любые очаги обороны, отделения миномётчиков не позволяли эффективно отстреливаться, а особые штурмовые группы врывались в траншеи и дома, зачищая их. Платив десятками жизней они готовы сделать всё, чтобы контрнаступление не на секунду не запылало.

— Как же мы, — стал приходить в себя Йозеф, держась за голову, которая истошно звенит, не давая сориентироваться, — как мы оказались в этой жопе?

— Благодаря ушлёпкам из первого полка! — крикнула девушка.

— Аэле-е-ет, — прохрипел юнец, стараясь в каждой секунде скоротечного бытия собраться, прийти в себя и стать полезным.

Из разбитого ума он выволочил воспоминания о последнем часе битвы. Они закрепились на укрепе, сформировали оборону и приготовились к встрече «гостей». Но кто мог знать, что в бой вступят не просто разрозненные группы боевиков, наступающие стеной плоти. Нет, на горизонте сначала появились силуэты крупной техники, целая лавина железа сокрушительным молотом рвалась вперёд, выпустив из жерл пушек бурю снарядов. Позиции защитников захлебнулись от огня, артиллерия противника — миномёты и эпохальные гаубицы хлопнули из всего, что есть, чтобы войска Султаната и наёмники ощутили весь ужас, всё кровавое безумие войны и поняли, что город просто так отдавать никто не собирается.

— Суки, сдохните! — кричал Румо, отправляя рой за роем, но большая часть пуль с «весёлым» трезвоном рикошетила о броню или вязла в песке.

— Йозеф, где твоё оружие? — спросила разведчица. — Где ты его просрал?

— В хламину, — ответил парнишка, потянувшись к поясу, где в кобуре пистолет с одной обоймой, — оно разлеталось к чёрту.

— Да выкинь эту пукалку, — фыркнул мужик, — сейчас ей ты можешь только застрелиться.

Юноша вернулся к воспоминаниям. Рота на самом передке первая встретила стальной прилив и свинцовый ливень, оказавшись на выступе. Горячая земля стала клокоцущем морем, вздымаясь и опускаясь, остатки баррикад и округлое здание по центру становились опалённой раскалённой пылью. Снаряды сыпались с такой скоростью и количеством, что взрывы слились в один протяжный вой.

Йозеф ощутил, что значит быть в паре мгновений от кровавой смерти. Его собратьев справа и слева рвало, превращало в безобразный фарш, мимолётные брызги, разлетающиеся по всей округе. Ещё раз он понял, что значит быть максимально ничтожным, ему в лицо дышала сама смерть, ласково гладила по голове скелетированной рукой, давая знать, что в любой момент нить его жизни может быть оборвана.

— Нужно ему что-то дать! — закричал Румо, прижав голову, когда в воздухе просвистели пули.

— У меня у самой только автомат и пистолет, — спряталась Аэлэт, когда по ней ударил вражеский пулемёт.

— Да, мы в жопе!

В душе Йозефа возникло чувство беспомощности. В его широко распахнутых от страха глазах Аэлэт и Румо казались теми, от кого зависит его жизнь, пара секунд существования и несколько глотков воздуха.

Чтобы как-то отвлечься, он вернулся к воспоминаниям. Конечно, те, кто всё ещё был в БТРах и технике, обложенной мешками и строительным мусором, укрытой в колоссальных

воронках, пытались отстреливаться. Системы ПТУР и энерготурели позволяли это делать, но противостоящая огневая мощь была колоссальна. За три танка была уплачена цена в две третьих всего парка роты, который остался разбитый или выжженный до состояния обгоревших металлических коробок.

Наёмники за первые десять минут лишились не то что большей части техники, остатки опорника стали обломками. В течение десяти минут контрнаступления, передовая рота была смята и на остатках машин спешно отошла. Теперь дело оказалось за солдатами Султанатами... и дело оказалось — дрянь.

— Отступаем! — девушка отошла от куска стены, когда танки приблизились опасно близко.

— И почему ты — из разведки, на передовой!? — поднялся Румо.

— Теперь мы все — обычная пехота! — крикнула Аэлет, в один прыжок она оказалась у Йозефа и хватанула его за шиворот, заставив подняться.

Группка побежала, что есть сил. За пятами вздымались столбики песка, разнёсся оглушительный рокот. Секундой позже вроде бы отличное укрытие исчезло в танковом огне, отправившись в высь дождём камней.

Они миновали почерневшую землю и перепаханный асфальт, пытаясь спасти души. У потемневше-бежевого прямоугольного здания их уже ждали солдаты на охранении у джипов.

— Давайте-давайте! — кричали воины, окаймляя целый парк техники, пригнанный для эвакуации.

Аэлет подтолкнула Йозефа и, запихнув его на сиденье, сама забралась. Рядом взгромоздился Румо, утерев пот со лба и тем самым размазав грязь по всему лицу.

— Скажи, что по ситуации? — спросила разведчица, поставив оружие на предохранитель.

— Мы отступаем в город! — вдавив газ до пола, крикнул водитель. — Из-за грёбаных союзников, мы понесли огромные потери.

Вскоре джип за джипом остатки батальона стали отступать и через пару минут целая вереница машин ехала по главной дороге, буквально спасаясь.

Юнец вспомнил, что морпехи выступили рассеянными группами, огневыми точками, усиленными гранатомётами, ПТУРами, сформировав линии обороны в двух километрах от города. Сирт довольно быстро перепал в руки султана и его войска тут не понесли существенных потерь — вражеские орды быстро ретировались из него. Теперь стало понятно, что всё это оказалось частью плана.

Первый полк морской пехоты, выставивший оборону, был моментально разбит. Огонь артиллерии, огонь бронемашин и точная наводка стали причиной кончины генерала со всем штабом, а дальше и без того рыхлая и наспех выстроенная оборона посыпалась, оголяя батальон. Танковые группы ударили с безумием и яростью, достойные обречённых. Опорники вспарывались совокупным огнём крупнокалиберных орудий, пятитысячная пехота без страха наступала и свинцовым наплывом заливала позиции. Против такой мощи полторы тысячи оказались не готовы выступить. Полк должен был стать тем, кто удержит Сирт, обеспечит фланговую безопасность, но превратился в фрагменты и разрозненные группировки. Отступившие из Сирта враги перегруппировались и перешли в атаку, сковав все маневры на правом фланге.

— Они же так драпали, что мне захотелось расстрелять их прямо в спины, — ругался Румо.

— Что ты хочешь, они всегда воевали против бандитов. А тут враг, некогда бывший... «братом».

Неумелое командование младших командиров, трусость и надежда на лёгкий бой привели к тому, что целые взвода и отделения дрогнули в первые минуты противостояния. Толпами морпехи побежали под защиту застройки, как только стало ясно, что тут они могут пасть. Батальон едва-едва не оказался в клещах, а потом и окружении, и чтобы его остатки могли эвакуироваться, на помощь и сдерживание рукавов охвата отправилась рота разведки.

— Спасибо вам, Аэлет, — покачал головой Йозеф, подставив лицо освежающему ветру; рекрут убрал пистолет, в его глазах мелькающая застройка стала одной размытой линией.

— Тише, наёмник блин, — она осторожно поправила исцарапанный и местами измятый бронежилет, — всего ничего, а в такой заднице оказался. Если выживем, тебе точно солдата дадут! Недаром ты чуть не помер в той яме.

В этом месте Йозефа и накрыло. Они постоянно отступали, закрепляясь на новых местах, пытаясь хоть как-то остановить таранный удар, и снова уходили. Теперь весь первый батальон стал ядром обороны, попытавшись сдержать контрнаступление в области района Великого базара, расположенного к югу от города «на руинах» конференц-зала. Но наплыв танков, бесстрашная пехота и исключительное мастерство артиллеристов снова заставило их бежать. И при попытке отойти вместе с остатками взвода, Йозеф чуть не был убит крайне точным попаданием снаряда, благо взвод разведки оказался близко вместе с его знакомой.

— Аэлет, а Аэлет, — с искажённым от сарказма голосом заговорил Румо, — когда нашего парнишку накрыло, я думал, сам вытащу мальчика. Но ты не пожалела своей прекрасной попки ради него. К чему это?

— Пока бы ты, настоящий мужик, добежал до него с этой дурой, какой-нибудь снайпер прихлопнул бы мальчика, как муху.

— Не обижай «Ирину»! — мужик нежно погладил пулемёт. — Она не хотела тебя обидеть.

— Ты дал оружию имя?!

Джип замедлялся. Он въехал на перекрёсток дорог внутри города, остановившись у невысокого светлого здания прямоугольной формы, лишённого всякого архитектурного изыска. Вокруг куча построек — низких, приземистых, какие-то «площадки» у дороги заполнены палатками или труппобными порослями. Какие-то строения посыпались и разрушились со временем, другие попали под артиллерийский замес.

— Где мы? — спросил Румо, водрузив «Ирину» на плечо, всматриваясь на сухой городской пейзаж, песчаной расцветки утопающий в солнечных лучах. — Что-то не похоже на окарины.

— На месте оперативной точки «Альфа», — ответила Аэлет.

— Это же практически в центре города.

— А как же район «альшаебиа»? — спросил Йозеф. — Или целый квартал на севере города перейдёт врагу?

— Судя по всему так, — Аэлет подняла руку и хотела показать жест, но зашипевшая рация заставила схватить её.

— «Роза», говорит «астра», — донеслось сквозь треск. — Мы закрепились в условленной точке. «Ворон» всех собирает.

— Хорошо, «астра», приняла, — сказала девушка, кратко кивнув парня в знак прощания... кто знает, быть может это последний раз, когда они видятся.

Юноша посмотрел ей в спину, ощущая себя практически осиротевшим. Странное чувство, особенно в разгар боя и тем более для наёмника.

— Не смотри на её сладкую задницу, — дёрнул пулемётчик паренька. — Поверь, много желающих на неё.

— Ох, — покачал головой юнец.

— Да прям как не мужик.

Йозеф осмотрелся. Всё больше и больше джипов прибывает, принося остатки батальона — народ выгружается, собирается в подразделения, солдаты ищут капралов, те сержантов, а те лейтенантов. Ни о каком прикрытии артиллерийского батальона не может быть и речи — снарядов практически не осталось.

«Проклятье», — возникла мысль у рекрута, когда он увидел, как много тел выносят «собратья». Наймиты заплатили дорогую цену, чтобы хоть на немного удержать противника.

— Капрал! — крик сержанта прорезался сквозь общий шум, создаваемый пальбой, техникой и агонией умирающих. — Капрал, сука!

— Сержант, — обрадовался Румо, смотря на то, как к ним движется мужик в стемневшей от грязи и крови форме. — Я думал, ты уже откинулся.

— Скорее небо грохнется тебе на пустую башку, нежели я помру, — перекинул почерневшую энерговинтовку сержант.

— Что по обстановке?

— В жопе мы полнейшей! — крикнул Дьяко, две руки обхватили шлем и потянули его. — Сколько ребят положили, не сосчитать.

— Где долбанные танки!?! Где святоши из Первого братства?

— Забей на святош, — мужчина проверил шлем, почистил его и вновь одел, — а танки стоят в тылах. Полковник не хотел их кидать в самый огонь.

— Ублюдок, грёбаный ублюдок! — зарычал Румо. — Сука, столько пацанов лежать осталось из-за этого...! — матерная брань заглушилась прилетевшим снарядом, заставившим сгорбиться всех в округе.

— А где твои «инструменты»? — спросил командир у своего подчинённого. — Или ты голыми руками воевать собрался?

— В хлам, — фыркнул Йозеф. — Кроме пистолета ничего не осталось.

— Румо, вооружи парня у начштаба. Лейтёха ещё не откинулся, так может чем подсобит. Я не хочу, чтобы и он сдох, как собака стрелянная.

— Хорошо, шеф. Что мы делаем дальше? Не бежать же отсюда.

— Пока что закрепляемся тут. Наша задача, — сержант осмотрелся по сторонам, с печалью продолжив, — задача того, что осталось от бата, удерживать этот перекрёсток. Пока никчёмьши перегруппируются, а враг подходит к нам, мы успеем закрепиться.

Оборона теперь представлена длинной линией, преходящей длиннющей побелевшей чертой через весь город дорогой. За ней, в охровых осыпавшихся зданиях, за насыпях, в укреплениях и быстро собранных огневых точках, собираются те куски армии, которые сумели пережить столь быстрое жестокое наступление. Техника — джипы, БТРы и БМП отходили на защищённые позиции, на места эвакуации, дабы стать крыльями спасения в нужный момент и унести личный состав от неминуемой гибели. На крышах и высотках теперь расположились «глаза» этой войны — снайпера, наблюдатели и наводчики. Немногочисленные миномётные батареи пытались поглубже засесть среди жилой застройки, чтобы их не накрыло слишком быстро. ПТУРЫ и противотанковые орудия

гнездились поудобнее, дабы сжечь как можно больше вражеских «исполинов» войны.

Морпехи Султаната если и были в чём-то искусны, то в способности быстро перемещаться и печально, что эту способность они использовали для оперативно-тактического бегства. Сейчас же они довольно скоро оказались на нужных местах, с оружием и боеприпасами. И можно было только надеяться, что в этот раз они не побегут прочь, и не оголят фланги «Чёрных мечей».

Йозеф засел в укрытии, представленном мешками с песком у стены бывшего офиса, судя по всему. В руках он сжимал старую винтовку с большим оптическим прицелом и магазином на десять патронов. Его успокаивало то, что она самозарядная. Погладив деревянное исцарапанное и лакированное цевьё, он направил её вперед, чувствуя остаточную прохладу бетона. Отсюда открывался прекрасный обзор на поле грядущего боя, видна была и главная дорога, и все подступы к ней. Ураганный кинжальный огонь заставит противника дорого заплатить при любой попытке наступать силами пехоты, а противотанковые орудия станут роком для «бронированного клинка».

Отсюда же и прекрасно наблюдается за своими. Тут собрался практически весь батальон, его осколки — выжившие солдаты и сержанты приготовились обороняться. Сквозь перекрестие прицела Йозеф видел и своего лейтенанта, болтающего с капитаном. Оружие командира роты почернело в области дула от использования, бронежилет приставлен помятой исцарапанной пластиной, а опоры экзоскелета местами потемнели и деформировались. Так же и с экипировкой других офицеров — они облачены в рваную форму, у кого-то разваливающиеся берцы перемотаны леской или ниткой, а тело блестит свежей кровью, красуется бинтами и пластырями.

— Как думаешь, Румо, мы сегодня выживем? — спросил юнец, потеряв стекляшку прицела на СВД. — И сколько нас осталось?

— Из отделения я видел семерых, — подсоединяя последнюю ленту, ответил мужик, — а так же чуть не обосрался, когда лейтёху из соседней роты накрыло прилётом. Всё что осталось от бедолаги, можно собрать в коробок. Много таких — арта жизнью забрала немерено.

— Нас хорошо отделали, — согласился рекрут, посматривая на морпехов, закладывающих мины под куски асфальта. — Как же мы восстановимся после всего этого дерьма?

— Не в первый раз, юнец. Пару лет назад на Корсике мы знатно обосрались, потеряли ребят дохрена, но сука задачу выполнили.

— Расскажешь, что там было? Пока есть время.

— Да нечего рассказывать. Высадился наш бат, нас наняли разорить пиратское логово. Но морские волки нас подстерегли. Оказывается, морячки хорошо и на суше могут задницу надрать.

— Так что же случилось?

— Засада! — крикнул Румо, разведя руками. — Твари нас подстерегли и ударили, что было сил. Около половины бата тогда выжило.

Парнишка кивнул, продолжив смотреть на поле грядущего боя, анализировать его. Первый батальон достаточно укрепился, офицеры заняли позиции рядом со своими ротами и взводами. Лёгкая тишина разлилась по городу в напряжённом ожидании кровопролития.

— О, смотри! — Румо чуть ли не вывихнул плечо пулемётчик парню, дернув того. — Кто притопал!

На перекрестии дорог явился высокий мужчина. Зализанные назад волосы окрасило в благородное серебро седина. Иссушённое, отмеченное печатью ранней старости, лицо навеивало образ гордости и статности. Тело покрывал светло-нефритовый китель, сапоги до колен закрывали брюки, а на золотом поясе качалась сверкающая сабля. Багрово-красные манжеты украшены золотистыми узорами, на груди же блестит четырёхконечной звездой, красивым амулетом, генератор силового поля, способный остановить снаряд.

— Полковник Неро, — глубоко вздохнув, узнал его Йозеф. — Командир вооружённых сил Компании, самая почётная гнида!

Всё же другая мысль яркой лентой пульсировала в подсознании. И он решил её озвучить, заёрзав и пытаясь получше загнестись в укрытии:

— Скажи, Румо, почему ты спросил у Аэлет про спасение?

— Знаешь, мне как мужику было обидно, что именно возле тебя эта девучка крутится. Пара других мужиков, да и я сам, когда жопу рвали, чтобы попасть в Компанию, не получили от неё и крохи помощи. А твой рапорт она прямо начштабу кинула, — Румо поёрзал. — Несправедливо, знаешь ли.

— Это просто дружеский шаг.

— Думай как хочешь. Ладно, — махнул рукой пулемётчик, упершись плечом в приклад и возрев на поле боя. — Давай готовиться к битве. Чую задницей, что мы ещё достаточно сегодня дерьма намесим.

Вместо наступления, вместо тотального уничтожения и сумасшедшего гаубичного огня, над полем боя воцарилась абсолютная тишина. Все смотрели на улочки и переходы, на главное шоссе в ожидании солдат, танков и техники. Вслушивались в небо, ожидая прилёта, но ничего не происходило.

— Ну же, — прошептал Йозеф, потеряв запотевшие ладони, будто бы призывая вселенную хоть что-нибудь начать.

Но мир неумолим — полнейшая абсолютная тишина казалась страшнее, чем ужасное сражение, хотя всё должно быть наоборот. Парень раз за разом всматривался в прицел, сквозь перекрестие исследуя серо-бежевые дали, в ожидании целей.

И так было около пяти минут, до тех пор, пока на горизонте не показалось полотно золотистого флага, над которым реяло знамя бело-голубого цвета... знак переговоров в этих краях.

— Что за х..., - выругался Румо, — они что, хотят пообщаться?

— Видимо.

Далее стало ещё интереснее — к полковнику присоединился темнокожий мужчина, обмундированный в золотистую маскировочную свободную форму, на голову натянут красный берет, а пояс утянут простым кожным ремнём. Единственное, что не отдавало жёлтым, так это чёрная липучка-нашивка на правом плече с белым ятаганом. Командующий морпехов с вызовом взирал вперёд, ожидая грядущего.

— Не стрелять! — разнёсся приказ по радиации, командирами передавался из уст в уши солдат, и весь батальон, а потом и полк оказались скованы словами указаний.

Реалии войны и прагматизм стали диктовать свои условия, которые способны изменить ход сегодняшнего дня на сто восемьдесят градусов. Напротив старших офицеров оказалась делегация, погружённая в старый джип с открытым верхом. Эпохальная машина тархтела и пыхтела, звенела металлоломом и тряслась отравленными ржавчиной стальными деталями. А с капота возвышался тот самый флаг. Помимо водителя и двух охранников с

энергокарабинами, высилась фигура высокого мужчины арабской внешности. Его одежда — это красный кафтан с золотыми погонами, синие штопанные брюки и короткие сапоги. Он препоясан коротким прямым клинком и револьвером.

— Вот зараза, мы действительно будем вести переговоры, — прошептал Йозеф.

Машина остановилась, дверь открылась и командующий орд противников, уверенно шагнул на выцветший асфальт. Он горделивой походкой направился к Неро и командиру морпехов, ловя гневливые взгляды окружающих. Он остановился в паре метров от предводителей своих недругов. Пара секунд натуженного переглядывания закончились крепким приветствием:

— Линейный генерал Зафар аль Бакир, предводитель третьей великой армии и князь-шейх Гарьяна.

— Полковник Компании Неро Канте, — чуть поклонился мужчина в нефрите, — командующий войсками Компании.

Пришёл миг «вождя» морпехов:

— Младший генерал Музаффар, врио командующего первого полка морской пехоты, и князь Сирта.

После приветствий пришло время говорить и вести переговоры. Всякая стрельба или иные разговоры не смели заголосить, лишь ветер тихо шептал и возвещал о грядущем покое.

— Ми рад приветствовать тебя, славный воин! — лукаво и счастливо начал Зафар. — И прийти с вами говорить о мире. Отступись Неро, не дай твоим воинам умереть, отступись. Тоже говорю и тебе, о благородный муж Сирта. Или уходи, иль же присягни на верность к Справедливому султанату аль-Адиля, брату того шакала, которому ты служишь.

— Не могу, — фыркнул младший генерал, — наша честь не продаётся так дёшево. Ты предал Триполитанию, и мы не пойдём за тобой.

— Мы выполняем условия договора. Нас нанял брат вашего главнокомандующего, султан Триполи и мы останемся верны букве договора, — стоит на своём Неро, став осторожно лавировать, — такова переменчивая воля учредителей, которая тем не менее при нынешних условиях говорит делать так, как мы делаем сейчас.

— Я вас понимаю, мессир полковник и чту вашу честь. Но зачем вам умирать за него? — развёл руками Зафар. — Посмотрите на ваших солдат. Они изнеможены. Они хотят домой. Зачем вам гибнуть за тирана, урода, который мучать людей, грабит население и устраивает резню потехи ради. Аль-Адиль поднял нас ради справедливости.

— Ты и твой повелитель расколол страну, — фыркнул Музаффар. — Джума ибн аль Асаф из благородного рода, только он может править. А его брат-бастард лишь возмутил народные массы ради собственной власти.

— Уважаемый генерал, — качнул головой Неро, — ещё раз говорю — пока что ваши слова неубедительны, чтобы мы отступили.

— Будьте осторожны в речах, благородные мужи, — предупредил Зафар, — под вашими руками лишь потрёпанные силы. У меня под командованием ещё пять тысяч человек, артиллерия и танки.

— Мы занимаем более выгодные позиции, — напыщенно заявил морпех, сложив руки за спиной, — ваше наступление захлебнётся. А против мирного населения вы артиллерию не примените же. Иначе сиртяне от вас отвернутся.

— Скажите, — осторожно начал Неро, — что вас ведёт в бой? Есть же и иные причины, помимо благородства?

— Мессир, ви сами прекрасно знаешь, почему мы сейчас воюем, — линейный генерал сложил руки на груди, щёки окрасились в багрянец, — он и его псы отбирал у людей нажитое. Прихвостни насильничали. Моих солдат перебили за то, что они заступиться за население.

Иронично, но так называемые «злые бандиты» оказались обычными людьми, которые взяли за оружие из-за отчаяния. Перипетии политики вновь привели Йозефа к тому, что он сражается за тиранов и угнетателей и против деятелей справедливости. Это вызвало чувство странной горечи в душе.

Переговоры могли зайти в тупик, но в арсенале у эмиссара мятежников есть ещё один инструмент:

— Я понял, вам нужно что-то более серьёзное и вы люди серьёзные, — Зафар обернулся и махнул рукой.

Тут же двое помощников скрипнули дверью, и вышли с большим чемоданом и раскладным столиком. Мебель разложена, ящик грохнулся о деревянную поверхность, вызвав всеобщее напряжение. Снайперы наставили винтовки, предчувствуя возможную бомбу. Зафар встал у контейнера, с напряжённым лицом набирая код. Когда раздался громкий щелчок, и крышка отворилась, все увидели, что это куда лучше, чем взрывчатка, привлекательней и приятней душе многих иных вещей в этом подлунном мире. Сотни глаз уставились на маняще сияющие слитки металла, на солнце они сверкали настолько, что снайперам пришлось жмуриться, а многие едва не потеряли дар речи от одних только мыслей на что можно потратить эти богатства.

— Бери золото, — пальцы провели по желтоватым слиткам, — спасите своих людей. Скажите, зачем вам и вашим солдатам умирать, когда они могут разбогатеть? — Зафар минорно продолжил, недвусмысленно давая знать исход сего дня. — Или тотальное разрушение с пеплом на языке, горечью смертей и гибелью многих. Или золото, деньги для воинов и мирное существование.

Это оказалось переломным ходом переговоров. Никто не хочет продолжать гибельный бой, а сомнения в глазах морпеха, которые засияли с силой драгоценного металла, были замечены командиром мятежников. Тот стал методично давить на них, сменив голос на ещё более мягкий и бархатный:

— А ты, младший генерал, останешься князем Сирта, продолжишь командовать, но уже под другим флагом. И золото, тебе оно тоже причитается!

— Что ж, от учредителей я уполномочен, в случае предложения более выгодных условий и при угрозе потери боевой группы, принять решение, выгодное для Компании.

— В таком случае, — замежевался младший генерал, — первый полк морской пехоты встанет на сторону справедливости.

Истинным кризисом первого полка стало не поражение, а золото, деньги и возможность встретить утро во плоти. Мало кто хочет сейчас умирать за алчные цели больного идиота из Триполи, многие люди не хотят класть жизни ради игрищ феодальных политиков, жаждущих лишь удовлетворения собственных похотей и жажды власти.

— Говорит младший генерал Музаффар, — речь запнулась, по лицу пробежали капельки холодного пота, надутые губы зашевелились, а голос дико дрожал. — Всем подразделениям под моим командованием. — Мы переходим на сторону Справедливого султаната. Меняйте нашивки.

Это был конец битвы. Йозеф видел сквозь перекрестие прицела, как воины морской

пехоты цеплялись за чёрные шевроны и срывали их, тут же на плечи вешая золото мятежного движения, осторожно вынутое из карманов. При этом прошлые нашивки не выкидывались, а аккуратно убирались. Кто знает, куда подуют изменчивые ветра политики на руинах цивилизации.

Верные султану войска дрогнули, началось тотальное брожение. Не все солдаты готовы были сменить верховного господина. Целые отделения дрогнули, бросили оружие. До ушей донеслась брань и крики, выстрелы обозначили морпехов, которые не желали переходить на иную сторону. Что ж, их заблокируют собственные же собратья и если те не сдадутся, верных Триполи просто перебьют.

Но не всё так просто, как подумал рекрут. Он уже поспешил расслабиться, как его подругу настигло последствие кризиса первого полка:

— Говорит лейтенант Аэлет! — разнеслось по всем каналам. — Что за..., - брань перебила звонкая автоматная очередь, — творится? На нас напали союзники! Нас окружают!

— Кто-нибудь, вытащите разведку! — раздалось по всем каналам. — Любое подразделение! Не дайте им сгинуть.

Разве мог себя сдержать Йозеф? Ноги будто бы сами сорвались с места, влекомые страстным порывом сердца. Он чуть не растоптал пулемётчика, выбил дверь и сиганул в сторону леса зданий и трущоб.

— Стой, дебил! — рванул за мальчиком Румо.

Йозеф не слышал своего друга и тем более призывов остальных. За ним быстро увязалось человек двадцать из разных взводов.

Италиец примерно помнил, где должно было оказаться её подразделение и по мере приближения к району мечети аль-Имана стрельба становилась всё интенсивнее. Быстро преодолев триста метров, он свернул в одну из второстепенных дорог. Вокруг него дома стали серо-бежевой стеной, усталость скручивала все мышцы, боль ныла в ногах и спине, но паренёк держал себя, сжав до боли зубы.

Юнец ворвался в битву с шквальной стрельбы, насколько это возможно со снайперской винтовкой. Увидев в прицеле морпеха, он обратил оружие против бывшего союзника. Простреленные ноги того подкосились, пара других солдат обернулась, но даже не успели курка нажать. Румо залил их свинцовой волной, а рекрут рванул дальше, отстреливая ливийцев.

Аэлет с небольшим отрядом закрепилась подле одного из двухэтажных зданий у выцветшей асфальтовой дороги. Впереди проглядывались руины мечети, лишённой одной стены и облепленной платковым «городком». На них с трёх сторон вели наступление отделения морпехов, накрывающие наёмников из пулемётов, автоматов и гранатомётов. Всюду свистели пули, тут и там вздымались фонтаны грязи от оглушительных разрывов гранат.

— Не стрелять! — закричал парень. — Это свои!

Йозеф, а затем и весь пришедший отряд, быстро нашёл укрытие за зданием. Вокруг него в песчаной форме воины с добротными автоматами. Они были загнаны в угол, прижаты обезумевшими ливийцами.

— Вот зараза, — сквозь «песнь» битвы прорезался приятный женский голос, а юнец улыбнулся, увидев знакомое прекрасное лицо. — И как ты нам предлагаешь спастись, мой милый друг?

Но тут же он ужаснулся, увидев ногу девушки, перемотанную выше колена. Её щеку к

тому же расчертила кровавая ссадина, осквернившая красоту лица с мазками грязи.

— Отходите! — махнул рукой рекрут, загоня в винтовку новый магазин. — Мы расчислили северное направление и прикроем.

Морпехи едва не впали в отчаяние от одной возможности не покарать предателей и пошли на крайний шаг. С юга, звеня деталями и едва не разваливаясь, подлетела единственная сила, способная изменить положение. Джип с тяжёлым энергоёмом прогромыхал, завизжал шинами и, заняв удобное положение, открыл огонь. Сверхаскалённые лучи рассекли улицу, затопив всё нестерпимым и смертоносным светом. Стена быстро стала чёрная, воздух наполнился смрадом жаренного — солдат, которому угодил луч в ногу, заорал от боли, когда его конечность стала пылью и кусками жаркого.

— Ну что Йозеф, — Румо опустил опустевший пулемёт, — теперь «спасательной команде» нужны спасатели.

Бой бы мог продлиться очень долго — пара взводов из морской пехоты отлично окопалась в домах и не собиралась брататься с мятежниками, а техника не даст и шагу сделать из укрытия. Казалось, это был тупик.

На поле битвы появились новые «игроки». С западной улицы ворвалось пятеро воинов, которые моментально переломили ход противостояния. Джип, дорогая ударная техника, вспыхнул как спичка и разлетелся звонким дождём металлолома, когда в него ударил снаряд. Несколько солдат морской пехоты в один миг лишились ног от штормовой очереди из тяжёлого пулемёта. Ещё трое потеряли конечности... от длинных и широких клинков, окутанных синеватыми всполохами энергии.

Высокие воины, облачённые в изумительные технолаты и облачённые в сюрко царственного пурпура с белоснежными крестами, стали полнейшей неожиданностью. Один, несущий крупное вытянутое орудие, вновь облил морпехов, из шквала крупных пуль и нет спасения тем, кто был в зданиях. Вторые этажи разлетелись щебнем и камнем, целые куски вырывались с фонтаном плоти и кровавой дымкой.

— Рыцари Мальты! — опознали их наёмники.

Морпехи пытались уничтожить мальтийцев, но пули только бессильно рикошетили о доспехи, а мечники с непререкаемым упорством сражались, осияв себя электроусилиением мечей подобно устрашающей ауре. Они врывались за углы и клинками заставляли заткнуться бывших соратников. За минуту битвы три человека смогли сотворить кровавую просеку во вражеском «строе». Количество потерь стало катастрофичным, улицы побагровели, выстрелось всё меньше и меньше, теперь ухо болело от криков и стонов агонии.

— Бой окончен! — возвестил высокий рыцарь, подняв руку в знак мира... продолжать сражение нет никакого резона, морпехов только перебыют и посему те вынуждены согласиться с таким положением и дел и отступить.

Пришествие этих мастеров войны вызывало множественные вопросы, но рекрут отложил ответы на потом — его цель не они. Йозеф выдохнул, убрал винтовку и подошёл к лежащей девушке. В её уставших глазах он увидел странный блеск, радость, которую невозможно передать словами. Он протянул ей ладонь, и она ретиво ухватилась за неё.

— Мой защитник, — улыбнулась Аэлет, прихрамывая.

— Пошли, — «подхватил» её Йозеф, она полностью легла на его плечо, ему осталось только прижать её за талию, перекинуть руку за горбом и помочь идти.

Глава 6. «Братья белого креста»

Спустя два дня. Мальта. Комино

Казалось, что эта земля иная, сошедшая со страниц книги о фантастике или же пришедшая из иного мира, лишённого буйств войн и бесконечных противостояний. Не было тут места ни тревогам, ни страхам, ни воспоминаниям о недавно грядущем сражении. Лишь покой, который содержится в каждом образе здешних мест, в каждом вздохе чистого воздуха, в каждом приглушённом звуке. Шум ветра вместе с шуршанием ласкающего прибоя ласкал уставший слух, изнеможённая душа наслаждалась видом рассвета.

Йозеф взирал с крепостной башни, опустошённый взгляд устремлялся далеко на восток. Там зиял свет зари, словно возвещая начало новой эпохи, нового мира, который должен возродить погибающую цивилизацию. Там, за горизонтом, восходило прекрасное светило, небеса вокруг него становились розовыми, в цвет царственного пурпура. Немногочисленные облака окаймляли солнце, выкрашиваясь в драгоценное золото, в металл королей, богатства и власти. Но всё же большая часть небесной тверди оставалась облачённой в фиолетово-синюю мантию прохладной ночи, а за спиной всё ещё горят благородным серебром звёзды.

Пальцы, руки, шея и лицо ощущали нежность восточного ветра, успокаивая разум. Одежда — багровая кофта с белоснежным крестом и подвёрнутыми рукавами, да штаны с сапогами, давали ему ощутить порывы воздуха. Ему казалось, что его гладит любимая девушка, каждый порыв подобен движению руки и прикосновению к нежной женской коже. Он смотрел на великую звезду, её тёплые отблески нашли отражение в ледяной голубизне очей, а ум плёл удивительные мысли:

«Зачем мы живём? Что нас делает людьми? Кто есть человек в этом мире? Мы существуем сотни тысячелетий, но так и не нашли своего места в этом мире. Во имя религий и ложных богов, ради сумасбродных идей и бесчеловечных идеологий, ради нации или расы, во имя золота или земель, а порой и из чистой ненависти и неприязни мы губим себя в бесчисленных войнах. Разве единственно разумный вид достоин того, чтобы уничтожать друг друга? Ха, странные мысли для наёмника!»

Глаза всматривалась в бесконечный тёмно-голубой покров, устлавший всё вокруг. Древнее море с неутолимой жадностью поглотило бесчисленное количество судов, городов и мелких островков, оно как старый сказитель хранит вереницу тайн и секретов, уходящую в такую глубину времён, где молодое человечество походило на племена враждующих дикарей. Но с тех времён мало что изменилось, лишь внешний облик и инструменты достижения целей стали иными.

«А может быть», — скорбь тронула его сердце. — «Людам и не дано понять, не дано осознать всё величие собственного вида? Быть может, человеку и не суждено стать чем-то большим, нежели агрессивным полуживотным, которое уничтожает всё и вся, пытается полностью заполнить собой представленный мир. Прямо как вирус... иронично, но простейшая жизнь чем-то схожа со сложнейшей формой бытия, с царём сего видимого мира».

Он ощутил себя невообразимо одиноким, странный экзистенциальный ужас и холод, который не могло отогнать восходящее солнце. Бессмысленность существования забиралась в душу червём, съедала остатки надежды на изменения. Но усилием воли он смог вспомнить, что не всё потеряно для сего сынов человеческих, ибо поймо воинствующих орд,

религиозных фанатиков есть те, кто действительно может всё повернуть к лучшему, и чья душа не отравлена скверной жажды насилия.

«Быть может, такие люди, Шьяни, смогли бы изменить что-то? Её мысли и идеи явно превосходят военный угар, который хуже всякого наркотика. Странно, но кажется, что они не для этого жестокого варварского мира. Она слишком... иная, лишённая пьянящей кровавой отравы, злобы и ненависти, присущих проклятому человечеству».

Монолог был прерван басом:

— Йозеф Ди'Андорр, — за спиной оказался высокий грубого вида мужчина с чёрной копной волос, его облачение говорило о принадлежности к древнему Ордену, переродившемуся несколько раз и ставшему только сильнее спустя столетия битвы за существования, — вас ищет Великий магистр Иезекииль Искандер.

— Да, хорошо... как вас?

— Брат Иоанн, — представился человек в тёмно-алом табарде, накинутом поверх кофты и брюк, — секретарь-оруженосец.

— Хорошо, брат Иоанн, веди меня.

— И это, — осторожно взявшись за бронзовую ручку двери, замежевался мальтиец, — вас искала некая девушка, Аэлет вроде.

Рекрут лишь кивнул. Вместе они двинулись вглубь великолепной крепости, грандиозной цитадели, которая стала оплотом для перекованного Мальтийского ордена, ставшего уникальной силой, находкой среди бушующего кризиса. Блюстители древних знаний и заветов безраздельно правят островами, выстроив свой оплот на Комино, сделав его домом молитвы, базой для боевых братьев и хранилищем неисчислимых знаний и самой большой оружейной.

Холодный камень вместе с медью, железом, пластиком, бетоном и кирпичом складывался в неповторимый архитектурный ансамбль, говоривший языком пламенной религии и светом веры. Высоченные шпили, прорезающие небеса, повторяли образы эпохальных соборов, готические витражные окна парадировали древность, колоссальные постройки, украшенные зловещей лепниной, передающей образы ангелов, горгулий, скелетов и грозных священников, вмещали в себя алтари, часовни, обители братьев, библиотеки, мастерские, склады, хранилища, оружейные и многое другое, обеспечившее живучесть, власть и могущество ионитов.

Йозеф быстро спускался по ступеням, его кожу пощипывал противный холодок, на рассудок давили железные грубые светильники, разгоняющие мрак в узких тесных переходах тусклым электрическим светом. На вытянутой деснице несёт фонарь и Иоанн, показывая себе дорогу. Тёплый блеклый свет являет из густого мрака скелетированные руки, держащие себе дорожку «факелов», мрачные ангелы, крепко сжимающие лампы. Юноша содрогнулся, вспомнив, что большая часть внутреннего антуража полна дремучей угрюмости, ожидания смерти и презрения к жизни. Но с другой стороны именно это место стало искоркой нормального существования, пламя минувшего бытия всё ещё хранится братьями, оберегается умом и клинком.

Они быстро миновали несколько переходов, прошли через огромную залу, которая ушла в резкий контраст по сравнению с тесным проходом. Тут рекрут ступил на полированный чёрно-белый мозаичный пол, выложенный мраморными плитами, по широте смахивающий на равнинную поляну. Под потолком простёрлась вереница знамён и хоругвей, на которых сияли кресты, иконографические лики и цитаты из Книги книг. По краям, у стен, высилась

чреда больших ступеней из обелённого камня и застеленного пунцовым бархатом.

Несколько мальтийцев в чёрных подрясниках и со швабрами наперевес вымывали полы, а подле них, визжа и жужжа, помогали роботы-пылесосы. Несколько других закладывали капли ладана и благовоний в небольшие, мерцающие золотыми точками, камины. Глаза так же нашли и громадную статую рыцаря в полных латах, обхватившего двуручный меч и вонзившего его в землю острием. Гранит и краска показывали чудесного воителя, хранителя сих мест.

Прежде чем Йозеф вновь нырнул во тьму перехода, до него дошло, что это не просто зала, но место собраний и выступлений мальтийцев.

Далее пройдя по столь тёмным и пугающим коридорам, юнец оказался у дощаной двери, окованной железой и украшенной изумительной резьбой — её покрыла паутина растительного орнамента. Секретарь-оруженосец постучался, и когда с другой стороны громким голосом последовало разрешение, он отворил её и прошёл.

Йозеф был сильно удивлён увиденному. Если обитель Первого братства отдавала осколками былой роскоши, то серая комната Великого магистра веяла отличным духом монашеской кельи. Рекрут тут видел лишь простенький стол для работы с компьютером и парой листов на нём, два дубовых мощных шкафа с книгами, сундук для вещей и жёсткую кровать.

— Господин Великий магистр, — преклонив голову, говорил оруженосец высокому мужчине, который в качестве одеяний выбрал серый подрясник и рясу того же цвета, — я привёл его.

— Ступай, — махнул парень, чей длинный светлый волос убран в хвост, — возвращайся к невоенным обязанностям.

Единственный элемент роскоши это разве что тёмный пол, выложенный крупными плитами мрамора. Йозеф вспомнил особенность сынов Мальты — большинство братьев и сестёр занимают две должности — военную и гражданскую.

— Зачем вы меня звали, господин Великий магистр? — спросил юнец. — Я ведь всего лишь гость на острове и не могу для вас представлять никакого интереса.

— Ошибаешься, — мужчина присел на деревянное кресло и сцепил ладони, — боевые братья, участвующие в операции у Сирта, рассказывали, как ты готов был пожертвовать собой ради боевого товарища. Такие люди нам нужны — готовность жертвы это важное качество брата Ордена, как и для человека.

— Господин, едва ли наёмник станет отличным воином в ваших рядах, — стал плавно отнекиваться рекрут, вспоминая о радушии мальтийцев, — к тому же я не разделяю ваших верований и убеждений.

— Да, — Иезекииль поднял лицо и юнца изумил пронзительный взгляд светлых очей, — ты в этом прав. Но думаю, наша вера возгорится в твоём сердце.

— Меня уже ничего не привлекает, — минорно произнёс Йозеф, покачивая головой, — ни техноязычество или культы древности, ни коммуны удовольствий или либрийское бесстрашие[1]... ничего.

— Поэтому я и говорю с тобой. Твоя жертвенность ради другого могла бы послужить более великому делу, нежели просто заработку денег. В рядах нашего Ордена ты сможешь найти себя, как человека.

— Боюсь, что я не верю в идеологии, не верю в организации и сотни норм, от которых люди порой ждут праведности или истины, — покачав головой, он посмотрел на книги,

которые шептали сказочными историями древности. — Они не несут ничего светлого, как говорит жизнь.

— Ты очень умный человек. Истинная святость, она в сердце, — указал на грудь воин-монах. — Всякое изменение в душе, которое потом находит отклик в мире, начинается с твоего собственного сердца. Измени себя и вокруг тебя изменится мир. И Йозеф, мы, братья Мальты, стремимся изменить мир, изменить сердце человеческое.

— Почему вы тогда участвовали в операции Сирта не на стороне мятежников? — вопросивший вспомнил, что рыцари практически не участвовали в битве, став охранниками для конвоев и позаботившись о союзниках санитарными командами.

— Именно мы связались с ними и предложили переговоры в том миг, когда это необходимо было. На этом участке фронта и на нескольких других нам удалось бескровно завершить конфликт... когда вы поняли, что не сможете выиграть, а повстанцам стало страшно нести потери.

— Какой, — замешкался тарантиец, — продуманный шаг. Но кто знает, что будет завтра? — недвусмысленно завершил италиец.

— Я тебе предлагаю шанс на изменение, на новое сердце и хоть на кроху лучшего мира. Мы не можем знать, что произойдёт завтра или послезавтра. Короли и сеньоры требуют покорности, иерархи послушания. Но запомни — каждый сам отвечает за свою душу и даст за неё ответ.

— Кто вы? — на этот без ропота спросил юноша. — Помимо военных и мастеров войны.

— Мы — не просто хранители древних истин, знаний. Мы — последний бастион перед тьмой и варварством. Мы храним огонь человечества, то, что может помочь ему возродиться. Знания, технологии, образ цивилизованности — всего лишь свет этого огня, свет лучшего человеческого естества.

— А какова ваша вера? — спросил осторожно Йозеф.

— Мы исповедуем, как и наши далёкие предки, веру в Единого Бога, воплощённого в трёх лицах и придерживаемся учения Того, Кто искупил всех нас, — Искандер достал из стола небольшую книгу с чёрной обложкой и золотым крестом. — Тут всё написано, тут всё сказано.

— Хорошо, — юноша провёл пальцами по прохладной обложке и взял небольшую книжку, — я посвящу ей время.

— Так что ты думаешь над моим предложением? — вернулся к началу разговора Иезекииль.

— Оно довольно заманчиво, ибо я много думал над тем, кто и как может изменить мир... но..., - в рое мыслей он пытался выбрать лучшую, стройную и неострую. — Я — наёмник, — уверенно ответил юноша, — им и останусь. Сейчас меня заботят деньги, забота о семье, о будущем. Сейчас я выбираю материальные блага.

— Очень жаль, — мрак печали слегка приглушил свет очей. — Тогда ступай, наёмник из Таранто. Но помни, если ты захочешь стать братом Мальтийского ордена, то мы будем рады принять тебя в свои ряды.

— Господин, я хотел бы ещё попросить вас, — смиренно просил юноша.

— Да?

— У вас в Цитадели есть «Сад тысячи роз» и я бы хотел его посетить вместе со своей знакомой, если вы или никто из братьев не против.

— Конечно, — иссушённые губы дёрнулись в тени улыбки, — ступай туда и быть может там, ты сможешь обрести то, что ищешь. Я распоряжусь, чтобы благочестивые братья сопроводили её в сад.

— Спасибо, — кивнул Йозеф и поспешил прочь.

Воинство Компании остановилось на Мальте, воспользовавшись возможностью перевести дух. Три острова процветали, пока практически весь остальной мир погибал, Сент-Джулианос стал центром бывшей цивилизации, где всё же горит свет прогресса и технологий. Городок живёт от торговли, рыболовства и небольшого производства лёгкой промышленности и техники, а защита продвинутого воинства не даёт местным царькам и тиранам его захватить и обратить в пепел потехи ради. Наёмники осели в городе, рассеявшись по гостиницам и хостелам, обогащая местных торговцев выпивкой и едой. И только Йезефа пригласили на остров Комино, а он выпросил и место для своей спасительницы.

Он вновь смотрел в спину брата Иоанна, и размышлял над тем, почему его хотели пригласить. Только ли из самопожертвования или странные, загадочные и закрытые сыны Мальты увидели в нём нечто то, что присуще только им? А может это был жребий или правила сущей случайности и око Ордена пало именно на него просто так? Сейчас он не собирался искать ответы на эти вопросы, ибо выбрал свой путь. Несмотря все мысли о том, кто есть человек, он хотел заработать. Деньги помогут ему обеспечить родителей, дать возможности детям и прокормить семью, если он доживёт до неё.

«Наёмник-философ», — усмешливо отметил рекрут, продолжая смотреть то на белый крест табрда, то на пугающие светильники.

Мальтийский орден мог ещё удивить много чем интересным, на осколках бывшего он выстроил нечто удивительное и даже непонятное сему миру. Юноша вместе с ионитом оказался в колоссальной зале, утопленной в синеватой дымке растопленного ладана. Сквозь негустой смог проглядывались белые колонны, каменные монументальные стены и разноцветные витражные окна с иконографическими изображениями святых. Многочисленные скамьи, люстры и канделябры, росписи в виде лучезарных ангелов, строгих херувимов и пламенных серафимов говорили о религиозном предназначении. А проникновенное пение псаломщика вместе с мраморным красивым алтарём и распятием над ним довершали образ храма.

— Церковь, — прошептал Йозеф, чувствуя странный покой, вкладываемый в его душу удивительной атмосферой, которую не мог повторить ни Собор Первого братства, ни любое из развлекательных заведений.

Всё заполнено сынами Мальты. Одни заняты послушанием — протирают скамьи, полы или меняют догорающие свечи. Другие же, меланхолично перебирая чётки, пребывают в молитве. Сквозь слова псалма слышался тихий шёпот:

— Брат Марселий, вчера я вернулся с проповеди на Сицилии. И могу тебе сказать, что мне удалось помочь многим и, не только утвердив их в Слове.

— О чём речь?

— Знаешь, того запаса лекарств и пищи, который мне выделил Капитул, хватило, чтобы помочь многим больным и нуждающимся. Дети, старики и немощные. Печально, что не всем удалось оказать милость, но я свято верю, что Господь поможет им. Твои как дела, брат?

— Меня печалит, что братьев и сестёр, отправленных проповедовать на Корсику,

изгнали. Слово не понравилось тамошним владыкам, ибо оно призывало к милости и справедливости.

— Необходимо бороться с гневом, бороться с грехом алчности. Ибо только те, кто преодолел свою ветхую тёмную натуру, может надеяться быть человеком, может надеяться на спасение.

«Какие хорошие слова».

— Иоанн, — тихо, стараясь не нарушить ювелирной атмосферы, заговорил италиец. — У вас тут есть девушки?

— Да. Но семей практически нет, ибо Капитул ордена благословляет быть монахами.

Оставив место молитвенного сосредоточения, они вновь нырнули во тьму переходов, но только за тем, чтобы выйти в новую обитель.

«Интересно и неповторимо», — говорил себе юноша, когда увидел помещения, отданные во имя развития. На прохладном мозаичном полу во всё так же большой зале, уходящей на несколько этажей ввысь, разместились гудящие станки и верстаки, за которыми кипела работа. Виднеются тут и столы с компьютерами, где устроились мастера кода и цифры.

Ухо не услаждало пение, его место заняли производственные звуки — звонкий стук молоточков, удары пальцев по клавишам, треск сварки, шипение и грохот. Люди в чёрной униформе или всё в тех же подрысниках полностью погружены в работу. Не баловал и аромат курений, вместо него всё наводнял терпкий запах масла, железа и горечь горелой канифоли.

— Иоанн что это за место? — спросил Йозеф, смотря на то, как рабочие обрабатывают сверкающую деталь, а в экране монитора работу с некой программой.

Тут он приметил и пару длинных клинков, сияющие в масле, а также отдельно стоящий полный комплект технодоспехов. Они отдавали мистической готичностью, духом сказочной старины, но были напичканы электроникой и представляли продвинутый экзоскелет, покрытый роскошным сюрко.

Стены всё так же несли на себе печать глубинной идеи Ордена. Фрески и изображения великих подвижников веры древности, лампы и фонари хоть и светили лучше, заливая всё ярким лунным освещением, но имели такой же мрачный антураж.

— Это обитель ремесленников. Компьютерщики, айтишники, рабочие с техникой и электроникой — все те, кто может работать с механизмами и программами трудятся тут ради того, чтобы мы были сильны.

Пройдя несколько метров, рекрут услышал интересный ему разговор:

— Вчера подготовили несколько комплектов аккумуляторов, медицинской техники, электроники.

— И куда вы их направили?

— По распоряжению Великого магистра конвой отправился в госпитали и больницы, где они ещё остались. Надеюсь, Бог покроет их от мародёров, технодикарей и пиратов.

Пока Йозеф пробирался по тёмному коридору, его мысли снова наводнились размышлениями, но на этот раз они были посвящены братьям белого креста. Что может заставить в одичавшем мире людей нести свет и помощь? Это казалось довольно странным, чем-то не свойственным самому человеческому естеству, отравленному алчностью, кровожадностью и похотью.

— Иоанн, зачем вы отправляете просто так ресурсы, технику, еду и воду? Вы могли бы

оставлять всё это себе или продавать за баснословные ресурсы в обмен.

— Ибо таков наш смысл, наша жизнь и кредо, — строго обозначил мальтиец, — мы помогаем там, где это можно сделать. Только помогая немощным, защищая друг друга, мы можем надеяться на лучший мир.

— Интересно. С вами бы не согласились иерархи, диктаторы, сеньоры и господа этого мира, — минорно отметил рекрут. — Они правят всласть, они верят в то, что нужно брать то, что можно взять, завоёвывать там, где есть шанс и грабить, где сопротивление слабо. Они живут в своих дворцах и замках, виллах и поместьях, нещадно обирая подданных и разоряя то немногое, что осталось.

— И из-за них наш мир стал таков, каков он есть.

Выйдя из мрачного прохода, Йозеф встретился с ещё одним чудом Мальты. Теперь его глаза созерцали невообразимое количество столов, где устроены мензурки с флаконами и перегонными кубами, микроскопы и даже небольшими комплексными лабораториями. Всё отдавало стерильностью, к работе привлечены братья и сёстры в белоснежных халатах.

На этот раз нос и уши уловили новые запахи и звук. Что-то бурчит и шипит, готовится и рассматривается, а обоняние улавливало нотки чего-то приятного и тонизирующего. Из общего религиозного духа тут только рисованные ангелы.

— А тут я так понимаю, у вас лаборатории?

— Ты прав. К тому же недалеко расположен лазарет. Мы там помимо братьев и сестёр, лечим наших горожан и тех, кого из странствий и проповедей, привезли.

Это ещё сильнее удивило Йозефа. Готовность так жертвовать и распалаться ресурсами поражает, но в то же время рекрут находит в истории и примеры, похожие на то, что он видит тут. Крохотные коммуны прогресса или маленькие республики названной справедливости — все они пытались делать то, что творит Орден. Но они сгнули в вихре бесконечных изменений и войн, их снесли безжалостные короли и диктаторы.

«Только бы Мальтийский орден не постигла эта судьба».

Йозеф оказался там, куда вело его сердце. За тёмным переходом и невзрачной дверью начинался маленький Эдем, предстающий пёстрым полем разноцветных кричащих роз. Синие, алые, жёлтые, розовые, чёрные и белые — роскошные цветки складывались в удивительные узоры и таинственные глифы. Над головой раскинулся стеклянный потолок, в котором виднеется роскошное ультрамариновое небо с белыми облачками. Нос свело от сумасшедшего сладкого аромата сотен цветков, глубокого запаха, захватывающего сознание и уводящего его в мир грёз. Журчание искусственного ручейка, прохладный лёгкий ветерок, гоняемый вентиляторами, аккуратные и сказочно-карамельные лавочки с каменными дорожками уводили сознание в мир грёз.

Но, впрочем, глаза узрели цветок, который ему показался куда более прекрасный, нежели тысячи роз. Напротив, стояла высокая девушка, чьи изумительные формы скрыты за длинным и строгим тёмным платьем цвета шоколада, расшитым золотом. На этот раз Йозеф не отводил глаз от её миндалевидных очей и проникновенного взгляда, словно видел там что-то знакомое, родственное.

— Мы вас оставим, — холодно отметил Иоанн и пошёл прочь.

Нога робко начала движение, парень выдохнув, подошёл к девушке. Его нос ущипнуло что-то, но он не смог уловить что, хотя понимал, что это слабая тень духов дамы. Встав рядом с ней, он ощутил укол у сердца, волнение, созданное обстановкой. С предыханием он заговорил:

— Аэлет, я рад, что приняла приглашение прогуляться.

— Зачем ты меня сюда позвал? — смущённо говорила наёмница, она явно в первый раз видит такую красоту, само её существование смущает огрубевшую женскую душу. — Пока меня притащили из женского крыла сюда, я столько всего увидела. Это ужас... в хорошем смысле.

— Я знаю, мне тоже представили много чего, — он осторожно пошёл и девушка последовала за ним; они медленно двинулись сквозь роскошный сад. — Аэлет, я много слышал о том, что у братьев Мальты есть роскошный сад, но никогда его не видел.

— А я тут причём? — усмехнулась италийка.

— Хотел тебе показать, — отстранённо и с нотой печали ответил парень, всматриваясь в десятки роз, затопивших всё большим прекрасным и цветущим полем, где он узнал символ птицы. — Тебе, Аэлет.

— Мне? Обычной наёмнице? — изумление рекой лилось в голосе. — Йозеф, пройдя тарантийский, зачем это? Я хотела остаться с взводом, но ты вытянул меня сюда. Я сначала офигела от этого, но сейчас ты переплюнул всё. Зачем, чем я заслужила такое?

— Ты меня спасла, — он провёл рукой, сотворив чудесную дугу, показывая на шикарные поля, — или тебе не нравится? Наверное, мы больше никогда не увидим такого... если навсегда не останемся в Ордене.

— Всё прекрасно, — спокойно ответила Аэлет, в её очах звёздной россыпью отразились цветы, душа же приникла к сей чудесным образам, подобно жаждущему к живительной влаге.

Пара ступила на деревянный мостик, выгнутый полукругом. Под ними журчала прозрачная голубая речушка, услаждающее ухо, привыкшее к грохоту орудий или городскому копошению.

«Не к природе ли несётся душа человеческая?» — спросил себя Йозеф. — «Не из неё ли вышел человек? А мы её столь давно променяли на каменные джунгли, которые потом и убили нас».

— И всё же, я не понимаю, ведь и ты меня спас. Зачем ты решил мне всё это показать? Да, я восхищаюсь этим садом, но не понимаю... ты ведь мне ничего не должен.

Вопрос повис в воздухе. Йозеф хотел бы ответить что-нибудь логическое, что-нибудь ясное и внятное, но не находил ничего, кроме обычного желания порадовать человека, ставшего близким. Он бы мог и поблагодарить Румо за помощь, но это сделает за бутылкой пива, да и прогулку по саду он не понял бы. А Аэлет? Он раз за разом обращался к рассудку за разъяснением, но как скудный язык способен выразить буйство эмоций сердца?

Они увидели красивую лакированную лавочку и быстро заняли её. Тут всё говорило языком мира, покоя, который, несомненно, исцелял душу. Этим людям ведома лишь война и тотальная разруха, и прикосновение к осколку прошлого разгоняет мрак настоящего, вселяя уверенность и водворяя свет тщетной надежды.

Мягкость, спокойствие и приятная атмосфера всё же размягчили сердце наёмницы.

— Прости мне мою слабость, — с этими словами она положила свою голову на плечо парню, рекрут ощутил бархат женской кожи, мягкость пышного чёрного волоса. — Тут... чувства, — её язык стал заплетаться.

Йозеф трепетно протянул руку и положил её на плечо девушки, слегка прижав её и ощутив воодушевляющее тепло её тела.

— Прыткий малый, — усмехнулась девушка; грубость и какая-то чёрствость отступили

и на этот раз рекрут услышал, наверное, плач самой души, — проклятье, как же мы далеко ушли в своей тупизне. Хотя я понимаю, что и во мне дурости, как дерьма в помойке.

— Я думаю, твоей подруге тут было бы приятно, — Йозеф решил отвести разговор от самобичевания.

— Шьяни была бы рада видеть подобное место, — она чуть поёрзала, — отдала бы многое, чтобы сюда попасть.

— Я надеюсь, мы сюда ещё когда-нибудь вернёмся.

— Это да, — речь Аэлет дрогнула, заиграла задором. — Вот тебе двадцать пять лет, ты побывал в полиции, передрягах и прочем дерьме. А вот женщину ты себе нашёл? Вот если бы кто-нибудь захочет быть с тобой... ей нужно будет драться?

— Было пару девушек, но ничего серьёзного. Сейчас я свободен, Аэлет.

— Понятно.

— Может быть я подумаю когда-нибудь о семье. Но сначала нужно заработать денег, найти своё место в этом мире. Ты сама всё понимаешь.

— Знаешь, Йозеф, меня удивили братья белого креста. Они по истине стали тем... кем быть может должно быть человечество. Да, они ударились в веру, но то, что они делают... никто не делает. Тут я увидела... то чего не видела двадцать девять лет.

— Не нужно слов, — томно произнёс юноша. — Я всё понимаю.

— Спасибо тебе, за то, что пригласил меня сюда, — на сладких насыщенных губах расцвела пленяющая улыбка. — В этой цитадели... в этом саду... я увидела, что значит быть человеком.

Йозеф вспомнил одну из догмат и максим, которую прочёл на хоругви в одном из неисчислимых посещений цитадели:

«Рыцари Мальты, аколиты и послушники белого креста — это мужчины и женщины с человеческим сердцем и светом в глазах. Они — слуги истины, выходящие против разрухи и тьмы, окутавшей мир. Они истинные последователи Завета. Орден — островок спасения посреди моря коварства и лжи. Истинно верные до последнего удара сердца. Они несут крест невзгод, крест взаимопомощи и любви к тем, кто их ненавидит. И они несут этот крест не только на своих одеждах, но и в душе».

[1] Либрийское бесстрашие — фразеологизм, обозначающий полный отказ от эмоций и чувств. Либрия — вымышленный закрытый город из фильма «Эквилибриум». В городе царит тоталитарный режим, и вся власть принадлежит совету консулов, который, для подавления инакомыслящих и поддержки имеющейся идеологии, создал институт Клериков (Тетра-Грамматон).

Глава 7. Бремя цивилизации

Таранто. Спустя три дня.

Вновь Компания собралась в богатом торговом городе, где пришло время перевести дух. Но на этот раз выдался момент и пополнить запасы вместе с личным составом, так как за последнюю операцию «Чёрные мечи» понесли слишком большие потери.

Йозеф стоял вместе с боевыми братьями и сёстрами в едином ряду и наблюдал за тем, как начинается торжественная процессия. Ещё бы не радоваться. Столько слитков золота дали колоссальные возможности учредителям — новые ресурсы, власть, подкупы и банальное развлечение и потеха для брэнной плоти.

Пот каплями стекал по спине, покровом влаги блестел на лбу и всячески доставлял неудобство. Несмотря на облегчённый серый китель с короткими рукавами, тонкие брюки и туфли, летом в Таранто очень жарко. Справа и слева от него шесть человек отделения, которые выжили после сумасшедшей заварушки у Сирта. Он смотрел вперёд на сам плац, где в полном роскошном мундире высилась фигура полковника, несущего слово о том, какие они молодцы и какое мужество проявили.

— Ты в курсе, что вся эта шняга накрылась тазом? — пихнул Румо рекруга. — Султанаты порубили друг друга в бойне, а потом договорились о мире. Страну тупо поделили, как долбаный пирог!

— Офигеть, то есть мы зря помирали, а потом свалили?

— Ну почему зря... мы получили деньги от двух сторон и смылись. Прямо настоящие наёмники — и нашим, и вашим.

— Ну хоть они закончили убивать себе подобных. В тех землях воцарится мир... хоть на немного, но воцарится.

— Так этим всё не закончилось. Многим главарям банд, командирам-муфтиям и прочим не понравился такой договор. И понеслось говно по трубам, а потом на вентилятор — они давай резать друг друга. И в итоге разорвали страну нахрен.

— Печально, — хмуро ответил юноша, вернувшись мыслями к собранию.

Они стояли смиренно, ну или пытались это показать. Практически все подразделения смогли уместиться на краях плаца, обжариваемые палящим солнцем в зените. Даже нет самого слабого дуновения лёгкого ветерка, чтобы облегчить состояние воинов и посему приходится проявлять стойкость, чтобы продолжать слушать полковника.

— Офицеры, маршаллы, сержанты, капралы и солдаты, — громогласно обратился Неро, Йозеф отводил взгляд от него, ибо из-за количества медалей, украшений и золота нитей старший офицер утопал в ослепительном свете, — я торжественно до вас довожу, что учредители постановили дать Компании месяц отдыха и освобождение от всех операций.

— Естественно, — стал причитать Румо, — я бы на пару лет ушёл на покой с таким чемоданчиком золота. А нам всего месяц.

— Мой дорогой друг, — слегка улыбнулся юнец, — учитывая потребности наших господ, у них это золото вылетит как в трубу уже через месяц. Поэтому отдыхаем тридцать дней, а потом снова в бой.

— Кстати, пока наш старик речь толкает, может, расскажешь, что ты делал с Аэлет в доме этих святош? А? А? А то, ишь, умный, нас кинул одних пробовать пять сортов пива, тринадцать вина и водку.

— А ты бедный утомился, — слегка посмеялся рекрут. — Потом расскажу.

— Разговоры в строю, — тихо предупредил Дьяко, не желая получить от полковника при всех, который продолжал возвышенно вещать:

— Так же, хочу вас поблагодарить от лица учредителей за проявленную храбрость, смелость и мастерство. Благодаря вам и вашей стойкости Компания показала себя одной из самых лучших. С гордостью вам сообщаю, что по решению Правительства Южно-Апеннинского Ковенанта нам было предложено выполнять почётную функцию охранной гвардии во Дворце канцлера.

— И естественно за огромную лавешку, а так же за блага и почёт, — вставил хоть и шёпотом свои пять копеек капрал, что не могло не возмутить Дьяко:

— Румо, блядь, если не заткнёшься, я твою «Ирину» отдам в оружейку соседней роты.

— Молчу начальник, молчу.

Старший офицер суровым взглядом осмотрел пришедших, он молчал и словно бы оценивал тех, кто перед ним. На миг рекрут заметил в его глазах тень губительной хандры, странное отчуждение, словно бы ему тут не хотелось тут быть и говорить то, что говорит.

«Что-то с тобой не так», — подметил паренёк, но отстранился от этих мыслей, полностью прикованный к течению пота по спине и нестерпимой жаре.

Он не понимал, какие чувства терзают чёрствую душу военного. Множество раз полковник стоял тут, неисчислимое количество раз вручал награды и звания, говорил помпезные и траурные речи. Самое страшное это видеть, как подразделения редуют, как те, кто стояли в прошлый раз легли в землю, как за вереницей новых лиц, кроется страшная правда войны — те, кого он знал, погибают с жуткой скоростью. Полковник знал, что через пару-тройку лет половина тех, кого он тут видит, станет кормом для червей, или превратиться в бесполезную обузу, ибо физические и психические увечья способны вывести из дела даже самого боевитого человека. Однако, необходимо приступать к делу.

— Теперь пришло время выдать заслуженное, — грубые морщинистые пальцы провели по стопке бумаг, лежащей подле него на небольшой тумбочке, зацепили листок и подвели к глазам. — Настоящим указом, учредители присвоили награды за отвагу, надбавки и льготные положения для воинов следующих подразделений — первый пехотный батальон, третий артиллерийский батальон, рота разведки и инженерная рота. Все они проявили себя с лучшей стороны при операции у Сирта!

— Служим Компании и учредителям! — хором крикнули воины, которым теперь повысят жалование на два месяца и действительно, почему бы не радоваться. Но с другой стороны за деньгами, блестяшками на груди и благами стоит стремление замылить потери, как-то облегчить боль от утраты товарищей, а семьям отсыпать горсть благ, чтобы хоть как-то скрасить безумие и жестокость мира.

Полковник отложил лист и тут же взял другой, и на этот раз дело касалось отдельных людей.

— Рекрут Йозеф Ди'Андорр, ко мне! — призвал полковник.

Юнец продрог от неожиданности. На этот раз его бросило в холодный пот, он впал в ступор. Но Румо его слегка подтолкнул и тот трепетно шагнул, смирно и, держа себя в руках, неуверенной походкой двинулся.

Он встал напротив старшего офицера. Ощущение неловкости и щекотливости из-за сотен глаз и пытливых взглядов путало язык, но усилием воли он преодолел это чувство и перешёл к уверенному докладу:

— Господин полковник, рекрут Йозеф прибыл.

— Настоящим, за проявленное мужество при штурме Мелито-ди-Порто-Салво, за исключительную отвагу при спасении боевых братьев и сестёр в Сирте и самопожертвование, я присваиваю вам звание капрала! — в руках полковника сверкнула золотистая нашивка в виде одной линии, похожую на широкую галку. — Служи верно, наёмник и учредители наградят тебя достойно!

— Во славу Компании и её учредителям! — радостно отсалютовал юноша.

Поклонившись и ударив себя в грудь кулаком, Йозеф отправился обратно в строй. Теперь он, с лицом полного счастья, смотрел вокруг; жара и пот уже столь сильно не довлели над ним, все мысли купались в радости от неожиданного исхода. Он ждал солдата, ждал звания на одну ступеньку выше, но за деяния свои он получил что-то большее. Теперь в отделении два капрала — это он и Румо. Командир и его заместитель, младший сержант, явно были рады тому, что теперь можно будет кого-нибудь впихнуть на должность стрелка поддержки всучить второй пулемёт или снайперское орудие.

— Ох, ничерта себе, — фыркнул Румо, но увидев грозный взгляд Дьяко не стал ничего говорить.

— Капрал Йозеф Ди'Андорр, — прошептал италиец, радостный такому исходу, теперь ему дадут что-то более лучше, нежели просто кусок разваливающегося металлолома, который плюётся свинцом.

Награждения и присвоения званий продолжались. Кто-то получал медаль, а значит и доплату за неё, другие становились командирами отделений и расчётов, третьи из рекрутов получали солдатские серебряные лычки в виде галок. Полковник один за другим прочитывал приказы, один за другим поднимал и опускал листы. Пару раз он даже вручал наградное оружие в виде расписных револьверов, коротких мечей и ножей, ставших символом глубокого признания.

Капрал осмотрелся насколько это позволял строй. В одном из зданий в окнах он увидел кучу голов. Вспомнив, что это казарма для младших рекрутов, он осознал, что наёмники ещё долго просуществуют.

«Чёрные мечи» вернут себе былую численность и отправятся к новым победам и славе», — подумал Йозеф, и на этот раз отрада омрачилась пеплом горечи. — «Сколько таких было? «Псы Италии», «Багряный легион», «Жестокость и милосердие мастеров эфеса», — хандра чуть сильнее опутала разум тяжёлыми цепями, когда он вспомнил о компании, из которой и вышли «Чёрные мечи». — «Южно-италийская военная корпорация». И все они сгнули в хрупком мире, все стали жертвой интересов могущественных мужей».

Но что же с теми, кто не воюет за деньги, а призван защищать родину из-за долга и чести. Армия Ковенанта лишена чего-то подобного, она больше напоминает огромную варбанду, где младшие командиры меняются один за другим, а высший генералитет подобен закореневшей зажавшейся аристократии, состоящий из седых старцев. Молодые умирают, калечатся, остаются навечно в прострации. Соль армии — солдаты, сержанты и младшие офицеры гниют в ветхих казармах, погибают из-за старого непригодного обмундирования, или из-за отсутствия экипировки как таковой. А вот военная аристократия предпочитает услаждать себя бесконечными пирами, весельем, показательными парадами по разбитым улицам. Им поставляют лучшую пищу, отменную выпивку, шьют из самых дорогих, представляют изысканные устройства прошлого, походящее больше на техночудеса. А когда нужно утолить

низменные инстинкты, то для седовласых полководцев находят прекрасных девушек, порой даже слишком молодых, чтобы это одобрял закон.

«Мерзость», — единственное слово пронеслось в ум юноши, и он задумался к чему всё это привело.

Люди в войсках Ковенанта менялись с устрашающей скоростью, и если бы страна воевала исключительно своей армией, то от неё не осталось и следа. Технодикари, мятежники и сектанты способны сокрушить осколки и искорки цивилизации и только благодаря наёмникам и стражам мира, вроде Первого братства, её огонь продолжает гореть.

Вскоре полковник закончил награждение, и вновь над плацем водворилась абсолютная тишина и покой. Все смотрели на утопающую в свете фигуру, облачённую в роскошный мундир, которому не сыщется аналога во всём городе. Помимо обычной красоты он невероятно крепок и удобен, а вкуче с изящностью это позволяет продать его за целый дом.

— Воины! — загромыхал Неро, по спине Йозефа пробежали мурашки, голос оказался слишком проникновенным. — Вы славно послужили, и впредь надеюсь, что вы не посрамите высокого звания Компании. Все свободны!

Народ стал спешно разбегаться — каждый по своим делам. Йозеф уже наострил лыжи из части, как напротив него встала девушка и тронув за плечо остановила быстрый шаг. Неподаляку оказался и Румо.

— Что будете делать, мальчики? — спросила Аэлет, отличная от двух капралов шевроном с тремя золотистыми квадратиками на плече и треугольником над ними. — Теперь можно и отметить сегодняшнее, — ладонь распахнулась и на ней капрал увидел маленький серебристый квадратик с выгравированной надписью — «за доблесть».

— Не знаю, — зевнул Румо, — мы планировали с шефом заглянуть в парк. Последний переполох нашу технику так сильно потрепал, что в ней придётся знатно покопаться.

— А может..., - попытался что-то сказать италитец, но был перебит в привычной манере своим старшим товарищем.

— Первый лейтенант, — хрипнул Румо, сложив мускулистые руки на груди, — мы сейчас в полной жопе. Я бы и рад выпить с тобой, и даже потискать, если бы ты была нормальной, но мы сейчас в жопе. Практически вся техника встала и гонять алкашку сейчас прям вообще не вариант.

— Аэлет, а ты..., - снова попытался заговорить паренёк.

— Да и к тому же, молокососов очень много. Взвод, роты — всех хорошо порубили и сейчас придётся младшее поколение воспитывать. Даже думаю чуток взять в парк, чтобы они видели кого нужно любить, отирать и лелеять.

— Слушай, Румо, — чуть более наглее стал юнец, — давай ты не будешь меня перебивать, а?

— О, как тебя понесло. Как дали рекрута, ты сразу осмелел? — ухмыльнулся воин. — Не забывайся, я тебя сильнее и могу ещё отделать.

— Нет, просто надело. Девушка хочет посидеть, отдохнуть, а ты её перебиваешь столь наглым образом. И не тринди, что тебе нужно в парк.

— Аэлет, а он прикрывает твою прекрасную попку.

— Я и сама могу за себя постоять, но спасибо ему, — тепло улыбнулась девушка. — Ну так как, вы не против посидеть? В конце концов есть о чём поговорить и вспомнить, как чуть не померли под Сиртом.

— Аэлет, пойми, я не против с тобой выпить. Просто... знаешь, мне трудно сидеть и

видеть, как такая сладость жамкается с другой бабой.

— А тебе завидно!?

— Да, что б тебя!

— Елене сейчас явно не до нас. Она хотела посетить родителей и её ничего не остановит. Так что, — дама пожала плечами, — твою чуткую душу и хрупкую психику ничего не потревожит.

— Тут недалеко есть небольшой бар, — заговорил Йозеф, — и он в принципе более-менее сносный.

— Идемте.

Вся тройка направилась по улочкам Таранто. Всё продолжало течь спокойно и даже странно мирно, создавая атмосферу узаконившейся жизни. По убитому асфальту проезжали редкие, проржавевшие или вычурно-кричащие авто, настолько редкие, что каждое появление вызывает удивление. Ветхие посыпавшиеся, покрытые трещинами и усеянные разрушениями дома смотрели на прохожих взглядом «мёртвых глаз», говоря о богатстве и могуществе былого. Йозеф с энтузиазмом наблюдал за многочисленными массами людей в рваной тусклой одежде, на их угрюмые изнеможённые лица. Подмечал он и огромные базары — мириады палаток и киосков, сколоченных из мусора, устроенных на руинах старых зданий.

«До чего же мы дошли?» — спросил себя капрал, чувствуя неприятное чувство тяжести в груди.

Его взгляд выхватывал кое-где и высоченные трубы, исторгающие клубы чёрного или разноцветного смога, которые подобны колоннам, подпирающим небесный потолок. Помимо ругани, мата, криков слух «ласкает» и визжание пил, стук молотков и таракание механизмов. В разуме предстали образы зачуханных мастерских и исполинских заводов в зданиях музеев, библиотек, школ и ВУЗов. Города стали раздутыми колоссами, в которых ещё протекала жизнь, трепетала жалкая искорка прошлого, ставшая маяком во тьме варварства.

Всё Йозефу казалось привычным, рутинным... всё, кроме одного. Он заметил большое количество таинственных фигур, облачённых в чёрные рясы с капюшонами. Тень, мрачность и ореол таинственности окружал их, создавая атмосферу напряжённости. Кровавые кресты полосовали спины, худощавое телосложение подчёркивалось тонкими талями, сильно утянутыми обычными верёвками.

Каждое движение чёрного роя сопровождалось лязганьем вериг, шуршанием мантий и тихим гулом. В руках тихо и устрашающе покачиваются крючковатые нити плетей, цепи и помятое мелкокалиберное оружие.

— Кто это? — настороженно спросил Румо. — Вчера я не видел этих полудурков.

— Не знаю, — тихо произнесла Аэлэт, так же с изумлением созерцая новую картину.

Йозеф смотрел на эту картину и не находил объяснения подобному. Неисчислимое количество сектантов бродили как восставшие мертвецы, тени потустороннего мира, среди улиц. Осмотревшись, он увидел старого знакомого из стражи порядка и потянулся к нему:

— Венцо! — крикнул капрал и мужик дрогнул, вздев оружие. — Обожди, не помнишь меня!?

— Здоров, Юзя, — ухмыльнулся сотрудник и опустил двустволку, поправив чёрный берет, — я смотрю, ты хорошо устроился?

— Да, как и ты. Уже, небось, сержант?

— Ну, есть такое, — парень поправил эмблему с ржавой четырёхконечной звездой, — я

теперь — помощник начальника патруля и не последний человек на улице! Со мной даже братки из банды Магомета считаются.

— Хорошо, что наш брат так высоко поднимается, — кивнул капрал, — но я сейчас о другом. Скажи, что за фигня тут творится? Кто эти... люди? — рука указала на рясоносцев. — Что тут вообще происходит?

— Группа усиления, — буркнул Венцо, — если её можно так назвать.

— Что тут происходит?

— Не могу сказать, — покачал головой парень, погладив двустволку, — конфиденциальная информация.

— Я, — парень указал на китель, — военный.

Венцо заёрзал. Он осмотрел, будто бы ища одобрения со стороны окружающих, но находит только всеобщее напряжение. Вроде бы всё нормально, идёт обычным ходом, только вот все понимают, что что-то не так, лишено привычного спокойного образа.

— Венцо, — вкрадчиво произнёс воин.

Усиленные патрули городской милиции блуждали туда-сюда, держа оружие, явно не прибавляя к спокойствию. Все понимали, что медленно город становится точкой напряжения, источник которого рано или поздно явится сюда в рёве моторов, диком наречии и воплощённом безумии.

— Хорошо, только языком не чеши об этом, — хмуро произнёс мужчина, запрокинув оружие на плечо. — Сегодня утром мы получили информацию, что с севера движение начало племя технодикарей «Фихгли-Дэлоэлектре'цио» Они покинули отведённые места обитания и двинулись на юг.

— Что? Почему?

— Не знаю, Юзя. Может еда кончилась, может, кто-то пнул их. Мы знаем лишь то, что не менее трёх тысяч вооружённых варваров ломятся сюда. Токмо незнамо, когда они будут тут.

— А это кто? И откуда? — снова паренёк указал на людей в чёрном.

— Слуги культа Чёрного епископата, — зловеще обозначил сержант, неодобрительно на них взглянув, — они предложили нам свою помощь. Знаешь, когда на тебя движется орда, любая помощь хороша. Как говорил мой старый друг — в драке любая палка хороша, даже если она говном измазана[1].

— Я тебя понял, — прошептал Йозеф.

Парнишка быстро вернулся к друзьям и рассказал им о том, что городу угрожает орда. Технодикари стали одной из самых насущных проблем этого мира — они живут свободно, лишены благ городов, не признают цивилизацию. Роющиеся в мусоре былых времён, почитая их как время высшего благоденствия и божественного проведения, они собирали технику, оружие, броню и экипировку буквально из всякого хлама. Их религия лишена изысканности, больше отдавая техноанимизмом спаянным с жестокостью и кровавым безумием, в виде принесения человеческих жертв призракам и духам техники. Это новые кочевники, новые странники, проживающие всю жизнь в путешествиях. Их предки — те, кто бежал во время Великого кризиса из городов и селений, надеясь переродить цивилизацию в новых местах, создать её новые очаги. Но ирония в том, что всё получилось совершенно наоборот.

— Мы всё ещё планируем идти в бар? — спросил Румо. — Кажется, в городе намечается жопа.

— Пока нет, — мотнул головой юнец, — неизвестно, когда они подойдут к городу.

— И что? Знаешь, как-то сидеть и выпивать в городе, который может стать кровавой ареной? Да я манал! Пойду лучше в казарму и позабочусь об «Ирине», — гаркнул мужик, поправив китель. — Вот она мне реально может пригодится.

— Неужто ты испугался? — подколола девушка парня. — Это же просто технодикари, да ещё и неизвестно, дойдут ли они.

— Баба, включи мозг. Мальчики и молокососы из государственной армии обосрут при одном виде этих тварей, — плюнул под ноги Румо, — я ещё верю в корпус генерала Рохалло, но он гоняет каких-то сепаров на юге страны. И если они попрут, то наши отпуска погорят нахрен, и мы будем в застройке говношиться и подыхать, чтобы не дать куче разъярённых людей устроить кровавую баню в Таранто.

— Ситуация действительно тяжёлая, — согласился Йозеф. — Если они будут агрессивны, то нам придётся встретиться с тысячью стволов, самопальных ракет и волной тачанок.

— Что ж, мальчики, с вами трудно не согласиться.

Красным шлейфом прошла фигура, вызвавшая взбудораженные возгласы у сектантов, всеобщее возбуждение всколыхнуло толпу. Кто-то даже стал себя хлыстать, разрывая в клочья и тряпки одеяния, распыляя кровь.

— Братья и сёстры, — зазвучала лукавая речь проповедника в красно-чёрной рясе, сектанты стали слетаться к нему, как мотыльки на тусклый свет, — услышьте слово истинное! Великий епископ Антонио нам говорит, говорит, так как ему молвит сам Бог!

— Ещё одни балбесы, — Румо с опаской смотрел на то, как чёрные волны стекались к высокой фигуре в полностью рубиновом стихаре, примявшим тёмную рясу.

— У них — тяжёлая история, — вспомнил Йозеф, — люди, оставшиеся без родных и близких готовы пойти за любым проповедником, который обещает встречу с ними.

— Наш Бог милостив к грешникам, но только если они готовы катятся, готовы исполнять заповеди Его и слушать пророка Антонио! Он даёт блага тем, кто со щенячьей верностью служит пророку!

Толпа ещё сильнее взревела. Кнуты и плети с большей силой замаячили, плоть на спинах многих вновь становилась багровым тошнотворным месивом, хлёсткие удары вспарывали мясо, превращали одежду в эклектическое рваньё.

— Уроды, ублюдки, еретики, грешники и всяк нечистый противен истинному Богу, и он призывает нас очистить этот мир! — выл иерарх в такт беснования толпы. — Мы — избранники святейших епископов, мы — служим истинному пророку через которого говорит Бог, именно через нас возродится мир в истинном величии и благой чистоте!

— Идиоты, — шептал Румо, — больные полудурки без мозгов.

— Тише, — призвала Аэлет, — если они тебя услышат, тебя никакое мужество не спасёт.

— Таковому быть! — продолжал орать иерарх, к этому времени на перекрёстке обычных горожан уже нет — они убежали на безопасное расстояние, а вот групп полиции стало намного больше — они с напряжением смотрят, чтобы ярость верующих не вспыхнула огнём жестокости и кровопролития.

Проповедник махнул рукой и его помощники, усиленные бронежилетами, вывели технодикаря. Йозеф продрог при виде мускулистого шрамированного тела, которую прикрывает лишь набедренная повязка из чёрного полиэтилена и проводов. На груди

маячился зелёно-золотистый амулет — кусок микросхемы. Он рыпался, выворачивался, орал и кричал, но братья культа его держали крепко.

— Блядь, а вот это нехорошо, — запричитал Румо, — это вообще нехорошо.

— Он был пойман нами! Этот еретик и нечестивый шпионил в городе, он покусился на святую безопасность горожан! — проповедник вынул нож из ножен на поясе и что было силы шаркнул по телу, расчертив кровавой линией грудь несчастного.

Технодикарь заревел, рот распахнулся в безумном человеческом вопле, обнажив заточенные зубы. Иерарх обхватил волосы, заплетённые дреды, крашенные на манер проводов, и потянул голову. То ли это был приступ жестокости или же желания ещё сильнее свергнуть толпа в религиозный экстаз, желание ненависти или жажда чистого садизма — неизвестно. Видна лишь ухмылка удовольствия, которое получает культист, доставляя боль.

— Очистите его! — взревел фанатик, вздев руки к небу. — Так призывает Бог, так говорит пророк Антонио!

Разъярённый, доведённый до безумия и опьянённый фанатизмом народ сорвался как цепи. Кнуты, плети с крючками хлестанули по мускулистому торсу, буквально разрывая его на куски, вопль мужчины мгновенно заглушился от криков сектантов, рвущих его, протыкающих и избивающих под горячую речь иерарха:

— Боль очистительная и мучения даруют избавление плоти и души от грехов, от уродств и грехов!

Кровь полилась рекой, смерть его была жестока. Полицейские стояли поодаль и не решались даже шага сделать, чтобы не спровоцировать бушующий народ. Как только сектанты упокоили его, толпа рассосалась и вернулась к своим делам — молитве и анабиотическому состоянию до тех пор, пока иерарх не воззовет к ним. Аэлет приложила руку ко рту и резко отвернувшись... даже всё увиденное в битвах не могло сравниться с видом оторванных вручную конечностей, разбросанных кусочков плоти и вырванных органов. В багровой луже валялось то, что мало напоминало человека.

— Племя не простит нам этого, — чугунно произнёс Румо. — Не простят.

— Пойдёмте, — тяжело выдохнула Аэлет, — сейчас действительно нужно выпить.

Чудесный день, прекрасно начавшийся с подготовки к построению, возведённый в пик радости награждением, стремительно катился в бездну. Трое нашли какую-то забегаловку и решили остановиться в ней... неважно где, главное сейчас было привести в порядок мысли и перевести дух, разобраться, что вообще тут творится.

В задымлённой кафэшке, устроенное где-то на углу улицы, они нашли место, где можно собраться и всё обсудить. Старенькие сиденья обитые выцветшим дырявым кожзамом, весьма удобны. Тут царит полумрак, её маленькие размеры создают ощущение ламповости и местечковости, шипящее радио что-то вещает — то ли это новости, то ли сводка о погоде. На окнах натянут полиэтилен, а к рамам прибиты доски, создающие удручающую атмосферу разрухи.

— Во что верят вообще эти придурки, если режут людей, как свиней? — смущённо твердит Румо, потирая руки. — Конченные ублюдки.

Йозеф только хотел ответить, как появление официантки заставило его молчать. Механические руки поставили небольшую тарелку, наполненную жареными насекомыми и картофелем. Юнец с интересом смотрел, как его друг один за другим с энтузиазмом съедает крупных тварей, сочно хрустящих во рту, сдобренных солью и ядрёными специями.

— Они точно этого не простят, — тихо произнесла Аэлет. — Убить их разведчика. Это

нужно быть полными... идиотами, чтобы сотворить подобное.

— Это мог быть и не разведчик и вообще парень не из того племени, которое рвётся к нам, — Румо закинул ещё одну гадину, потянулся за второй и отломил ей ногу. — Эх, жрутся прям как хорошие чипсы.

— Во истину, нас ждёт ещё более тёмные времена, — осерчал Йозеф. — А что ты там про разведку говорил?

— Да то, что он был ряженный и с зубами, сточенными. Ну прям как клоун долбанный. Я раньше имел дело с отщепенцами и ублюдками, типа дикарей. И так себя рядят да зубы пилят только особо отбитые. В основном южные племена, чтобы добраться до которых нужно жопу порвать. Те, кто к нам прутся, ещё как-то с башкой дружат.

— Румо, ты спрашивал про Епископат, — Аэлет опустила взгляд в экран своего телефона, черпнув информацию из локальных сетей, осколков интернета. — Один тут пишет, что они исповедуют радикальную веру в Бога. Хорошо. Ах вот, — она пальцем провела по экрану, — их крайними мерами идеями стали фанатичный аскетизм, вера в грядущий апокалипсис, почитание «единого завета», сорока заповедей и своего пророка, архиепископа Антонио. Возможна даже практика человеческих жертвоприношений.

— Ужас, покачал головой Йозеф, его душу холодил вид того, как за досками мелькали фигуры в чёрном. — С одной стороны технодикари, а с другой эти сектанты. Даже не знаешь, что будет завтра. Наш нестабильный мир становится всё мрачнее. Только появляется миг покоя, его тут же стремиться похерить какая-нибудь скотина.

Вскоре им принесли по пол литра светлого нефильтрованного успокоительного, которое они быстро стали принимать. Несмотря на то, что мысли наёмницы путались, летали жутким роем, который невозможно собрать в что-то логичное, она нашла чем скрасить внезапное безумие сегодняшнего дня.

— Я хотела тебя позвать, — улыбнулась Аэлет, положив ладонь на плечо друга. — Меня Шьяни пригласила к себе в домой. Хочет что-нибудь наколоть.

— Да, спасибо тебе огромное, — осторожно кивнул Йозеф, — и я пойду с тобой.

— Вот и славно, — допил пиво Румо, — хоть узнает малец, что значит, женская компания.

[1] Цитата из компьютерной игры «Ведьмак 2: убийцы королей». Принадлежит персонажу — Ярпен Зигрин.

Глава 8. Истина в портвейне

Спустя два дня. Таранто

В приглушённо освещаемом помещении чувствовался уют и тепло, насколько это возможно в нынешних условиях. Йозеф слышал приятный и мерный треск машинки, которая быстро создавала красивый завораживающий узор на плече его подруги. Ароматы краски смешались с запахом свежесваренного кофе, который так и манил ласковыми прикосновениями дымки.

— А тут хорошо, — будто бы с облегчением выдохнул парнишка, осматриваясь и всё ещё не веря, что где-то на руинах бывшего мира есть любительница искусств. — Как будто... вернулся в далёкое-далёкое прошлое, где нет ни войн, ни разрухи.

На лакированных деревянных стенах юнец созерцал красивые картины, где красками или карандашом изображались чудесные животные, чей вид сильно умиляет, где прорисовывались великолепные города, залитые солнцем, а рядом с ними восхитительные образы природы, утраченной и далёкой. У Йозефа захватывало дух при их взгляде на них, если бы он в действительности взирал на всё это. Однако картины лишь осколки ушедших эпох, моменты, оставшиеся в вечности благодаря кисти художника, но даже этого хватает, чтобы поразить душу, которой ведом только упадок новых тёмных веков.

— Шьяни, тебе удалось создать в своем доме маленький музей, — италиец осмотрелся в квартирке, которая ну не удивляет размерами, однако полнится уюта. Пол, устеленный тёмным линолеумом в стиле досок, не сквозит. Стены, выполненные из лакированных досок и покрытые шоколадными обоями создают ощущение томности и мистичности. Вкупе со створчатыми шторами, парой диковинных растений и шкафами, которые забиты сувенирами из далёких стран. Свет уходящего солнца пробивается через два окна, блекло освещая квартиру.

Юнец повернулся в сторону высокой девушки, полностью погружённую в своё дело — она согнулась над подругой и с напряжённым лицом работает с машинкой. Тёмная загорелая кожа ловила лучи солнца, подсвечивая затейливые татуировки.

— А? Что? — приподняв голову, переспросила Шьяни, пропустившая слова. — Прости, я полностью ушла в дело.

— Ничего страшного, — края сухих губ дрогнули, — я говорю, что у тебя тут самый настоящий музей.

— А, да. Я много чего набрала во время путешествий, — она вновь вернулась к делу, на коже Аэлет практически был завершён узор. — Знаешь, всегда интересно погружаться в культуры, в чужие обычаи, вообще в другой мир.

— И чтобы оставить память, ты решила брать себе по кусочку тех мест, где была? — тепло обозначил Йозеф, всмотревшись в один из сувениров и узнал в нём статуэтку венецианской певицы.

— Да.

— А картинная галерея?

— Мне всегда нравилась природа, — тонкие губы, выведенные луком Купидона, дрогнули в улыбке, — часть картин я купила в путешествиях и закромах, другую часть нарисовали на заказ.

— Какая же должна быть любовь к природе, чтобы тратить деньги на картины в том

мире, в котором мы живём? — удивлением полнился вопрос, найдя продолжение в роящихся мыслях. — «В этой квартире порядок, всё убрано и даже отсутствует разруха. А на улице? В других комнатухах? Царит полнейшая разруха. Порой мне кажется, что истинная разруха не на улице, не в мире, а головах людей. Быть может постапокалипсис не на улице, не в мире, а прежде всего в сердцах и умах сего рода?».

— Йозеф, пройдоха, — раздался ретивый женский голос, — ты за всё это время даже не удосужился спросить, как я. Это же как-то не по-джентельменски.

— Я знаю, что с тобой всё в порядке, — выкрутился парень. — Девушка, которая меня вытащила из передрыги, дама — сильная.

— Ой, хоть бы проявил себя как. Не всё же мне тебя таскать.

Йозеф как заколдованный смотрел на них — его боевая подруга на кресле и татуировщица, с довольно загадочным и нетипичным «иероглифом» души. Он находил в них что-то мистическое, притягивающее... то, что было в нём самом очень глубоко. Схожие идеи, мысли, увлечения или...

«Потерянная человечность», — вспыхнула мысль.

— Закончено, — сказала Шьяни, помогая Аэлет подняться.

Девушка одета в простую майку и джинсы на размер меньше, а поэтому подчёркивающие её и без того выразительные формы. Рядом лежала аккуратно сложенная курточка.

— Как тебе? — задорно спросила девушка, показав плечо, где в багряном ореоле красуется изображение прекрасной розы — рубиновый цветок, лишённый всяких изысков, пленяющий своим величием, окружённый парой столь изумительных бабочек.

— Очень красиво, — трепетно произнёс италиец, в сердце что-то шевельнулось. — Знаешь, эта роза очень сильно походит на тебя — такая же красивая.

— Спасибо, — щёки Аэлет слегка порозовели. — Я не думала, что ты можешь ещё и красиво говорить.

Йозеф взглянул на Шьяни. Всё так же чудесна — волосы распущены, обрамляют загадочное лицо, ложатся на плечи, покрытые чёрной кофтой с высоким горлом. В тёмных слегка прируженных глазах мерцало что-то мистическое и одновременно простое. Что-то такое и предельное знакомое он находил в очах Аэлет.

— И спасибо огромное — мастеру, — мерно кивнул наёмник, точно бы поклонившись. — У тебя отлично получилось.

— Благодарю, — она театрально слегка поклонилась, словно отвечая на манеру капрала внутренним задором.

Татуировщица повернулась, сделала шаг к небольшому столику, где своего мига ждала квадратная чёрная колонка. Утончённые пальцы, украшенные парой золотистых колец, пробежали по кнопкам. Из неё полилась ритмичная и активная музыка, хоть немного отвлёкшая от бремени последних дней.

— Что это? — спросил Йозеф, вслушиваясь в быстро повторяющиеся звонкие мелодичные звуки, напоминавшие игру электричества и металла.

— Техно, — ответила дама.

— У меня есть, чем ещё скрасить этот вечер, — наёмница отстранилась к выходу.

Аэлет потянулась за принесённым пакетом, зашуршала им и быстро достала литр добротной радости — пальцы сжимали бутылку алкоголя, за которую можно и отдать целое состояние.

— О, интересно, — потянулась к ней подруга, удивлённая тому, что это чистая стеклянная хорошо закупоренная бутылка, а не пластиковый флакон, в котором плещется мутная жижа.

— Портвейн, — гордо произнесла дама, подбросив бутылку. — Это вам не бражка из забегаловки.

Йозеф в то время отстранился, подошёл к окну, где в свете уходящего дня созерцал поистине страшную картину, вносящую трепет, изменившую жизнь города кардинально. На западе от Таранто раскинулось огромное поле, до вчерашнего дня носившее звание помойки, туда свозили весь возможный мусор, нищие там находили место прокорма, а кто-то даже и материалы для слишком убогого трущобного жилья. Однако сейчас это стоянка для целого племени. Они вчера вечером явились подобно бушующему морю, словно стихия и прилив человеческого океана. Ревущие мотоциклы, собранные в передовые эскадроны, моментально разогнали всю голытьбу, а тех, кто был слишком упорен отогнали автоматными очередями. Полиция и армия, которые должны были отбить свалку, даже не стали вмешиваться в это дело и заняли позиции, став наблюдать за развитием событий. Чёрным муравьиным роем на окраинах Таранто собирались сектанты братьев Чёрного епископства. Они готовились вступить в кровавый бой, готовились захватить как можно больше пленных, которых...

«Принесет в жертву», — зловеще произнёс Йозеф внутри себя, тяжело шевеля языком. — «И как же можно одичать до такого? Одно людское море против другого».

А затем они стали селиться, не теряя ни секунды. На пустыре и горах мусора за мгновение вырастали целые кварталы палаток — пестрящие полиэтиленом, шкурами, навесами и тканевиной они представляли жутко обворожительное зрелище. Возле начинали роиться несчётные машины — главный транспорт кочевников, основа их силы и мобильности. Перекованные множество раз вездеходы и транспортники привезли тысячи человек. На ржавых драндулетах, отделанных в безумном стиле, иногда крашенных в кричащие цвета, они явились под город.

«Но их божество?!» — возопил капрал, всматриваясь в местность, которая нынче походила на полевой лагерь кочевников перед битвой, на стоянку колоссальной орды, волной несущийся сокрушать цивилизации.

Глаза углядели ужасающее зрелище, которое колоссом громоздилось в центре дикарской деревни — пятиметровый исполин, чудовищный идол. Он собран из проводов, вплетённых в крашенные ветки, насаженные на железно-деревянную конструкцию. Голова чем-то отдаёт образом компьютерного монитора, глаза сделаны в виде сплошной красной полоски, в одной руке у него что-то смахивающее на флэшку, а во второй на дискету.

«Во городские техноязычники радовались при виде этого», — подумал юноша, вспоминая как пару раз видел беснования тарантийских почитателей культа механизмов и электроники при виде ложного бога.

Оттуда доносились вопли, крики и ужасающие стоны. Странные песнопения под дикую музыку, барабанный бой и леденящие душу завывания. Кипящее и бурлящее море, лишённое стройности, культуры и внешней логики, погружённое в поклонение дикому культу, почитание сотворённого человеком, как божества.

«Мир давно сошёл с ума», — заключил юнец.

— Тебе не страшно жить здесь, на окраине? — спросил Йозеф. — Шьяни?

— Что теперь со всеми нами будет? — капрал продрог неожиданного страха в вопросе Лоук'Ц. — Это слишком сильно, даже для Таранто. И да, Йозеф, мне временами становится

страшновато.

— Пока что ничего, но нужно готовиться к худшему. Пять тысяч технодикарей встали у нашего города и неизвестно, чем всё это закончится, — обернулся к ним Йозеф, но едва ли не уткнулся грудью в Аэлет.

Девушка стояла прямо в полушаге от него, держа фужер, утяжелённый до краёв налитым алкоголем. Красивый янтарного цвета портвейн так и манил утолить жажду быстрым глотком.

— Mersi, — осторожно взял бокал капрал.

— Только осторожней, — игриво заговорила Аэлет. — А то вдруг ты ничего крепче молока не пил, я не хочу тащить твою тушку до дома... хотя мне не впервой.

— Ах, бывшая Ливия, — с ностальгией произнёс парень, подняв глаза на натяжной потолок.

— Расскажите, что там было? — с энтузиазмом спросила Шьяни.

— Пойдём присядем, — Аэлет указала на небольшой пластиковый столик, мостящийся в углу.

Они начали вести тёплую беседу, вспоминая о делах минувших. Йозеф рассказывал о том, как они начали наступление, о том, как они попытались играть в войну и о том, как он практически чуть не погиб. Разошёлся юноша благодарностями для Аэлет, которая его вытащила, поведал, что если бы не она, то сейчас бы глотал землю. И завершил рассказ тем, что всё противостояние, все война жертвы были обнулены золотом, подкупом Компании.

— И теперь вы здесь, — опечалено завершила Шьяни, поиграв с приятно пахнущим напитком. — О ужас, что же в мире творится. Хорошо, что вы выбрались оттуда. И я надеюсь, что когда-нибудь, — пальцы стали тарабанить по столу, — это всё закончится, — её голос подхватил внутренний настрой, воспаривший надеждой и мечтательностью. — Я верю, что когда-нибудь мы сможем жить в мире, что когда-нибудь человек научится жить с человеком в мире.

— Боюсь, что сейчас это невозможно, — хмуро обозначил Йозеф, — люди слишком долго живут в подобии безумия. Для них насилие стало нормой жизни. Порой мне кажется, что для нормальной жизни нам теперь нужен костыль, железная клетка, в которой будет жить народ. Порой кажется, что одичавшую, опьяневшую от крови и практически сошедшую с ума биомассу, может в узде держать только тоталитарный режим, новая тюрьма, в которой люди будут жить под абсолютным контролем и наблюдением. Чтобы вновь, — юнец тяжело вздохнул, — не породить эпоху тёмных веков.

— Это слишком жестоко, Йозеф, — нахмурилась Лоук'Ц. — В конце концов человек будет под жестокой пятой, где станет просто винтиком в системе.

— Бронзовый век, античность и мир наших предков — все они были сокрушены толпами варваров, ордами дикарей. И снова, и снова цивилизация сокрушалась толпами тупых идиотов, которые от животных недалеко ушли, — гнев дрожью пронзил речь паренька. — И снова и снова человек поднимался, становясь более могущественным. Посмотри за окно, и ты увидишь, что толпа уродов поднимает руку на город, чтобы оставить от него руины.

— Йозеф, — упрекающе обратилась татуировщица, — знаешь, это бедные люди. Им никто не принёс просвещение, помощь. Так же как и сейчас — много людей такие, потому что никто о них не заботился.

— Шьяни, — выпив портвейна заговорила Аэлет, — а как тебе технодикари у ворот

нашего города? Они пришли незнамо зачем, требований не выставляли. Просто пришли и отжали у нас кусок земли.

— Но я думаю, что они — тоже люди, — девушка также отпила из бокала. — Среди них и дети, и старики. Я даже видела, как один старичок играл со сворой ребятишек. Разве они не такие ли люди, как и мы? Ведь они так же любят, как и мы... так же рожают и влюбляются, так же скорбят и радуются, так же гnevаются и прощают.

— Это то понятно, — Йозеф лихо отпил, практически опустошив бокал, — я имею в виду цивилизацию. Они ведь... дикари.

— А кто бы им показал, что всё иначе? Они — жертва обстоятельств, которые не виноваты в том, кем оказались сейчас.

— Шьяни, у тебя слишком доброе сердце, — повертела Аэлет в руке фужер, — даже очень. Ты бы точно не смогла быть наёмником.

— Я и не собиралась. Кстати, какие у города... у Ковенанта планы на племя? — спросился Шьяни, поправив кольцо с рубином. — Они же должны что-то предпринять? Если всё забросить... может начаться конфликт.

— Трудно сказать, — поник капрал, потянувшись за бутылкой, — сейчас всё довольно сложно, довольно вязко. С одной стороны, племя сидит мирно и не никого не трогает, только отгоняет всех, кто к ним приближается. Но это пока, что.

— А с другой?

— Мэр и губернатор уже приняли меры, — Йозеф налил себе портвейна и передал бутылку Аэлет. — Пока что ограничились выставленным усилением, патрулями и караулами. А так же... проклятые братья Чёрного епископства. Больные...

— Йозеф, — приподняла руку Шьяни, — прошу, давай без этого.

Разговор продолжила Аэлет:

— Да, спустя пару дней подъедет усиленное подразделение спецназа Ковенанта. Посланник Таранто вчера направился к ним, но до сих пор не вернулся. Зараза, даже не хочу думать, что с ним могло стать, — наёмница посмотрела в окно, где виднелся зловещий силуэт монструозного идола. — Надеюсь, он просто тамошней браги напился и валяется в куче мусора.

— Как по мне, это всё имеет далеко идущие последствия и причины... очень загадочны. Они заняли часть земель, они создали напряжённость в этой части Ковенанта, сковали часть сил, привлекли внимание и, — капрал медленно стал перегонять алкоголь, ухмыльнувшись, — а ведь хороший портвейн. Под него хорошо идёт разговор.

— Йозеф, чтоб тебя, — нахмурила глаза наёмница, — ты не на Мальте, чтобы уходить в лирические отступления.

— Я недавно созванивался со своим другом. Он из тех краёв, где раньше жила орда. Говорил, что они сорвались после приезда таинственного человека, а варвары во время, когда собирали удочки, скандировали «Гереро». В это же время Италийская Республика подняла как минимум бригаду и три наёмных дружины.

— Гереро, — фыркнула лейтенант, — это может быть тот урод, с которым мы бодались недавно на юге Италии. Свой первый бой помнишь?

— Да. Может он, а может и нет.

— Аэлет, а ты что думаешь?

— Да мне всё равно, только бы бойни не началось.

— А что было на Мальте? — резко съехала с прошлой темы Лоук'Ц. — Аэлет

рассказывала, что вы там хорошо провели время, и что это очень красивое место. Расскажи мне о нём.

— Да что рассказывать, — Йозеф отпил из бокала, взглянув на Шьяни и увидел на лице печать невообразимого интереса.

— Там было очень красиво, — ностальгически начал наймит, его взгляд был направлен словно вне пределы этой комнаты, он смотрел на подруг и одновременно намного дальше. — Природа, которой мы практически не увидим. Роскошный чудесный сад в котором тысячи роз собираются в затейливые узоры, а журчание реки и аромат делают его похожим на Эдем. Я видел колоссальные цитадели, гигантские крепости, в которых работают тысячи людей ради блага всех. Я видел технологии, которые сейчас считаются утраченными... техноволшебство. Милосердие и любовь, заточённые внутри холодного камня и направленные на помощь всем страждущим и нуждающимся. Последний осколок великолепия, духа истинной человечности.

— Ох, ты так всё описываешь, — Йозеф заметил, как в глазах Шьяни зажегся мистический огонёк интереса, — я бы хотела там побывать. Это, наверное, красивое, живое и чудесное место! Йозеф, если бы была возможность, ты бы меня взял туда?

— Конечно. Если честно, я могу это сделать и сейчас, но только за твоё право побывать там, мне придётся стать братом Мальтийского ордена и принять монашество.

— Тебе бы пошло, — пошутила Лоук'Ц.

— Не нужно ему это, — игриво вступилась Аэлет, — он — нормальный парень, которому нужно жить полной жизнью.

— Хах, — усмехнулся Йозеф, чувствуя внутри, у самого сердца укол странной боли, которой только ещё предстоит распуститься. — Может быть, когда-нибудь я и вступлю в их ряды.

— Не смей! — улыбнулась Аэлет, немного поёрзав. — Я никогда не пойму люди, которые отказываются от всего того, что предаёт жизни вкус!

— Ладно вам, — махнула татуировщица, налив себе ещё немного. — И монахи, тоже хорошие люди. Каждому — своё.

— Это интересно, — подметил тарантиец, его голос стал более живым, — я об этом много думал и теперь всё же скажу, — юнец на секунду запнулся, — ты слишком тепло, доверительно относишься к людям. Это... необычно. Я не встречал подобных тебе людей.

— Я просто верю в человечество.

— Хорошая вера, — с хандрой проговорил Йозеф, с чувством пепла на языке. — Я надеюсь, она тебя не подведёт.

На миг установилась тишина, каждый ушёл в собственные мысли. И думать действительно есть над чем — пришествие орды внесло неразбериху не только в жизнь, в мысли и умы людей. Это слишком животрепещущая проблема, чтобы так просто от неё можно было бы отмахнуться. Шьяни, сложив руки на груди, поинтересовалась:

— Чем займёшься сейчас?

— Пока что не знаю. Я получил деньги и даже звание! — капрал развёл руками. — Не думаю, что продолжу служить и стану метить на сержанта. А там и денег побольше, — потёр ладонями Йозеф.

— Если ты станешь сержантом быстрее, чем Румо, он тебе это не простит, — мерно проговорила Аэлет. — Он тебя где-нибудь грохнет, точно.

— Да ладно тебе. Он добрый мужик, хоть иногда его и заносит.

— Конечно добрый... но там, где дело пахнет большими деньгами, он прям монстр. Помню, он как-то сговорился с начскладом и вытаскивал партии вещей, чтобы сбывать их. Неладное заметили, когда полковник увидел, как в форме наёмников щеголяют рядовые и сержанты из госармии. Повезло обоим, что всё списали на кражу, иначе оба потом толчки в штабе драили. Ну или делились с Неро.

— Ого, какие у вас страсти творятся, — Аэлет допила свой портвейн, но от новой порции отказалась, помахав рукой.

— Да, теперь я буду стремиться стать сержантом. И чувствую, вот эта заварушка с технодикарями может стать отличным способом для повышения!

— Только не кровопролитием, прошу.

Вновь установилось молчание. Они переглядывались, двое потягивали последние капли алкоголя, а Шьяни взяла бутылку, всматриваясь в этикетку. Йозеф подумал, что она уже мечтает о том, как посетит прекрасные местечки бывшей Португалии... Португальского союза, откуда и пришла эта выпивка.

— И что же теперь со всеми нами будет? Йозеф, Аэлет, я надеюсь, что всё вскоре устаканится, и мы вернёмся к более-менее спокойному существованию.

— Не знаю, — мрачно завершил италиец, допивая последние капли. — Но явно ничего хорошего. Скорее-всего, нашей Компании также придётся в этом поучаствовать. Румо звонил, рассказывал, что капитан уже получил приказ быть готовым в любое время сорваться и прибыть в казарму. Да и Гереро... что забыл сверженный правитель в этих землях? Как он привёл в движение орду? Ох, чувствую, не к добру мы идём.

— Нужно надеяться на лучшее, — жизнеутверждающе произнесла татуировщица.

— Я очень хотел бы, чтобы всё завершилось бескровно. Но, Шьяни, не забывай, в каком мире мы живём. А теперь, — он посмотрел в глаза подруг и под веянием портвейна нашёл их взгляды чарующими, с печалью продолжив. — Давайте расходиться. Я, как и ты, надеюсь, что завтра нам подарит лучший день... надеюсь.

— И это ещё не все его приключения, — энтузиазм лился из голоса. — Технодикарями всё не заканчивается.

Сергий поднялся с табуретки и помял затёкшую спину. Он отложил огромную толстенную книгу, в которой своё место получили десятки историй Великого кризиса. За скромной обложкой таились рассказы жизней героев, преступников, фанатиков и славных властителей. Но одна история привлекала больше всего внимания, она несла в себе слёз на море, вкус пепла и сладость надежды.

— Там есть и о том, как они побывали в странах Греции, и на ближнем востоке. Есть даже пара историй о том, как он побывал на Кавказе.

— Я знаю, — сдавленно произнёс киборг.

— Откуда?

— Знаю, — несмотря на всю механичность голоса в нём всё ещё сохранялись остатки человечности, которую нельзя утаить ни в каком железном мешке, оковавшем тело и разум. — В конце концов, время моей жизни открывает для меня множество... знаний прошлого. И о судьбах прошлого.

— Это, наверное, интересно?

— Но оно несёт и тяжёлое бремя, которого я не пожелаю никому из живущих. Пережить надежду и разочарования, радость обретений и чувств, боль потер и жестокость безнадёжности на протяжении долгих лет, — в хладной речи явственно чувствовалась тяжесть, привкус горечи, — во истину это способно убить человека в человеке.

— Так в чём смысл всего этого?

Человек, или осколок души, оставшийся от человеческого естества, задумался о смысле. То, что он слышал, только открывало историю Йозефа Ди'Андора, впереди простирался сказ, который оставил значительный след. Но к чему всё это?

Песок времён заметёт большинство имён — Шьяни Лоук'Ц, Аэлет, Румо, братья Мальтийского ордена и те, кто ещё станут знакомы Йозефу... их имена забудутся племенами и народами будущего, могущественные империи и толпы фанатиков прославят великих правителей и алчных идолов. Но та фигура, которая приняла участие в последующих славных деяниях и попала в бурю изменений, брала силы, вспоминая о чудесных друзьях. Быть может даже память о тех незначительных песчинках и сердце, открытое их идеям, и стало для человека максимой жизни, предопределило путь, который связал его с двумя империями, бросил в горнило событий, из которых вышел новый мир.

— Так в чём же смысл, отче? — вновь повторил юноша, потянув ремень на подряснике.

— Наш смысл в том, чтобы вернуться Домой, — если бы речь произносилась с чувствами и плотью, монах походил бы на заботливого наставника. — Там, где нас ждёт Отец Небесный и для сего нам должно приложить все духовные усилия.

— Это я понимаю. Я говорю о его смысле.

— Смысл? В том, к чему мы стремимся всю жизнь... в том, кем мы должны стать, — пустился в рассуждения мужчина, медленно перебирая механойдами горловых связок; взгляд был прикован к роскошному тёмному небу, на котором разбросана россыпь благородного звёздного серебра. — Эта история об этом. О том, как стать человеком, затем потерять этот драгоценный дар, а потом вновь к нему стремиться. Тут он просто наёмник, но уже

задумывается о том, что можно быть куда больше, чем просто блага для бренной плоти. Да, скоро ему придётся задуматься о том, что нужно быть большим, нежели просто существо, живущее во имя удовлетворения голода, жажды и прочего, им подобного. Ради мира, ради жизни.

Больше книг на сайте - Knigoed.net